

РУССКАЯ РЕЧЬ 1984

НОЯБРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ДЕКАБРЬ

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 90-летию со дня рождения

С. Ю. Преображенский и Ю. Тынянов — филолог и художник слова	3
Л. А. Гладышева. Сатирические формулы Ю. Тынянова	10
А. Н. Кожин. Поэтический потенциал непоэтического слова в советской поэзии	15
Л. А. Качаева. Может ли голубое быть зеленым и розовым?	20
Н. А. Кожина. Нечто большее, чем название	26

КУЛЬТУРА РЕЧИ

А. С. Дерябина. Переводный и переводной	33
Л. И. Василенко. Модальные слова в диалоге	37
Т. А. Мехович. Как говорят дети	41

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?	46
------------------------------------	----

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	40,64
-------------------------------	-------

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854—1919)	49
Павел Константинович Симоны (1859—1939)	51

СРЕДИ КНИГ

Ю. С. Воронов. Ораторское искусство В. И. Ленина	55
И. Ф. Протченко. Русский язык: проблемы изучения и развития	61
В. Д. Бондалетов. Русская ономастика	109
В. Е. Гольдин. Речь и этикет	47

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

С. Д. Холматова. Таджикские писатели о русском языке	57
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Л. П. Жуковская. Слово <i>тило</i> — среднего рода	65
Л. М. Городилова. «Дело по прозбе Козмы Лузгина с товарищи»	68
В. А. Кучкин. «А се волости отъездные...»	72
Г. В. Судаков. «Урядные молодцы в золотых юпках»	75
Б. И. Кошечкин. Мореходные книги русских поморов	79
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
В. Л. Виноградова. Слово <i>волк</i> в древнерусском языке и в «Слове о полку Игореве»	87
Л. П. Борисова. «Питая грусть в душе своей...»	95
Е. И. Коряковцева. Соблазн и скандал	99
Н. С. Арапова. Разводить бодягу	103
ОНОМАСТИКА	
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	105
С. М. Прохоров. У корней родословного древа Есениных	107
ХРОНИКА	112
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Обзор писем читателей	115
Кроссворд	110
Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1984 году	122

На обложке: Рисунок Б. Захарова

К 90-летию
со дня рождения

Имя Юрия Николаевича Тынянова пользуется глубоким уважением среди крупнейших советских писателей, ученых-литературоведов и лингвистов. Миллионы читателей знают и любят его своеобразную историческую прозу: романы-биографии («Пушкин» и «Кюхля»), повести, построенные на необычных, курьезных историях, так называемых «исторических анекдотах», но при всем том передающие самый дух описываемой эпохи («Восковая персона», «Малолетний Витушишников», «Подпоручик Кижж»). Известны переводы Гейне, сделанные Ю. Н. Тыняновым, замечательно воспроизводящие резкую иронию оригинала. В историю советского киноискусства прочно вошли и теоретические разработки Ю. Н. Тынянова, и блестящие образцы его кинодеятельности (прежде всего «Шинель» и «СВД» — Союз великого дела — фильм о декабристах, которые были поставлены совместно с Г. М. Козинцевым и Л. З. Траубергом).

Поражает удивительная многосторонность таланта, широта интересов, мощь творческих достижений Ю. Н. Тынянова.

Начинал он как исследователь литературы. Бу-

Ю. Тынянов —
филолог и
художник
слова

дучи участником знаменитого пушкинского семинария С. А. Венгерова при Петроградском университете, он написал свой первый научный реферат, посвященный литературным источникам «Смерти поэта». По воспоминаниям самого Ю. Н. Тынянова, там сложилась творческая, рабочая атмосфера. Однако сама методика изучения литературного материала, видимо, уже тогда не удовлетворяла молодого ученого: «Они изучали не Пушкина, а пушкиноведение...» (Тынянов Ю. Н. Автобиография.— Юрий Тынянов, писатель и ученый. М., 1966).

Сложившиеся в этот период школы: сравнительно-исторического изучения литературы, освященная авторитетом замечательного русского ученого А. Н. Веселовского, и «психологическая», основывающаяся на поэтике А. А. Потебни, разработали ряд важных положений. Они бесспорно нашли свое отражение в последующей концепции литературного процесса, предложенной самим Ю. Н. Тыняновым.

Поиск способов получения научно обоснованных представлений о литературно-художественных произведениях объединил многих молодых, а впоследствии очень известных ученых. Сложились кружки: Московский лингвистический кружок и ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка, которые много сделали для формирования научных принципов в филологии и искусствоведении.

Первым и важнейшим положением нового учения о литературе было утверждение знаковости художественных выразительных средств. Уже А. Н. Веселовский предложил аналогию: язык как средство коммуникации с принятым набором знаков — литература с принятым набором сюжетов, мотивов. Однако одно только представление о знаковости художественных средств, не заключающее в себе никаких дополнительных сведений о сравнительной сложности организации этих средств (об их иерархии) было явно недостаточным для выработки полной методики научного анализа.

Необходимость иерархического подхода к художественным знакам диктовалась пробуждением у ряда литературоведов 20-х годов интереса к сугубо лингвистическим методам. Ведь лингвистика изучала знаки языка именно в их взаимоотношении на уровне фонемы — морфемы — лексемы — предложения и показывала, как единицы одного яруса «строят» единицы следующего и как изменения на одном ярусе влекут за собой изменения на следующем

(выдающимся представителем такого системного подхода к явлениям языка был преподававший в Петроградском университете И. А. Бодуэн де Куртенэ). Интерес к лексикологии не был случайным. В 1924 году Ю. Н. Тынянов написал работу, где осуществил непосредственный переход от слова как единицы национального языка, средства коммуникации к слову, взятому в его эстетической функции, реализующему особое, «дополнительное» художественное значение.

Книга «Проблема стихотворного языка» представляет собой новаторский опыт изучения поэтической семантики слова, взятого как компонент стихотворного текста. Г. О. Винокур сказал о ней, что «будущий исследователь проблемы стихотворного языка обойти книгу Тынянова... не сумеет» (Рецензия на книгу Ю. Н. Тынянова в журнале «Печать и революция», 1924, № 4).

*

В полном смысле зна́ком в стихотворном тексте является, по Ю. Н. Тынянову, слово. У всякого слова есть «основной признак значения», нечто, определяющее основу и границы смысловой структуры, и ряд «второстепенных признаков», отличающих каждый вариант употребления слова, закрепленный в языке, от всех остальных [ср.: 1) Земля и Марс, 2) зарыть в землю, 3) упал на землю, 4) родная земля]. Кроме того, в контексте могут возникать неустойчивые «второстепенные признаки», появляющиеся только в данном окружении — «колеблющиеся». Вот пример возникновения «колеблющегося» признака у слова *человек* — каламбур А. Белого «человек — чело века» — разобранный в книге Ю. Н. Тынянова. Привнесение в содержание слова смыслов, содержащихся в сочетании слов *чело века* и подчеркивание того, что внешняя форма слова *человек* как бы дает нам эти смыслы, приводит к появлению неустойчивого понятия, которое закрепляется за языковым знаком *человек*, но только в данном контексте.

Таким образом, вопрос о передаче художественного смысла в стихотворении, о сходных и различных способах его передачи у отдельных авторов и целых литературных школ может быть частично решен уже при изучении способов образования «колеблющихся» признаков в определенных стихотворных контекстах (объединение слов в

стихе, объединение слов по созвучию, рифма и т. д.).

Во всяком художественном тексте «колеблющиеся» признаки задают специфическую окраску слова, присутствующую только данному контексту. Можно говорить и о типичных контекстах (ряд авторов, литературная группа). Очень важно, по мнению Ю. Н. Тынянова, решить вопрос о том, каково общее направление в изменении значений языковых знаков у изучаемого автора (или группы авторов). Это главное направление Ю. Н. Тынянов назвал «установкой». Смена их, выдвигание на первый план то одних, то других потенциальных возможностей средств языка — вот вопросы, формирующие проблему эволюции литературных систем, как индивидуальных, так и коллективных (школ). Проблема литературной эволюции имела для Ю. Н. Тынянова первостепенную важность.

*

Второе большое исследование, опубликованное при жизни автора, — «Архаисты и новаторы» — посвящалось вопросам теории эволюции и ее применения на практике к истории литературной борьбы первой половины XIX века. В теоретических изысканиях Ю. Н. Тынянов проявил себя как один из первых филологов, использующих системный подход к такому явлению, как поэтика.

Из положения о системности мира текстов художественной литературы вытекали другие важные положения «тыняновской школы литературоведения» (Б. М. Эйхенбаум): изучать следует всех авторов данного периода, а не только «литературных генералов», как говорил Ю. Н. Тынянов. Изучать надо прежде всего не средства языковой изобразительности сами по себе, а конкретно их функцию в произведении (роль архаизмов у Тютчева и Ломоносова различна, хотя это один лексический пласт слов). Некоторые из приемов — главные, подчиняющие себе остальные, они различны у разных авторов и все время сменяют друг друга, хотя возможны совпадения. Системы авторских выразительных средств социально обусловлены и связаны с литературной личностью автора, которая почти никогда не совпадает прямо с реальной биографической личностью, — это авторское я, в основе которого лежат не столько психологические, сколько мировоззренческие, культурно-философские признаки. При учете связи систем надо принимать во внимание не толь-

ко их взаимные притяжения и сближения, но и взаимные отталкивания.

В связи с вопросом о взаимных отталкиваниях Ю. Н. Тынянов разработал свою оригинальную и глубокую теорию пародии как одного из средств, обеспечивающих литературную эволюцию. «Все методы пародирования, — писал Ю. Н. Тынянов, — ... состоят в изменении литературного произведения или момента, объединяющего ряд произведений (автор, журнал, альманах); или ряда литературных произведений (жанр) — как системы, в переводе их в другую систему». (О пародии. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977). Пародия проделывает колоссальную работу — она вычленяет литературно-художественные, языковые приемы, дает их в «обнаженном» виде и переосмысливает, включая в новую систему.

Руководствуясь общими положениями об эволюции системы литературных художественных средств, Ю. Н. Тынянов дал ряд прекрасных образцов конкретного анализа творчества А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева и, конечно, А. С. Пушкина.

*

Помимо историко-литературных исследований, Ю. Н. Тынянов уделял большое внимание и проблемам современной ему литературы, эволюции ее стилей и эстетических норм. Ряд его статей, помещенных в журналах того времени, посвящен оценке состояния молодой советской литературы. В этих статьях он пытался, исходя из названных выше теоретических принципов, давать оценку современным литературным явлениям и прогнозировать (иногда удивительно точно) их дальнейшее развитие.

Ю. Н. Тынянов занимался не только теоретической, но и прикладной работой, связанной с историей художественной литературы. Он много внимания уделял текстологии и редактированию художественных произведений. Колоссальный вклад внес Ю. Н. Тынянов в создание серии книг «Библиотека поэта». Ему мы во многом обязаны существующей ныне традицией научной подготовки текстов и комментариев к произведениям крупнейших русских и советских поэтов. Удивительно кропотливую работу проделал Ю. Н. Тынянов при подготовке к изданию стихотворного наследия В. К. Кюхельбекера, твор-

чество которого до Ю. Н. Тынянова вообще считалось не представляющим интереса для читателя.

Литература рубежа веков дала (подобно литературе XVIII в.) ряд примеров художников слова, удивительно сочетавших творческую интуицию и научный анализ структуры литературных произведений. Таковы были, например, А. Белый, В. Брюсов.

И художественная проза Ю. Н. Тынянова неотделима от его теоретических изысканий в области филологии, она была как бы их экспериментальным продолжением. В области слова Ю. Н. Тынянов творил как подлинный исследователь языка художественной литературы.

Вот пролог «Смерти Вазир-Мухтара»:

«На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа — восставшие бежали по телам товарищей — это пытали время, был „большой застенок“ (так говорили в эпоху Петра)».

Писатель Ю. Н. Тынянов, продолжая рассуждения Тынянова-ученого, демонстрирует, какой вес приобретает «колеблющийся» признак в семантике глагола *пытать*, рождающийся в одновременном соединении в контексте двух его значений: *пытать* — «мучить», *пытать* — «испытывать».

«Мальцев же двигался по дворцу как выскочка, не смотря на свое благородное происхождение, он не задевал вещей и извинялся перед ними».

В этом контексте слово *задевать* реализует два своих значения сразу: *задевать* — «зацепляться за что-либо» и *задевать* — «обидеть, оскорбить».

«Колеблющийся» признак может разворачиваться в контексте в сложный набор метафор, когда прямое значение слова создает метафорическое, а метафорическому значению сообщаются затем свойства художественного символа:

«*Лунный свет* падал на черные листья, а из окна влюбленного молодого в галстук человека, который не мог быть никем иным, как *коллежским ассессором*, — падал другой, *теплый, желтый свет* на улицу. Это был тот самый *глупый лунный свет*, который воспевали толпы поэтов и над которым он вдоволь посмеялся. <...> *Ассессорский свет* был *теплый, желтый*, мигал и колебался, ветер задувал

свечу. Что же за власть, за враждебное пространство опять отделило его от *глупого, смешного, радостного до слез ассессорского света?*» (Смерть Вазир-Мухтара).

Значительно использование в прозе Ю. Н. Тынянова цитат из литературных источников, тщательных стилизаций, которые, однако, не контрастны по отношению к нейтральному языку повествования (например, официальной бумаги XVIII в.): «Он сухо донес императору, что умерший поручик Синюхаев явился в Гатчину, где и положен в госпиталь. При чем сказался живым и подал прошение о восстановлении в списках. Каковое препровождается и испрашивается дальнейшее распоряжение» (Подпоручик Кижэ).

Иногда использование многочисленных компонентов известного литературного текста в несобственно-прямой речи способствует созданию далеко не комического эффекта. Так, в 40-й главке «Смерти Вазир-Мухтара» внутренний монолог А. С. Грибоедова строится на все время увеличивающихся рефренах-повторах, взятых из «Слова о полку Игореве». Эти рефрены сочетаются с авторским текстом Ю. Н. Тынянова: *Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою. <...> Вступила девою, далекою, с тяжельми детскими глазами.*

Такой мозаический стиль Ю. Н. Тынянова безусловно нуждается в специальном лингвистическом исследовании. Однако очевидно, что яркость, убедительность исторической прозы Ю. Н. Тынянова находится в прямой зависимости от богатейшей филологической эрудиции автора, от его способности к глубокому теоретическому проникновению в законы языка художественной литературы.

В. В. Виноградов в предисловии к переизданию ряда статей Ю. Н. Тынянова (Пушкин и его современники. М., 1969) писал:

«Между историко-литературными трудами Ю. Н. Тынянова и его историческими романами тесная связь и глубокое взаимодействие. <...> Нелегко указать среди деятелей советской литературной культуры личность более сложную, цельную, глубокую и так самоотверженно преданную высоким интересам нашей современности».

С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Рисунок В. Леонова

Сатирические
формулы
Ю. Тынянова
дд

Словарные и фразеологические ресурсы современных публицистических стилей постоянно пополняются и обновляются за счет творчества советских писателей.

Два выражения, принадлежащие выдающемуся советскому литературоведу, писателю и критику Ю. Н. Тынянову *подпоручик Киж*е и *фигуры не имеет*, дополнили ряд фразеологизмов, обслуживающих нужды публицистики в средствах создания отрицательно-оценочных характеристик.

Какова историческая основа этих выражений?

Возникновение словосочетания *подпоручик Киж*е тесно связано с периодом правления Павла I, который установил в стране суровый полицейский режим, ввел мелочную регламентацию во всех звеньях государственного аппарата, а в армии — палочную муштру.

Анекдот о несуществовавшем, но преуспевающем подпоручике Киже имел хождение в придворной среде, о чем свидетельствуют «Рассказы о временах Павла I» Владимира Даля, записавшего воспоминания своего отца, служившего в те годы в Гатчине военным врачом. В рассказе говорилось о

канцелярском казусе, когда по ошибке писаря в официальном приказе по военному ведомству вместо слов *прапорщики* ж были написаны слова *прапорщик Киж*. Подписывая приказ, Павел I принял это странное, небывалое слово, написанное к тому же с заглавной буквы, за фамилию и начертал: «Подпоручик Киж в поручики». На другой день он произвел мнимого поручика в штабс-капитаны, на третий — в капитаны, а затем в полковники, приказав: «Вызвать сейчас ко мне». Тут решили доложить Павлу, что полковник Киж умер. «Жаль, — сказал император, — был хороший офицер» (См. «Русская старина», 1870, сентябрь).

Однако дальнейшую жизнь этому словосочетанию дал советский писатель Ю. Н. Тынянов. Он использовал исторический анекдот в качестве основы для своей известной сатирической повести «Подпоручик Киж», где с редкостным остроумием осмеял тупой и жестокий формализм правления Павла I.

Как большое социально-историческое обобщение рассматривает это произведение в своих воспоминаниях Вениамин Каверин: «В машине павловского государства с ее канонизированными законами существования достаточно описки, чтобы из нее вышла андерсеновская тень, которая растет, делает карьеру, занимает все большее место в государстве и, наконец, распоряжается судьбами беспрекословно послушных мертвому ритуалу людей. Параллельно Тынянов рассказал историю поручика Сянюхаева, который благодаря другой, прямо противоположной ошибке выбыл из числа живых и был записан мертвым. Нигде не перекрещиваясь, не переплетаясь, две истории ведут читателя в самую глубину той мысли, что для мертвой правильности канцелярского мышления не нужен и даже опасен живой человек» (Юрий Тынянов, писатель и ученый. М., 1966).

При сравнении рассказа В. Даля и произведения Ю. Тынянова выявляются также изменения в словарном составе рассматриваемого сочетания: слово *прапорщик* в повести заменено словом *подпоручик*; фамилии героя придано французское звучание; кроме того, повесть дала начало новому фразеологизму *фигуры не имеет*, употребляемому в роли сопроводителя названной формулы, но в редких случаях обладающему возможностью самостоятельного функционирования.

Ныне, в исторически изменившихся условиях, выражение *подпоручик Кижэ* употребляется не столько как наименование лица или явления, внесенного в список, приказ или другой официальный документ, но не существующего в действительности, сколько как обобщенная формула бессмысленного формализма, противоречащего реальному ходу вещей, жизненным ценностям. Хотя в словаре Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова» читаем: «Выражение *подпоручик Кижэ* получило крылатость и употребляется как ироническая характеристика лица, в действительности не существующего, но принимаемого за реальное вследствие какого-либо недоразумения или обмана»; или «Выражение употребляется как ироническое обозначение несуществующего лица, вследствие недоразумения принимаемого за реальное» (В. П. Берков. Русско-норвежский словарь крылатых слов. М., 1980).

Второй, более широкий смысл рассматриваемого словосочетания подчеркивается в литературоведческих работах, посвященных Тынянову. «Подпоручик Кижэ стал именем нарицательным,— пишет в уже упомянутой статье В. Каверин,— стал символом холодного, равнодушно-казенного отношения к жизни. Это имя и до сих пор можно встретить в сатирической заметке, в публицистической статье, направленной против бюрократизма» (Юрий Тынянов, писатель и ученый. М., 1966).

В современных контекстах индивидуальное новообразование писателя обретает разнообразное тематическое наполнение и употребляется в соотнесении с большим кругом явлений. Но основная функция этого выражения — обличительная.

Например, в публицистических статьях оно применяется как средство отрицательной оценки тех безликих, неинтересных литературных героев, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу читателя: «Может быть, читателю было бы и интересно проследить развитие этих запутанных отношений, если бы он знал, что стоит за несогласиями и раздорами, до поры до времени мешающими влюбленным соединиться, и каковы сами молодые люди. Увы, и на сей раз ... действующие лица, подобно подпоручику Кижэ, „фигуры не имеют...“» (Литературная газета, 1969, 14 мая); «В так называемом детективном жанре, к сожалению, преобладают ремесленные произведения, где контрразведчики или работники угрызиска... обычно

„фигуры не имеют“ — характеры их обрисованы схематично, по установившемуся стандарту, кочующему из книги в книгу, а профессиональная специфика их сложного и героического труда почти не раскрывается авторами, которые лишь поверхностно знают ее» (Правда, 1975, 14 янв.).

Фразеологизмы из повести Тынянова могут быть использованы как острое выразительное средство в полемике по вопросам литературоведения и критики: «С уходом эпической формы,— говорил в своем выступлении на V съезде писателей Николай Грибачев,— из поэзии исчезают события, характеры и герои, разговорная речь, драматизм и комизм, исчезает многообразие жизни. Мне кажется, повинны тут и сами поэты, утратившие вкус к широкоформатным полотнам, и критика, которая не заметила, как вместо реалистического героя ей подкинули... так называемого „лирического героя“, подобно подпоручику Кижке, лица не имеющего» (Литературная газета, 1971, 7 июля).

В отдельных случаях эти же сатирические миниатюры применяются современной публицистикой с целью осмеяния неудачных, невыразительных работ в области киноискусства: «Молодые снова „никакие“. В том смысле, что комедийной фигуры не имеют. Отсутствие комедийности в характерах юных влюбленных создатели фильма пытаются компенсировать неприятными „трюками“» (Литературная газета, 1975, 12 ноябр.); или телевидения: «Мне, правда, приходилось не раз слышать от создателей телепередач такое понятие: „средний зритель“, на которого якобы приходится работать... А вот „среднего зрителя“ мне как-то не приходилось встречать. Существует ли он на самом деле или это поручик Кижке, рожденный только для обоснования своей безынициативности?» (Советская Россия, 1984, 22 марта).

Иногда на страницах современной прессы именем подпоручика Кижке называют автора, чьи произведения были присвоены плагиатором: «И в самом деле: сначала у человека берут его собственный текст, а потом ему самому вообще отказывают в существовании. Какой-то поручик Кижке. Тот не существовал, но числился. А тут существующего объявляют ничем...» (Литературная газета, 1965, 16 дек.).

Подлинно сатирическое звучание обретает рассматриваемая формула, когда ее смысл тесно соприкасается с

темой обличения современного капиталистического мира. Так, в статье Б. Рощина, разоблачающей судебные порядки в США, где за тысячи долларов «нужные люди» дают «нужные» суду показания, читаем: «Таким образом, не о каком-то таинственном поручике Киже идет речь, а о классическом типе провокатора, платного полицейского осведомителя» (Литературная газета, 1978, 11 окт.).

В очень редких, можно сказать, исключительных случаях обе сатирические формулы Тынянова утрачивают свой обличительный смысл и, вопреки первоисточнику и привычному истолкованию, приобретают экспрессию положительной оценки: «Так о чем же снял фильм Л. Бакрадзе? Как трудно ответить на этот вопрос, хотя в ленте все так просто, ясно, нет ни одного заумного, формалистического кадра... Главные герои, как поручик Киже, на экране „фигуры не имеют“. Главные герои — святая одержимость, вера в идею и верность идее. Но, наверное, самый главный герой, самый потаённый, искуснее других прячущийся за полотном экрана, — чуткость, внимание к ближнему, даже сострадание...» (Советская культура, 1979, 16 марта).

Несмотря на столь широкое и разнообразное тематическое наполнение названных выражений, их стилистическая функция, лексический состав, ироническая интонация и грамматическая структура сохраняют редкую стабильность. Они не допускают замен, вставок, расчленений, присоединений, если не считать частую, но не имеющую принципиального значения замену слова *подпоручик* словом *поручик*, а также чрезвычайно редкое добавление характеристик (*таинственный поручик Киже*).

Зато большой интерес представляют их смысловые преобразования. В речевой практике современных журналистов почти всегда эти выражения подвергаются новому прочтению, не соответствующему их смыслу в первоисточнике и толкованию в словарях крылатых слов.

Это один из убедительных примеров того, что жизнь крылатого слова в отрыве от первоначального контекста сложна и неожиданна, своеобразна и многопланова и может сопровождаться индивидуальными интерпретациями его ведущего смысла.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Рисунок В. Леонова

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

СОВРЕМЕННАЯ поэзия — важнейшая сфера познавательной деятельности народа — творца эпохи научно-технической революции. «Сущность всякого познания, — как полагает Вас. Федоров, — это в конечном счете познание законов энергии. Что такое стихи? Это один из способов передачи духовной энергии от одного человека к другому» (Уроки поэзии).

Нельзя отрицать того, что в творчестве советских поэтов, слагающих стихи о делах и помыслах современника, изобразительные возможности слов производственно-технической сферы обретают художественную ценность:

Значит,
где б ты теперь ни странствовал,
на пороге
любой весны
будешь бредить полярными трассами,
будешь видеть снежные сны.

Р. Рождественский и Я. Арктическая болезнь

В поэзии А. Вознесенского индустриальная мощь страны, взлет конструкторской мысли отливаются в образные обобщения свершений советского человека, ставших обыденным явлением в ритме быстротекущего времени:

Мы противники тусклого.
Мы приучены к шире —
самовара ли тульского
или «Ту-104».

Репортаж с открытия ГЭС

Аэропорт — озона и солнца
аккредитованное посольство!
Сто поколений
не смели такого коснуться —
преодоленья
несущих конструкций.

Ночной аэропорт в Нью-Йорке

Слова и выражения научно-технической речи усиливают
образительность текстов, выражающих чувство удивления и вос-
хищения созданным (КамаЗ, Атоммаш, БАМ, ракета, спутник
и др.):

Кто сказал: «Отгремели бои»?
Атоммаш на повестке и БАМ...
Но равняются все же они
По камазовцам, значит — по нам!

.....
Мы — зажегшие звезды дней
Ярым сполохом слова «КамаЗ»!

Сафин. Камазовское

И мир взрослеет, вглядываясь в атом,
Глобальной озадаченный судьбой.

.....
Мы служим миру, помня об утратах.
Мы согреваем космос добротой..

Коваль-Волков. В армии

Экспрессивный потенциал производственно-технического сло-
ва — действенное средство художественного освоения различных
сфер общественно-полезной деятельности, например у А. Вознесен-
ского:

Женщина стоит у циклотрона —
стройно,
слушает замагниченно,
свет сквозь нее струится,
красный, как земляничинка.

Оза

Средства механизации и автоматизации в поэзии Вас. Федорова
уподобляются сказочным мифическим созданиям, поражающим во-

ображение человека исполинской мощью. Явления метафоризации и слова́ книжно-поэтической речи предопределяют контекстную живаемость непозитического слова в стихотворениях поэта:

Движения резки и грубы,
Казалось, презирая зной,
Он вырывал дракону зубы,
Сверкающие белизной.
А сталь кидало в белый холод,
А сталь бросало в яркий жар,
Под сокрушительный удар,
Под черный многотонный молот.

На глубине

Научные термины вносятся в поэтическую ткань произведения для формирования образных представлений. На основе ассоциативных связей слов (атом, нейтрон, нейтрино, протон, позитрон) с явлениями в жизни человека и общества возрастает напряжение эмоционального воздействия при оценке дел и помыслов современника. Например, в поэзии С. Наровчатова:

Нейтрон, протон, нейтрино, позитрон...
С усмешкой вспоминаешь неделимый атом!
Не зная верха, низа и сторон,
Метут метелью в веществе разъятом.
К звезде опять стремятся сотни глаз,
И что им позитроны и нейтрино,
Раз на Тверском бульваре в этот час
Все неделимо, цельно и едино.

«Аминь, рассыптесь, горести и грусти!...»

Обозначения общенаучных понятий (прикладные науки, фундаментальные науки, радиус действия) выступают в роли образных стержней текста, раскрывающего важность познания духовных ценностей в бурный век научно-технического прогресса:

Говоришь, прикладные науки
Знаменуют наш бурный век.
Что ж, прикладывай умные руки
К самым добрым делам, человек.

Прикладные науки помогут
Звездных крыльев
создать чертежи.

Эти крылья, наверное, смогут
Дальних далей постичь рубежи...

Только есть и другие науки,
И о том забывать не спеши:
В точном слове,
В чарующем звуке
Сотворятся крылья души.

Яковенко, Баллада о лесе

Специальные наименования, например, *автоматика*, *счетные машины* в контексте получают дополнительное, образно-оценочное осмысление, при помощи которого реализуется страстный призыв к защите мира духовных ценностей в стихотворениях Вас. Федорова:

Больно видеть,
Как автоматика
В душу внедряется
Раньше цехов.
Хочешь и ты,
Чтобы все впритирочку,
Как у других,
Врастающих в чин,
Хочешь, чтоб я
Превратился в дырочку,
Вбитую в ленту
Счетных машин.

Семейный разговор

Приравнительное употребление производственной лексики расширяет область эмоционально-оценочных осмыслений. Так, перифразы используются в роли образных заместителей соответствующих терминов:

Ты самолету отдаешь
Все для того,
Чтобы взлетел он...
Блестя,
От нас недалеко,
Стоял тот в солнечном металле,
— Все кажется — из пустяков,
Из хрупких, крохотных деталей,
Но мысль конструктора прошла,
Все оглядев и все потрогав,
И каждая деталь нашла
Свою великую дорогу.

Так в каждом,
Кто себя найдет,
Кто посмотреть вперед решится,
Все неживое — отпадет,
Все лишнее — отшелушится.

На глубине

Слова научно-технической речи часто используются как образные сравнения и сопоставления:

Башенный кран, как ракета,
Чертит небо
Огромной стрелой.

Т а т ь я н и ч е в а. Башенный кран

Пафос созидания, поступь прогресса как неизменные спутники деяний советского человека обретают словесную рельефность, опираясь на поэтический потенциал непоэтического слова:

Я — попутчик

научно-технической революции.

При всем уважении к коромыслам
хочу, чтобы в самой дыре заваливающей
был водопровод

и движенье мысли.

В о з н е с е н с к и й. Диалог обывателя и поэта о НТР

Словоупотребление известных советских поэтов свидетельствует о том, что непоэтическая лексика занимает заметное место в системе изобразительных средств языка их поэзии. Слова специальные (научно-технические и производственные термины) все шире втягиваются в контексты стихотворных произведений как необходимое средство поэтического изображения предметов, явлений художественно осмысленной действительности.

А. И. КОЖИН

Может
ли
ГОЛУБОЕ
быть
ЗЕЛЕНЫМ
и
РОЗОВЫМ
?

«НЕ МОЖЕТ!» — ответит на этот вопрос человек, обративший внимание лишь на цветковое, абсолютное значение прилагательных. Действительно, *голубой, светло-синий* — цвет неба; *зеленый* — цвет травы, листы, а *розовый* — цвет бледно-красный. Однако цветковые прилагательные в русском языке имеют не только прямые, абсолютные, цветковые, но и переносные, образно-символические, эмоционально-оценочные значения. Вот здесь-то и возникают возможности для сближений, взаимодействий, синонимических соответствий даже таких прилагательных, как *голубой* и *зеленый, голубой* и *розовый*.

Прилагательное *голубой* уже давно, со второй половины XIX века, используется в русском языке в значении «безоблачный, безмятежный, не омраченный горестями», которое возникло в нем под влиянием поэзии немецких и французских романтиков с их культом «голубого цветка» — символа несбыточной мечты, недостижимого идеала. Однако эта семантическая калька в прилагательном *голубой* на русской почве, в поэзии и прозе, оказалась поддержанной чисто цветковыми, чувственно-конкретными ассоциациями: ведь *голубой* — цвет ясного, прекрасного неба, вид которого вселяет в человека радость бытия, надежду на счастье. Вот как рассуждает героиня повести А. И. Куприна «Поединок»: «Посмотрите: небо голубое, свет голубой... И у меня самой какое-то чудесное голубое настроение, какая-то голубая радость!...». Подобные осмысления голубого цвета и вызванное ими расширение сочетаемости прилагательного *голубой* встречаем у М. Горького (голубые сны, голубая жизнь, голубая музыка), у А. Н. Толстого (голубые города, голубые мечты), у М. А. Шолохова (голубая страна, голубое будущее).

Широко распространены самые различные словосочетания, включающие прилагательное *голубой*, в произведениях советских поэтов разных поколений. Особенно любил голубой цвет С. Есенин и интересно использовал прилагательное *голубой* в необычных, «есенинских», сочетаниях (голубые года, июнь голубой, голубая Русь):

Выпили за ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.
Помню, что они у вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин — голубые,
Принято считать издавека,—

так писал К. Симонов в стихотворении «Я не помню, сутки или десять...»

Показательно, что голубой цвет как цвет романтической мечты настолько прочно связывается с приподнятостью нашей лучшей лирической поэзии, что О. Берггольц, обращаясь к Михаилу Светлову, делает именно *голубой* символом его поэзии, хотя в словесной ткани стихотворений поэта *голубой* не играет какой-то особой, заметной роли:

...Потом была Война...

И мы, как надо,
как Родина велела, шли в бой.
И с нами шли «Каховка»

и «Гренада»,
прекрасные ровесники твои.
О, как вело,

как чисто пело Слово!
Твердили мы:

— Не сдай! Не уступи!
...Звени, военная свирель Светлова,
Из голубой, из отческой степи...

Михаилу Светлову. 1963

Голубой цвет оказывается символом безоблачного, прекрасного мира — символом счастья. С наибольшей определенностью это выражено, пожалуй, в стихотворении Татьяны Кузовлевой:

В последний раз рвануться из окопа,
чтоб за собой товарищей вести.
В последний раз к земле
У Перекопа
занекшиеся губы поднести.
Услышать шум листвы над головою
и раствориться в воздухе светло.
Мне б так прожить,
чтоб трижды голубое
в прострелянные легкие вошло.

«В последний раз рвануться из окопа...»

Здесь «голубое» передает как бы уже и не цвет, а чувство любви к Родине, выполненного долга, высшей эмоциональной отдачи. Вот в этом-то символическом значении *голубой* и сближается с *зеленым*.

Известно, что *зеленый* в народной символике цветов — это цвет надежды, цвет молодой травы, яркой листвы, весеннего обновления вообще (вспомним «Зеленый шум» Н. А. Некрасова). Поэтому он оказывается в литературе цветом всего молодого, неискушенного, полного надежд, счастливого и прекрасного. Не случайно, по-видимому, очень поэтичный, прозрачно-чистый рассказ Ю. Казакова о первой юношеской любви получил название «Голубое и зеленое». Видит герой рассказа «голубые и зеленые» окна, которые горят в домах, «голубые и зеленые искры» праздничной иллюминации, и юношу переполняет счастье, которое, как и этот голубой и зеленый свет, останется в памяти его на всю жизнь. Ю. Казакову как будто вторит Ю. Кузнецов — он тоже вспоминает свою первую любовь:

Был город детства моего — дыра,
Дыра зеленая и голубая.
И девочка была как мир стара,
Сияла, легкая и золотая.
На карусель мы сели, на скамью
Летучую и голубую.
Но закружило голову мою,
И я забыл зеленую свою
И первую и дорогую.

Водолей

Еще более определенно это сближение *голубого* и *зеленого* у Ю. Бондарева в «Моем поколении». Молодые солдаты Великой Отечественной мечтают вернуться в тот довоенный мир, из которого они ушли такими наивно-восторженными, запомнив его необыкновенную яркость и тишину. Это был «зеленый, юный и солнечный мир великих ожиданий», которым не суждено было осуществиться, тот мир, который остался в памяти «голубым апрелем» и разлитой в воздухе «зеленовато-светлой акварелью». Многие больше так и не увидели этот мир, до последней минуты живший в них «голубым и зеленым».

*

Широкое употребление прилагательного *голубой* в языке публицистики для образного обозначения самых различных явлений, связанных с водой, реками, озерами, океанами: *голубые дороги, голубые ленты каналов, голубые дорожки бассейнов, голубые ма-*

вистрали, голубые широты, голубой континент, голубая целина (почти обязательно торжественное обозначение рыбаков «пахари голубой целины», «труженики голубых нив»), *голубые кладовые, голубые линии* — приводит, по нашему мнению, к депоэтизации его. По газетным страницам пошли *голубые патрули*, побежали *голубые колонны*, помчались *голубые экспрессы*. И хотя появление всех этих обозначений-сигналов совершенно закономерно на газетных страницах (см. об этом: Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971), они не могли не сказаться на осмыслении прилагательного *голубой*. Слово примелькалось, потеряло в какой-то степени даже свое прямое цветное значение: «Отдыхая после трудовых будней у *цветного голубого экрана* во время этих программ, администрация пронизательным оком отметила про себя этого длинного, юного капитана команды МИСИ» (Литературная газета, 1979, 25 окт.). Короче говоря, *голубой* стал признаком чего-то ненастоящего, у него появилось значение, обозначенное в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова как «идиллический», а в словаре-справочнике «Новые слова и значения» как «такой, который не отражает, не учитывает недостатков; идеализированный». Ироническая эмоциональная окраска этого значения отмечена в обоих словарях.

А ведь это значение как одна из семантических составляющих романтического «голубого цветка», «голубого сна», «голубой мечты» всё время жило в этом прилагательном в словосочетании «голубая роль» — «маловыразительная роль положительного героя», которое из киноведческой и театроведческой литературы вошло в обиход общелитературной критики и публицистики, в результате чего прилагательное *голубой* постепенно расширило свою сочетаемость. Сначала это происходит именно в сфере кинематографических понятий: за «голубыми ролями» идут «голубые» и «неголубые» герои, «голубые красавцы», а затем появляются все более и более оценочные и недвусмысленно-отрицательные характеристики: «голубой туман приблизительности», «голубая расплывчатость роли», «много было таких голубоватых, смешноватых и музыкальноватых лент».

Постепенно *голубой* входит и в литературно-критические статьи: критики говорят о «голубых» — восторженных, наивных и нежизненных героях, о противопоставлении положительно-«голубых» образов образам беспросветно-отрицательным. Сначала *голубой* еще заключается в кавычки: оно кажется необычным, но затем эпитет выходит за рамки специальных статей и широким шагом идет в общественно-публицистическую литературу, тогда и кавычки исчезают: «Боязнь анализа. Гипертрофированный ужас перед анализом — в этом есть какая-то *голубенькая неправда*» (Литературная газета, 1980, 14 мая). В «Правде» был опубликован

фельетон «Голубая анкета» (1979, 10 апр.), где *голубой* использован как средство яркой сатирической характеристики. Конечно, часто цветовой первоначальный смысл в прилагательном *голубой* в этих случаях как бы угадывается, его чувствуют носители языка, оживляют его: «Почему слово «эмансипация» каждый раз окрашено в разные цвета — то в *бодро-голубой*, то в *уныло-серый*?» (Комсомольская правда, 1979, 9 окт.). Примером может служить и название дискуссии в «Литературной газете» о городах будущего «Голубые города или голубые мечты?»: в употреблении прилагательного *голубой* здесь все время сталкиваются два смысла — прямой и переносный, положительный и отрицательный.

Вот в этом-то значении «идеализированный» прилагательное *голубой* и сближается с *розовым*, которое уже давно в русском языке имеет значение «радостный, приятный, наивно-прекрасный». Правда, в прилагательном *розовый* не так ощущается иронический оттенок, присущий *голубому*: если *голубой* — это «идеализирующий намеренно, специально искажающий действительность», то *розовый* — «идеализирующий по неведению, наивно-романтизирующий».

Кинокритики и литературные критики часто используют *розовый* для характеристики наивных, юных героев, их безоблачного мира: «Я не хочу, чтобы ребенок воспринимал жизнь в восторженных розовых тонах. Но и страшно, когда яркий мир завлакивается потухшей асфальтовой серостью» (Ю. Азаров. Новый мир, 1977, № 2). *Голубой* и *розовый* прямо сближаются, синонимизируются, используются в одном контексте: «Так постепенно вырисовывается характер героя фильма — „не голубой“, „не розовый“, на взгляд придирчивых критиков, отнюдь не образцовый, но естественный, всамделишный, в жизненность которого веришь» (Литературная газета, 1964, 9 июня — Б. Галанов о фильме В. Шукшина «Живет такой парень»); «Создавая образ Даши, писатель пользуется всего лишь двумя красками — розовой и голубой» (Правда, 1979, 18 марта — о романе Льва Парфенова «Трехгорная мануфактура»). Все содержание повести Феодосия Видрашку «Нет ли у вас розового слона с голубыми ушами?» (Новый мир, 1979, № 1) недвусмысленно раскрывает игрушечную связь *розового* и *голубого*, которые символизируют объединение наивной мечты и трезвого неверия в нее, обдуманной идеализации и горькой безнадежности.

Так осложняется, обогащается семантика прилагательных в живом употреблении нашими современниками, так становится возможной синонимическая общность *голубого* и *зеленого*, *голубого* и *розового*.

Л. А. КАЧАЕВА

Заглавие.

С ним мы встречаемся каждый день, читая книгу, журнал, газету, и редко задумываемся о том, что заглавие и большого романа, и самой маленькой газетной заметки — это своего рода изобретение, которое, как ключ, открывает весь последующий текст.

«Заглавием показано произведение в мале» — так определил его назначение

С. Д. Кржижановский (Литературная энциклопедия. М.— Л., 1925).

Показать адекватно произведение «в мале» и есть самая трудная задача.

НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ НАЗВАНИЕ

Что означает «верно сделанное заглавие»? Писатель, называя книгу, ставит перед читателем задачу, решить которую в дальнейшем помогает чтение. Конец текста, в идеале, должен опять заставить читателя обратиться к его заглавию: пропустив через свое сознание все содержание, выделив главное, он соотносит это главное с заглавным словом или словосочетанием. И только при совпадении смысла главного и заглавного можно признать, что заглавие найдено.

Конечно, трудно определить критерии оценки точности заглавия, его художественной полноты и законченности. Различны и пути поиска, и те функции, которые автор на него возлагает. Неповторимы каждый раз и те смысловые и лингвистические связи, которые возникают между заглавием и текстом, порождая в итоге новое художественное целое.

Записные книжки писателей, а также воспоминания современников говорят о том, что психология озаглавливания, хотя и уни-

кальна в каждом отдельном случае, однако имеет три основные тенденции.

К первому типу отнесем заглавия *дотекстовые*. Заглавное слово или фраза возникают в сознании писателя как некий призыв, толкают его к написанию последующего текста. Зародившийся словесный комплекс развертывается в текст — он тянет за собой заряд смысловых и композиционных связей.

Классический пример дотекстового заглавия — «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Неоднократно перерабатывая свою поэму, Гоголь всегда оставлял название неприкосновенным. И действительно, силовое поле заглавия, с парадоксальной смелостью сочетающего два взаимоисключающих понятия *мертвые души*, символически распространяется не только на текст поэмы, но и на целую историческую эпоху в жизни России.

Особой разновидностью дотекстовых заглавий можно считать так называемые «бродячие» заглавия Н. С. Лескова. Известно, что Лесков уделял большое внимание вопросам орнаментировки произведения, считал, что озаглавить текст — это все равно, что «наречь имя младенцу». Однако большинство заглавий появлялось у писателя еще до рождения его «детисца» и часто безотносительно к замыслу и плану определенного произведения. Так, под названием «Соколинный перелет» до нас дошло четыре незавершенных его произведения (1881—1883), между которыми сюжетно нет ничего общего. Но все эти начатые повести и романы должны были, по словам автора, показать «„перелет“ от идей, отмеченных 20 лет назад в романе „Некуда“, к идеям новейшего времени». (Лесков Н. С. Собр. соч., Т. 11, 1958). «Я хочу показать, где русские передовые люди поднялись и где они сели», — раскрывал подтекст заглавия Лесков («Русская старина». Т. 12, 1895). Показательно, что три наброска кроме названия связывает и одинаковый подзаголовок — «Из записок человека без направления». Архивы Н. С. Лескова показывают, что подобная подвижность заглавий для прозаика скорее правило, чем исключение. Так, название «Чертовы куклы» писатель использовал неоднократно в 1870—1880 годах при зарождении различных произведений. Однако ни один из этих набросков никак не связан с его известным незавершенным романом «Чертовы куклы», посвященным К. П. Брюллову. Заглавия «Дикая фантазия», «Нашествие варваров», «Заячий ремиз» постигла аналогичная судьба. Многие заглавия так и не вышли из записной книжки писателя: «Валяйка-малявка», «Траурные кокетки», «Бес полуденный» и т. д.

Окончательный вариант заглавия произведения чаще всего оформляется в процессе работы автора над текстом. В этом случае при замысле у писателя появляется условное рабочее заглавие, которое содержит зародыш некоей темы. Но тема в процессе рабо-

ты автора над книгой вступает в новые сцепления, развивается, и на каком-то этапе первоначальное заглавие уже не соответствует всем новым элементам содержания, которыми она (тема) обрастает. Автор ищет новую краткую словесную форму, которая бы суммировала итог предыдущего тематического развития и давала бы толчок новым композиционным связям. Замыкание в емкую словесную форму нового «конденсированного смысла» создает источник внутреннего развертывания текста, сам же словесный комплекс, ставший теперь главным и заглавным, обретает свое раскрытие лишь в проявлении новых смысловых и композиционных связей. Большинство документов показывает, что как только автор в процессе работы над текстом находит ему заглавие, то «такое, внутри текста зародившееся словосочетание, раз возникнув, начинает в свою очередь перерождать текстовую ткань: дозаглавный рост черновика, почти всегда, резко отличен от роста черновика, уже нашедшего свое заглавие» (Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М., 1930).

Внутритекстовые заглавия были свойственны Л. Н. Толстому. Так, по мере создания знаменитого романа-эпопеи «Война и мир» (1863—1869) писатель несколько раз менял название. Хорошо известно, что задуман он был Толстым под условным заглавием «Декабристы». Однако это название не получило реального текстового воплощения. Продвигаясь от первоначального замысла в глубь исторических событий, Толстой определил временные границы своего нового, более грандиозного замысла как «Три поры», имея в виду исторические события 1805, 1812 и 1825 годов. Он начал печатать первые части романа в журнале «Русский Вестник» (1865) под заглавием «1805 год», которое тоже считал условным. В дальнейшем писатель отказался от печатания романа по частям. Он хотел опубликовать его целиком под заглавием «Все хорошо, что хорошо кончается» (1866), тем самым перенеся акцент с исторической линии на событийную. Но замысел диктовал обратное. И вот в 1867 году из текста романа вырастает окончательное заглавие «Война и мир», которое, несмотря на простоту составляющих его понятий, таит в себе всю широту и многозначность смысла произведения. Конечно, мы не можем говорить о чисто внутритекстовом рождении заглавия. Так, предполагают, что найти Толстому великолепное заглавие помогли слова Пимена из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей...

Однако по рукописям Толстого можно восстановить и внутренний процесс зарождения заглавия. Так, части, имевшие рабочие названия «За границей», «Поход» и т. д., постепенно объединились

под общим заглавием «Война». «Мирные» и «мирские» главы, условно названные автором «В Петербурге», «В Москве», «В деревне» и повествующие о личной жизни главных героев, все более сцепляясь между собой, объединялись под общим понятием «Мир». Постепенно «мир» становится универсально-значущим словом для всего произведения в целом, объединяя и мирные и военные главы (см.: Бочаров С. Г. «Мир» в «Войне и мире». — Вопросы литературы, 1970, № 8). Чисто условное заглавие имел первоначально и роман «Воскресение» (1899). Замысел писателя сформулирован в его записях как «Коневская повесть», отразив в рабочем заглавии судебную историю, рассказанную Толстому знаменитым русским юристом А. Ф. Кони. И какой контраст составляет художественно законченное заглавие «Воскресение», выросшее из текста и вошедшее в себя текст, по-новому отобразив реальную историю.

Третий тип заглавий — своего рода *Post Scriptum*. Они прячутся в тексте, пробираются сквозь него и только с последними словами произведения раскрывают свою смысловую и художественную значимость. *Главное* в конце текста рождает его *заглавное* начало. Подобный тип заглавий является основным в творчестве талантливого советского прозаика В. Ф. Тендрякова. Сопоставим заглавия и конечные фразы его произведений. Например, конечная фраза «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести» в повести «Суд» (1960) раскрывает глубинный смысл заглавия, как и заканчивающие повесть «Расплата» (1978) слова: «То же самое — всем нам расплата!..»

Надо заметить, что Тендряков — один из тех писателей, которые мастерски используют потенциальные возможности начала и конца текста, являющиеся заведомо психологически акцентуируемыми. Заглавие у писателя в союзе с начальными и конечными строками облегает текст и смысл всего произведения, обводит его главное в рамку. Вот, например, радостная рамка «Весенних перевертышей» (1973): «...И ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши» — «Прекрасный мир окружал Дюшку, прекрасный и коварный, любящий играть в перевертыши». Более сложное обрамление основной темы мы находим в романе «Затмение» (1976). Кроме начальных и конечных строк («4 июля 1974 года произойдет частное лунное затмение» и «Полное для меня затмение... Затмения преходящи. Пусть найдется такой, кто бы не проходил сквозь них»), здесь большую роль играют и внутренние заглавия частей «Рассвет», «Утро», «Полдень», «Сумерки», «Потемки», отражающие внутритекстовые формы развития основного заглавия.

Закономерно встает вопрос о границах заглавия. Очевидно, что заглавие само является пограничным элементом текста, в котором

сосуществуют и борются два начала: внутреннее, обращенное к тексту, и внешнее — представляющее произведение в языковом, литературном, культурно-историческом мире.

Своей внешней стороной заглавие прочно соединено с именем автора, и «даже пометы о годе и месте издания часто как бы врастают в заглавие, делаясь неотделимыми от него» (Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий).

*

Интересно отдельно проследить историю взаимоотношений заглавия с именем автора. История книги говорит нам о том, что вплоть до конца XVIII века заглавный лист безыменен. Причины понятны. Сочинительство, как назывался встарь труд писателя, долгое время считалось занятием недостойным, особенно для лиц благородного происхождения. О таком отношении к литературному творчеству говорят и заглавия первых русских поэтических сборников 1790—1800 годов — «Мои безделки» Н. М. Карамзина, «И мои безделки» И. И. Дмитриева, «Безделки, или Некоторые сочинения и переводы» Н. П. Брусилова.

С конца XVIII века, по мере того как писательский труд становился профессией, автор постепенно заявляет свое право на имя. Сначала оно прячется в последних строках заглавия в мелком шрифте. Автор как бы стесняется себя назвать и скрывается под национальной или сословной характеристикой, под псевдонимом или именем издателя. Так, в начале XIX века в русской литературе можно встретить заглавия: «Письма русского, путешествующего по Европе» (1802), «Плуг и соха, писано степным дворянином» (1806).

Многочисленные литературные путешествия начала века на главном листе не имеют имени автора, автор предстает как издатель на оборотной стороне: «*Путешествие в полуденную Россию. Издано В. Измайловым (1802)*. Такие «путешествия» в виде дневников и писем если и содержат в конце заглавия имя автора, как, например, «*Мое путешествие, или Приключение одного дня, сочинение Н. Брусилова*» (1803), то предваряются обширным предисловием. В нем появление данного издания оправдывается требованием настоящих друзей и посвящается им; автор часто сам становится участником повествования. Примером подобных заглавий служит «*15-дневное путешествие 15-летнего, описанное в угрождение родителю и посвященное 15-летнему другу*» (1810).

Как видим, в начале XIX века имя автора никогда не выступает самостоятельно — оно заключает заглавную композицию: ему предшествует заглавие, затем слова-формулы *сочинен, издан, сочи-*

нение и т. п., а само имя представлено лишь родительным или творительным падежом.

Традиция издания литературных произведений, прячущих имя автора, породила в русской литературе 30—40 годов XIX столетия ряд вымышленных литературных личностей — авторов и издателей, каждый из которых под своей характерной маской вырабатывал свой стиль и тон, свою тему. Одну разновидность подобных заглавных композиций представляют ярко стилизованные малороссийские «*Были и небылицы*» Порфирия Байского. 1827—1833 гг. (О. М. Сомов); знаменитые «*Вечера на хуторе близ Диканьки*». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком. 1831—1832 гг. (Н. В. Гоголь); «*Святочные вечера*» Ник. Кунецкого, изданные дядей его Григорием Рацким 1839 г. (Н. Билевич); «*Русские сказки*» из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные; к быту житейскому приуроченные и приговорками тождичими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. 1832 г. (В. И. Даль).

Другую ветвь образуют контрастирующие и перекликающиеся как заглавиями, так и эпиграфами «*Повести покойного Ивана Петровича Белкина*» (1830) с предисловием от издателя, подписанного А. П., и «*Пестрые сказки с красным словцом*», собранные Иринею ~~Гомозейкой~~ Гомозейкой, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным. 1833 г. (В. Ф. Одоевский). В первом заглавии покойный автор И. П. Белкин — «отрицательное я» Пушкина, лицо его «смирненной прозы», а говорящий в тексте издатель выступает в роли литературного комментатора, разъясняющего истинный смысл повестей, их пародийную противоположенность укоренившимся формам литературного воспроизведения (См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941; Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М., 1974); во втором — яркая личность Иринея Гомозейки, получившая выражение даже в пестрых буквах шрифта заглавия и орфографии «*Пестрых сказок*», и безгласный издатель.

Интересна судьба литературной личности Барона Брамбеуса, рожденной из псевдонима О. И. Сенковского. Используя свой известный псевдоним в форме родительного падежа в заглавии «*Фантастические путешествия Барона Брамбеуса*» (1835), О. И. Сенковский преследует определенную цель: Барон Брамбеус выступает и как герой повествования, и как автор произведения.

С развитием литературы имя автора приобретает самостоятельную значимость. Оно становится необходимым атрибутом заглавного листа, выступает в более крупных шрифтах, меняет родительный падеж на именительный. К концу XIX века имя автора прочно переходит на самый верх титульного листа, формально отделяясь от

заглавия и предваряя его. Заглавие и автор меняются местами и формально, и содержательно: о произведении начинают судить скорее по имени автора, чем по заглавию. «Писательское имя по мере забирая известности превращается из собственного в нарицательное, тем самым участвуя в нарицании книги; имя получает от заглавия озаглавливающую силу и особый предикативный смысл» (Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий). Имя автора придает произведению и заглавию своеобразный «личный знак» — знак его писательской индивидуальности, стиля, времени. Именно поэтому, несмотря на подчеркнутую в заглавиях преемственность, совершенно по-разному звучат «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Война и мир» В. В. Маяковского, «Петербургские повести» Н. В. Гоголя и «Петербург» А. Белого (Логично считать, что «личным знаком» в литературе обладают именно такие формы имени автора, как *А. Белый*, *М. Горький*, хотя они и являются по происхождению псевдонимами).

«Личный знак» имени автора часто используется в приемах литературного подражания и пародии. Художественный эффект возникает при контрастном сопоставлении имени автора и заглавия оригинального произведения с подражающим (или пародирующим) заглавием и псевдонимом. Сравним название пьесы «*По дороге на дно*» (1903), подписанной псевдонимом *Негорький* с названием пьесы Горького «*На дне*», или заглавие романа-пародии «*Понедельник*» *Сочинение графа Тонкого* (1901) с известным произведением Л. Н. Толстого. Этот пример, к счастью, показывает, как прочно «личный знак» Л. Н. Толстого обеспечивает смысловую защиту своего романа и заглавия. В данном случае попытки пародирования не могут претендовать на художественность: заглавие неудачного остряка оказалось слишком «тонким», чтобы вместить символически многозначное понятие «Воскресения» Толстого.

Наблюдение показывает, насколько точно и справедливо замечание А. М. Пешковского о том, что «заглавие книги есть всегда нечто большее, чем название».

Н. А. КОЖИНА

ПЕРЕВОДНЫЙ

И

ПЕРЕВОДНОЙ

Различия в употреблении прилагательных *переводный* и *переводной* связаны с их значениями и сочетаемостью с другими словами: *переводный роман*, но *переводной брус*, *рисунок*. Современное разграничение этих слов — результат определенного исторического процесса, который в свою очередь обусловлен общими тенденциями развития ударения в группе отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-*.

Вейсманнов «Немецко-латинский и русский лексикон» (1731) впервые зафиксировал прилагательное *переводный* в сочетании *переводные деньги*. «Российской целларпус, или этимологической российской лексикон» в 1771 году отмечает это слово в единственном числе в форме *переводный*, из чего можно сделать заключение о наличии здесь корневого ударения. Это ударение сохраняется как нормативное более двух веков, о чем свидетельствуют данные словарей.

«Словарь Академии Российской» (1806—1822) дает прилагательное *переводный* в таких значениях: «к переводению назначенный» — *переводные семьи*, *деньги*; *переводный вексель*; «пересказанный» — *переводные речи*; «относящийся до предложения книги» — *переводный комитет*. «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.): «переведенный на другое место, переселенный» — *переводные крестьяне*; «служащий для перевода денег» — *переводный вексель*; «переложенный с языка на язык» — *переводная статья*; «пересказанный» — *переводные речи*, *переводная запись*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приведены те же сочетания: *переводные крестьяне*; *переводный*

вексель; переводная статья, книга; переводные речи; переводная записка.

В XX веке у прилагательного *переводный* появляется конкурент — *переводной* (с ударением на последнем слоге). Впервые его отмечает «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. III, 1939). Со словом *переводной* связывается и определенное значение — «такой, который переводится или служит для перевода»: *переводные картинки, переводная бумага*. При этом словарь отмечает *переводный* в разных значениях — «служащий для перевода денег через банк или по телеграфу, по почте»: *переводный бланк почтовый*; (финанс.) «служащий для перевода денег на чье-нибудь имя»: *переводный вексель*; «переведенный с какого-нибудь языка»: *переводный роман*; «служащий для перевода, перехода от одного к другому (для перемены движения, перехода на другой путь и т. п.) (тех.)»: *переводный брус стрелочных переводов, переводный винт или реверс*. Во всех этих случаях словарь допускает и употребление варианта *переводной*, но характеризует его как сниженный — «разговорный».

Таким образом, позиция ударения становится показателем того или иного значения прилагательного. Все современные словари более или менее последовательно отражают отмеченное разграничение. Например, I издание 4-томного «Словаря русского языка» подчеркивает стилистическое различие обоих слов, давая *переводной* с пометой «разговорное». В словарной статье приводятся те же пять значений, что и в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, три из которых связаны с вариантом *переводный* как нормативным: *переводный бланк; переводный вексель; переводный роман, переводная литература*. *Переводной* употребляется только в значении «такой, который переводится или служит для перевода, копировки»: *переводная бумага*. В техническом значении этот словарь допускает употребление прилагательного как с корневым, так и с конечным (на последнем слоге) ударением: *переводной брус, переводные механизмы, переводный клапан*.

Толковые словари русского языка и словари-справочники, изданные после 1950 года, фиксируют в значении «переведенный с какого-либо языка» только прилагательное с корневым ударением: *переводный роман*. Однако в публикациях, появившихся в это время, в данном значении употребляется и *переводный*, и *переводной*: «Исполняя в 1927 году того же Лоэнгрина, а также Ленского на украинском языке, Л. В. Собинов внимательно просматривает переводный текст» (Ив. Ремизов. Леонид Витальевич Собинов М., 1960); «Такие пьесы всегда и всюду были, будут, они нужны необходимы. И как раз Художественный театр не должен ставить такие пьесы. А они составляют его современный репертуар, как

наш, так и переводной» (Лит. газета, 1962, 21 июля); «...,переводной¹⁴ стиль французского языка...» (Знамя, 1960, № 11).

Подобное смешение наблюдается при употреблении прилагательного в значении «предназначенный, служащий для перевода денег на чье-либо имя»: 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» — *переводной вексель*, 4-томный Словарь и «Большая Советская Энциклопедия» — *переводный вексель*.

В сочетании *переводный клапан* как 17-томный, так и 4-томный словари рекомендуют прилагательное с корневым ударением. Однако 4-томный Словарь допускает и *переводной* в том же значении — «предназначенный, служащий для перевода, перехода на что-либо другое»: *переводной брус*.

Колебание представлено и в сочетании со словом *рубль*: *переводный* — *переводной*. В БСЭ — корневое ударение, сочетание при этом употребляется в значении «расчетная единица и средство платежа во взаимных межгосударственных расчетах стран — членов СЭВ». *Переводной рубль* рекомендуется «Словарем русского языка» С. И. Ожегова — от глагола *перевести* «выразить в других знаках, в других величинах».

Как же оценивать эти варианты? Чтобы ответить на данный вопрос, надо учитывать и словарную практику, и складывающиеся тенденции.

Существует определенная зависимость ударения прилагательных с суффиксом *-н-* от их словообразовательной структуры. Прилагательные, образованные от отглагольных существительных, имеют, как правило, ударение на корне, а прилагательные, образованные непосредственно от глаголов, — на последнем слоге: *подъездная дверь* и *подъездные пути*. В процессе развития литературного языка эти закономерности смешиваются, преобладающей же является тенденция установления конечного ударения. Так, первоначально появившееся прилагательное *переводный*, употребляемое в значении «служащий для перевода, относящийся к переводу», соотносится с отглагольным существительным *перевод* и сохраняет, по этим правилам, корневое ударение: *переводный вексель*, *переводная статья*, *переводная запись* — наиболее старые из отмеченных сочетаний.

Языковые процессы, произошедшие в этой группе, привели к тому, что прилагательное стало восприниматься как соотносительное не с существительным *перевод*, а с глаголом *перевести*. Это изменение обусловило появление варианта *переводной*. Данное прилагательное, употребляемое в значении «такой, который переводится», не испытывает колебания ударения. Все словари, начиная со словаря Д. Н. Ушакова, последовательно отмечают конечное ударение: *переводные картинки*, *переводная бумага*, *переводной ри-*

сунок. Этот вариант, соответствующий живым тенденциям, начинает употребляться и в сочетаниях, где традиционно использовалось прилагательное *переводный*.

Широкое распространение получает *переводный* в специальной речи. Так, «Англо-русский политехнический словарь» (М., 1971) дает сочетания: *переводный коэффициент*, *переводный рычаг*, *переводный брус*; «Немецко-русский политехнический словарь» (М., 1973) — *переводный механизм*, *переводный станок*, *переводный способ*. Из специальной речи *переводный* активно проникает и в другие сочетания, употребительные в общелитературном языке. Таким образом, наряду с сочетаниями *переводный роман*, *переводный вексель*, *переводный рубль* появляются *переводный роман*, *переводный вексель*, *переводный рубль*.

Словари-справочники последних лет широко отмечают варианты в ряде сочетаний. Так, «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959) четко разграничивает употребление: *переводный* (*переводная картинка*), *переводный* (*переводный роман*); «Словарь трудностей русского языка» (М., 1976) рекомендует *переводный* и *переводный* как равноправные варианты в сочетаниях *переводный* (*переводный*) *клапан*, *переводный* (*переводный*) *роман*, *переводная* (*переводная*) *литература*, *переводный* (*переводный*) *почтовый* (*телеграфный*) *бланк*. «Орфоэпический словарь русского языка» (М., 1983) допускает оба варианта: *переводной* и *переводный роман*, *переводной* и *переводный бланк*.

Во втором издании 4-томного «Словаря русского языка» даются также оба прилагательных как равноправные варианты. В этой же словарной статье для *переводный* есть не отмечаемое в предыдущем издании значение «относящийся к переводу на следующую ступень обучения»: *переводный балл*. А в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) *переводный* во всех случаях определено как «устаревающее».

*

Таким образом, наблюдается постепенное вытеснение варианта с корневым ударением. Дополнительным аргументом, подтверждающим этот факт, является то, что в отличие от *переводный* прилагательное *переводной* в значении «такой, который служит для перевода изображения, копировки» не испытывает колебания ударения. Это подчеркивают все словари-справочники и «Орфоэпический словарь русского языка».

А. С. ДЕРЯБИНА

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В ДИАЛОГЕ

Из школьной грамматики читатель помнит, что в русском языке есть слова, которые не являются членами предложения. К таким словам относятся (помимо обращений и междометий) так называемые модальные слова: *может быть, пожалуй, казалось* и под. Что это за слова и какова их роль в речи, которую они выполняют, не будучи членами предложения?

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой о них сказано следующее: «Лексико-грамматический разряд слов, при помощи которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части, с точки зрения их отношения к объективной действительности. Модальные слова выражают: а) ... реальность сообщаемого: *действительно, безусловно, несомненно...* и др.; б) возможность, вероятность сообщаемого, предположение, сомнение в его достоверности: *возможно, вероятно, наверное...*»

Однако наблюдения над употреблением модальных слов в художественных произведениях показывают, что появляются и другие значения этих слов. В данной статье мы обратим внимание на роль модальных слов в организации своеобразного диалога. В привычном представлении диалог — это обмен высказываниями между двумя или более говорящими. В современной же прозе встречаются такие единства, которые описаны в языкознании еще недостаточно (имеются в виду диалогические единицы, в которых реплики разных говорящих не выделены тире или кавычками). Рассмотрим три группы таких структур, а также факторы, благодаря которым они образуются.

К первой группе относятся диалогические единства, обусловленные значением модального слова *действительно*. Например:

«Когда они стояли на плотине, Старостин, глядя, как солнце спускается к краю степи и весь запад горит золотым сиянием, сказал: — Смотрите, как хорошо! Какая сила света!.. Действительно, очень хорошо было сейчас в степи. Стрелы экскаваторов чернели на полосе заката, как мачты океанских кораблей» (Паустовский. Героический юго-восток).

Этот пример четко делится на два высказывания: предшествующее к *действительно* и последующее (относящееся к другому говорящему). У читателя складывается впечатление, что эти высказывания принадлежат разным лицам.

Действительно, как правило, включается в состав последующей речи. Однако по значению оно ориентировано на предшествующее высказывание, в сочетании с которым организует диалог. Как слово-предложение *действительно* разбедняет текст на фразы разных говорящих. Высказывание с *действительно* является уточняющим.

Реплика, с которой *действительно* организует диалогическое единство, может быть расположена не только непосредственно перед модальным словом, но и на определенном расстоянии: «Она [Маша] вспомнила, что Николай Генрихович пошел собирать дрова в разрушенный дом. Может быть, он уже собрал дрова, несет их домой...

Маша выскочила наружу, посмотрела вдоль набережной Фонтанки. Действительно, по тротуару шел Николай Генрихович и гасил за собой на веревке белые от штукатурки доски, куски оконной рамы» (Паустовский. Дым отечества).

В большинстве случаев диалог с *действительно* отражает единое мнение разных лиц, хотя не исключено, что к пониманию они приходят через преодоление сомнения:

« — Не смейте трогать, — кричал он возбужденно, — это мне! Это мне!

Действительно, к общему изумлению, на холсте было выведено крупными буквами: „Петру Васильевичу Бачей в собственные руки“» (Катаев. Белеет парус одинокий).

Итак, как свидетельствует приведенный иллюстративный материал, модальное слово *действительно* характеризуется, прежде всего, организующей ролью: оно образует диалогический текст от одного лица.

Во вторую группу можно включить диалогические единства, в образовании которых определенную роль играют как значение модальных слов, так и место этих языковых единиц в высказывании (*конечно, разумеется, несомненно* и под.).

«На боярку прилетела не только мухоловка, но и щеглы, и овсянки, и яблочки, и снегири, и всякие другие птицы. Всем тут хва-

тит места! Дерево-то будет расти и расти. Конечно, боярка высокой не бывает, до неба ей не достать» (Астафьев. Последний поклон). Конечно выражает согласие с определенным мнением, но в отличие от действительно с помощью конечно утверждается точка зрения не конкретного лица, а воображаемого собеседника, к которому говорящий мысленно обращается с речью. Об этом свидетельствует содержание реплики, следующей за конечно: *Боярка высокой не бывает* — факт, известный большинству людей. Высказывание с конечно, таким образом, является отражением очевидных фактов или типичных жизненных ситуаций, мнений.

Диалогическое единство при этом образуется только в тех случаях, когда конечно употребляется на стыке двух самостоятельных предложений и при условии, если оба они по содержанию не близки друг другу.

С такой же смысловой и организующей ролью употребляется слово *разумеется*. В отличие от конечно оно может передавать экспрессивный оттенок значения — «заверение в согласии»: «Максодовскую „песню“ о школе он [Максим] почти не слушал. У него опять закружилась голова, и он думал, что ему следовало бы встать и уйти, пока не поздно. Разумеется, это будет принято как демонстрация и возмутит членов бюро» (Шамякин. Атланты и Кариакиды). Часто это значение выражено непосредственно: «Как мог Петя сказать отцу, что ему необходимы деньги для азартной игры? Разумеется, это было совершенно невозможно» (Катаев. Белест парус одинокий).

Обратимся к третьей группе диалогических единств, в образовании которых существенна роль не только модальных слов, но и таких факторов языка, как позиция модальных слов в тексте, их языковое окружение, лексико-грамматические средства представления авторства предшествующей реплики: «— Может быть, у нее разные были мерки для искусства и науки? Вряд ли» (Грекова. Кафедра); «...Выгодно ли объединению закупать оборудование, выделять 35 человек, создавать собственное производство, когда рабочих рук и так не хватает? Безусловно» (Комс. правда, 1982, 6 авг.); «Это была та молодая любовь, когда люди не спрашивают себя, почему они любят, за что... За что люблю? А какое мне дело? Люблю и люблю. Настоящее ли это, навеки ли? Смешные вопросы. Разумеется, настоящее, разумеется, навеки» (Панова. Ясный берег).

В приведенных примерах первая реплика является вопросительной (это может выражаться интонацией, частицей, нередко используются и сами модальные слова: *может быть, быть может, возможно* и др.). В вопросительных предложениях дано описание события, явления. Решение поставленной проблемы находим во втором высказывании.

В диалогических единствах этой группы содержание предшествующей реплики может быть представлено косвенной речью: «Ничего не объяснил... И вот я бегаю за ним. Вы скажете, что я унижаюсь. Может быть. Но ведь я не о себе думаю, а о нем» (Волфдин. Пять вечеров); или прямой (без кавычек): «— Ты только что сказал: пройдет год... Пройдет год, и никому уж не будет казаться странным твое появление в Институте. Верно. Но есть вещи, которые тебе долго не забудут» (Крон. Бессонница); а также различными грамматическими средствами: «Говорят, фрески Деркерт излишне лаконичны, а подчас заумны. Может быть, однако общее впечатление сильное» (С. Дангулов. Двенадцать дорог на Эгль).

Таким образом, в образовании диалогических единств проявляются организующие и смысловые возможности модальных слов.

Л. И. ВАСИЛЕНКО

Могилев

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Электротакси — так называется пока несколько необычный для нас вид транспорта. «Ни рельсы, ни провода ему не нужны, а движутся машины без привычного шума мотора. Такovy маршрутные электротакси на базе микроавтобусов „РАФ“» (Сов. Россия, 1983, 4 ноября). В течение нескольких лет электромобили развозили грузы. Теперь новому транспортному средству «доверили» перевозку пассажиров. Неологизм создан на базе ранее известного слова *такси* с помощью элемента *электро-* (электрический) + *такси*.

Видеопроеигрыватель — название нового музыкально-бытового прибора. Приведем текст, в котором раскрывается содержание, обозначаемое этим словом: «Какая новая бытовая техника появится в ближайшее время в нашем доме? Об этом рассказывает выставка, открывшаяся во Львове. Здесь демонстрируется первый в стране дисковый оптический видеопроеигрыватель „Амфитон“. Диски для него похожи на обычные грампластинки. Видеопроеигрыватель подключается к цветному телевизору» (Известия, 1983, 4 дек.). Неологизм создан по продуктивной модели.

Е. В. Сенько
Орджоникидзе

КАК ГОВОРЯТ ДЕТИ

Постоянный читатель
журнала «Русская речь»

В. А. Куминов
из Пермской области
интересуется
речью детей и просит
опубликовать статью
на эту тему.

Т. А. Мехович
в статье
«Как говорят дети»
рассказывает
о детской речи,
ее особенностях
и закономерностях,
существующих
в процессе
образования слов
детьми.

Речь детей всегда интересна непосредственностью восприятия, остротой видения действительности, что находит выражение не только в построении предложений, но и в самих словах. Как же дети строят свои слова? Что это — творчество или, как иногда говорят взрослые, дети ломают, коверкают язык? Идут ли они в процессе создания своих слов наперекор законам языка, потому что многого не знают, или улавливают внутренние законы развития языка и следуют им?

Известный лингвист А. Н. Гвоздев последовательно, год за годом следил за языковым развитием своего сына Жени. Ученый наблюдал за тем, как и за счет каких слов пополнялся словарный запас ребенка, как усваивалась грамматика, и пришел к выводу, что детская речь «обнаруживает стихию языка без какого-либо искажения» (см.: Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961). Известно, что по сравнению со взрослыми речевое мышление

детей прямолинейнее, в известном смысле даже правильнее. Хотя ребенок ограничен в выборе строевых средств языка, он не ограничен традицией, нормами, а поэтому более свободно соединяет разные части слов. Получается, что возможности словообразовательной системы дети используют шире, чем взрослые.

Умение создавать новые слова, видимо, обусловлено тем, что ребенок усваивает родной язык в процессе активного познания окружающего мира. Каждое производное слово (или то, что он принимает за производное) им делится на составные части. Ему важно, чтобы новое слово было связано с уже известными. Например, кровоподтек от ушиба взрослые называют словом *синяк*, даже если он багрового или желтого цвета. Ребенок же стремится к точности и создает свои слова, используя ту же структуру слова: *красняк*, *желтяк*. Если в кувшине *молоко*, то это *молочник*, а если *вино* — *виновник*. Каждому названию действия соответствует наименование деятеля: «Мама, ты будешь *следователь*. Я *помогатель*. Я тебе *приказываю*: я твой *приказчик*». О родителях-хомячках: «Она *кормилка*, а он *грелка*»; «*Кусаки кусаются*, а *царапаются* кто? *Царапы?*» Как видим, используются различные суффиксы: *-тель*, *-чик*, *-к(а)*, нулевой.

Часть карандаша, которой пишут, взрослые называют *грифель*, а ребенок заменяет его словом *писатель*. То, чем *заплатят* за проезд в троллейбусе, — *заплата*. Это обобщенное наименование понадобилось потому, что платят то металлическими монетами, то бумажными деньгами или талонами. Собаки живут в конуре, а ребенок заменяет общепринятое слово своим — так появляется *собачник*. Переосмысляются непроизводные слова: не *бинокль*, а *кинокль* (в нем все, как в кино). Вместо *бино-* употребляется *кино-*, в результате создается новое слово, уже не только членимое, но и производное. Мальчик наряжает елку: «Я хочу, чтобы *стеклянда* висела» (вместо *гирлянда*). Или о слове *кузов*: «Не *кузов*, а *грузов*: туда *груз* кладут». Другой мальчик назвал его *пузов*, исходя из внешнего сходства. Наблюдается осмысление многих неясных слов: «Что такое *прогресс*? — Это когда *прогревают?*» — «А *прикратник* это кто? — Который *враг* любит?» Мышей *травят* — значит, их *травой* кормят. *Западный* ветер *западает*? *Воронез* — где *вороны* живут? В *Чите* дяди и тети *читают* газеты. Сын капитана первоклассник Толя к слову *тропинка* подбирает проверочное *трап*, увидев в этих реалиях сходство.

Всякое необщепринятое слово возникает по образцу уже существующего в языке, общеупотребительного, по аналогии. Значение таких слов складывается из значений исходной основы и словообразующего средства (суффикса, приставки): *копатель* — кто

копает, *кормилка* — кто кормит, *зевун* — кто зеваает, *разрыватель* — кто разрывает.

Образование слов по аналогии может привести к тому, что появляются слова, смысл которых не исчерпывается значением их частей. Так рождаются слова с новой структурой. Например, в русском языке названия самок животных, как и названия детенышей, образуются от существительных, называющих животных: *тигр* — *тигрица*, *тигренок*; *волк* — *волчица* (*волчица*), *волчонок*. В детской речи возможны иные словообразовательные связи: «Мама — *птенчица*, этот *птенчик* любит семечки» — исходным стало название детеныша.

В речи детей своеобразно называются лица женского пола. Во взрослой речи такие существительные обычно образуются от имен лиц, деятелей: *кассир* — *кассиша*, *шахматист* — *шахматистка*. Дети следуют этому образцу: *пешеходка*, *командирка*, *дирижерка*, *солдатица*, *Айболитка*: «Здесь жили Айболит и его Айболитка». В последнем слове общее значение уточняется — «жена лица, названного исходным словом».

Наименования деятеля в свою очередь образуются от глаголов или имен существительных: «Что ты кудахчешь? — А я *кудахторка*». Или: «Эта тетьа *велосипедка*»; «Мама, я выпила весь чай, значит, я — *чайка*»; «Садитесь, садитесь, я буду *концертка*, а вы *аплодистки*». О знакомой, которая любит носить брошки: «Тетьа Эля — *брошница*». О музыкальной руководительнице детского сада: *Пианинша* (очевидно, не без влияния литературного языка взрослых, в котором есть похожие слова: *маникюрша* — от слова *маникюр*). О сопротивляющейся, брыкающейся кошке: «Ты *брыкунья!*» Присоединяемая к основе глагола словообразовательная часть *-унья* отчетливо распадается на два суффикса: *-ун-*, свойственный именам лиц — *крикун*, *прыгун*, и *-j-*, свойственный именам существительным женского рода — *крикунья*, *прыгунья*.

Детское словообразование в значительной степени обусловлено лексической системой. Так, некоторые существительные появляются под влиянием глагола, представленного ситуацией: «Где моя *переодежда*? Получилась *перепуганица*». Здесь ребенок связывает слова *одежда* и *пуганица* с конкретными действиями: если он *переодевается*, то ему нужна *переодежда*; если кто-то что-то *перепугал*, то в результате возникает *перепуганица*.

Принято считать, что дети в беседе редко используют отвлеченные слова из-за недостаточно развитой, по сравнению с взрослыми, способности детского мышления к абстрагированию. Однако факты показывают, что отвлеченные существительные вовсе не редки в детской речи: «Когда рисуем кто что хочет, это не *работание*, а *от-*

дыхание»; «Не бывает дня *покупания*, а день *рождения*»; «Какая *блячливость*» (от *блячливый*, *бляка*); *бесстрашеть*.

Создаются сложные существительные: «А у меня *мозгосотрясение*»; «Сделаю *игрушкопад*». Образуются слова путем сложения, активного в терминологии. Мальчик впервые увидел ветряную мельницу: «Мама, смотри: *дом-вертолет!*» О световой газете: «*Это буквы-бег*». Используются даже греко-латинские терминоэлементы: «А потом они послали *гидрописьмо*».

Отвлеченные и сложные имена существительные в речи детей, во-первых, свидетельствуют о том, что в их речи находит отражение язык взрослых, в том числе слова книжные и даже специальные, а во-вторых, служат подтверждением того, что дети улавливают своеобразие эпохи, характеризующейся развитой наукой и техникой.

Дети любят технику, всякого рода механизмы и особенно автомобили: «Бывают небоскребы, а бывают *туческребы*». Увидев большое зубчатое колесо: «Ого! Это уже настоящая *семеренка!*» «Эта машина называется *турбивоз*. Она турбины возит». Интерес к автомобилям так велик, что возникли разные слова для названия шоферов, работающих на машинах разных марок: *победщик* — шофер машины марки «Победа»; *москвичовщик* — шофер машины марки «Москвич»; *таприст*; *зиллист*; *амфибист*.

Таким образом, детская речь логична, строго отражает закономерности языка. Но дети не были бы детьми, если бы у них отсутствовало творческое, поэтическое начало, проявляющееся и в словообразовании. Дети образуют понятные по смыслу слова, которые часто не только называют реалии, но и характеризуют их: *ботинки* — *топтынки*, кровать — *самоспать*, подушка — *снушка*. Спрашивает сам себя и отвечает: «Что это? *Скалка-каталка*. Буду теперь *скалать-каталать*»; «Вот уйду в лес и *задремучусь*».

Речи детей свойственна выразительность, в ней есть специальные словообразовательные типы, по которым образуются экспрессивные слова: «Наш мотоцикл не таким *гудом* гудит»; «Лев встретил его с *рычью*»; «Уже сделал *замор* червяка». Вероятно, эти слова привлекают детей своей краткостью, звучностью, скрытой в них энергией. Такие слова обычны в народно-поэтической речи: «Вода *горячка* или *холодка?*»; «Мама, выключи воду! Такая *горячка* идет»; «У тебя лодка *простачка?*»; «Машина *смешка* [*смешная*]»; «Ах, ты, моя *кошка-рыжка*, сейчас я тебя покормлю».

Своеобразие подобных слов в том, что, будучи грамматически оформлены как существительные, они не могут употребляться с прилагательными (кроме местоименных слов типа *такой, какой*), но обычно играют определительную роль в предложении.

Роль выразительного средства в речи детей играют гибридные слова, составленные из частей слов — начала одного и конца другого: «Тут поднялась такая *шуматоха* (шум и суматоха)»; «*шкаф-фанер* (шифоньер, фанерный шкаф). Существительные-гибриды встречаются как стилистическое средство и в художественной речи, а глаголы пока найдены лишь в речи детей: «Машины могут весь лес *гудымить* (гудеть и дымить)»; «Все *гремчит*, все бренчит».

Артистизм, свойственный детям, выражается в том, что они любят играть словом, особенно, когда воображают себя необычными героями. Миша играет, воображая себя мышкой: мать мышей он называет — *мышатушка*; «В домике мышей такая *мышность*»; «Мыши такую физкультуру делают — *мышную мышастуку*. Воображая себя мышкой, размахивает корабликом на нитке: *Размышнулел!*

Игра словом может быть вызвана речью взрослых. Юля обычно медленно раздевается в детском саду утром, это задерживает паню, спешащего на работу. Сегодня Юля обещала пани все делать быстро, но забывает про обещание и, как всегда, раздевается медленно. Происходит следующий диалог: «— Какой ты, Юля, ненадежный человек.— Я не *ненадежный*, а *нераздежный*».

Таким образом, детская речь отражает общие законы словообразования. Речи детей свойственно творческое начало, в результате чего появляются экспрессивные слова и целые словообразовательные типы.

Т. А. МЕХОВИЧ

Владивосток

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где правильно поставить ударение в слове *бондарь*?»

М. С. Исаков, Москва

По существующим нормам современного русского литературного языка, допускается ударение и на первом (*бондарь*), и на последнем слоге (*бондърь*).

«Где нужно поставить ударение в слове *мышление*?»

О. С. Раджабова, Душанбе

В современном русском литературном языке слово *мышленье* произносится с ударением на втором слоге (форма *мышление* считается устаревающей и книжной).

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?

Раздел ведет
доктор филологических наук
А. А. Брагина

ДЕТИ И «ВЗРОСЛАЯ» РЕЧЬ

«Мороз и солнце! День чудесный! Еще ты дремлешь, Оленька?.. Встав-а-й», — говорит мама. «Дремлет! Не спать! Вставать!» — требует папа. «Я не сплю, я не *спала* ... *В кровати* хорошо...» — отвечает Оля. «Надо говорить *спала*... *в постели*...» — поправляет мама.

Но вот девочка уже в передней. «*Надень* на нее шубку, *меховую шапочку*», — командует мама. — «Одену *меховую шапочку*», — откликается папа. — «Почему ты все говоришь наоборот? Ребенок слушает... И сам *надень* ушанку, а не *берет*. Холодно». — «В *бэрэте* не холодно».

«Папа, а *рукавицы*?» — «*Варежки*, дочка». — «Нет, *рукавички*! И шарф завязал плохо, мама *красивее* делает». — «Так теплее и значит *красивее*».

В метро папа нечаянно толкнул кого-то и сказал: «Извините». Оля повторила: «Извините».

Олю подхватили и посадили: «Спасибо». — «Пожалуйста, вот умница», — сказала Оле женщина и заторопилась: «*Вы встаете на следующей?*» — «Выходим...» — «Сходим...»

Оля поднималась по эскалатору и приговаривала:

«Вставай утром и еще вставай, сходи в метро...» — «*Выходи*», — поправил папа. — «Почему? Так все говорят...» Папа не ответил, просто ничего не сказал. Вот и детский сад. «*Давай, раздену* тебя, снимай шубку...» — «Я сама раздену шубу и шапку...»

Дети спешили снять с себя теплые вещи, родители спешили на работу... А когда же подумать о том, как говорят дети? Они ведь повторяют «как все», если не поправить, не объяснить.

Подумайте обо всех «словесных сомнениях» и посмотрите на стр. 121 журнала, где вы найдете ответы. Внимательно прочтите их и не просто запомните, а обязательно разберитесь в том, в чем у вас были сомнения и ошибки.

И еще. Есть хорошая книжка «Культура речи» (М., 1976). Написал ее известный ревнитель родного языка Лев Васильевич Успенский. Писатель создал книгу о языке детей, но предназначил ее мамам и папам, бабушкам и дедушкам, веря, что искусству речи надо учить, как учат письму. Ради детей надо следить за своей собственной речью, и тогда можно привить вкус «к хорошей речи, отвращение к речи грубой, вульгарной, косноязычной... Успеха вам и вашим питомцам».

СРЕДИ КНИГ

В. Е. Гольдин.

РЕЧЬ И ЭТИКЕТ

С детства все знают, что в русском языке есть «волшебные» слова: *здравствуйте, добрый день, приветствую вас, спасибо, благодарю, пожалуйста, будьте добры, простите, прошу вас, извините* и др. Каждый из нас по нескольку раз в день произносит эти слова, редко задумываясь над тем, в чем же их сила, почему они нам так необходимы?

Эти слова облегчают наше общение, делают его приятным и доброжелательным, помогают нам быстрее ориентироваться в коллективе. Конечно, при этом имеют значение не только слова, но и пошутки, жесты, определенные правила поведения — этикет.

На страницах «Русской речи» неоднократно публиковались

статьи о культуре речи, о речевом этикете, рассказывалось о вышедших книгах по этим проблемам. В 1983 году издательство «Просвещение» выпустило еще одну такую книгу. Это книга для внеклассного чтения учащихся 7—8 классов «Речь и этикет» (автор — В. Е. Гольдин).

Книга знакомит читателя с историей этикета, с правилами поведения людей в разных ситуациях, рассказывает о том, что такое вежливость, правила приличия и др. У разных народов существуют свои, особые формы этикетного поведения. Этим вопросам посвящены главы «Что такое этикет», «Почет почету рознь», «О чувстве дистанции», «Вежливость».

В каждом обществе отношение к людям выражается в определенных нормах поведения. Они составляют часть общей культуры человека и тесно связаны с общественным строем. В обществах, основанных на угнетении одних классов другими, правила поведе-

ния людей передают отношения неравноправия, зависимости и бывают формальными и лицемерными. Советский же этикет проще и естественнее, так как отражает гуманные отношения между людьми, присущие коммунистической нравственности.

Этикет проявляется во многих сторонах нашего поведения. Например, по-разному могут оцениваться позы человека: если он стоит лицом к говорящему — вежливое положение, спиной — невежливое. Имеют значение в общении людей и такие знаки вежливости: кто первый подает руку для рукопожатия, кто кого пропускает вперед, кто кому уступает место.

Основная часть книги посвящена речевому этикету. Одними из самых употребительных выражений вежливости являются приветствия: с них начинается общение людей. В главах «А в языке — по-другому», «Здравствуйте!» рассказано о разнообразных приветственных формулах, которые были приняты в дореволюционной России, а также о приветствиях в современной русской речи. Здесь приведены примеры из словарей, сборников пословиц и поговорок, из произведений художественной литературы, из сказок и былин.

С интересом познакомятся читатели с историей употребления русских обращений в главах «Знакомимся с обращениями», «Обращения меняются», «Мать и мама». В нашем языке существует огромное количество разнообразных обращений. Мы называем друг друга по имени и фамилии, по имени-отчеству, словами *гражданин и гражданка, товарищ,*

уважаемый товарищ и многими другими. В книге использованы многочисленные письма писателей XVIII—XIX веков, примеры из языка русской и советской литературы — прозы и поэзии, в которых встречаются обращения, разные по содержанию и стилю.

А как вы подписываетесь в конце своих писем? Характер подписи зависит от того, кому адресовано письмо — друзьям, близким родственникам или в учреждение... А как подписывал, например, А. С. Пушкин свои письма? Откроем том Полного собрания сочинений с письмами. Вот подписи Пушкина в переписке с друзьями — Вяземским, Рылевым, Бестужевым, Дельвигом: *Пушкин, А. Пушкин, А. П., Александр Пушкин*. А в деловом письме лицейскому другу М. Л. Яковлеву стоит такая подпись: «С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин».

Об этом подробно можно прочитать в главе «О себе и о других».

Книга В. Е. Гольдина «Речь и этикет» дает не только теоретические сведения о речевом этикете и культуре поведения, но и учит вежливой речи, рассказывает о ее современных нормах: какое приветствие или обращение следует использовать в том или ином случае, как обратиться в письме к близким и друзьям, к официальным лицам, как себя вести в разных ситуациях. Это популярное издание полезно не только школьникам, но и всем читателям, которые интересуются вопросами культуры речи, речевого этикета.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

Тимофей
Дмитриевич
ФЛОРИНСКИЙ
1854—1919

Выдающийся специалист по истории и филологии славянских народов Т. Д. Флоринский родился в 1854 году в Петербурге. В 1872 году он закончил с золотой медалью гимназию, после чего поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета. Одним из его учителей был И. И. Срезневский. Под влиянием крупных ученых-славистов В. И. Ламанского и В. Г. Васильевского определились научные интересы Т. Д. Флоринского к истории южных славян и Византии. Именно этой тематике посвящено его выпускное сочинение «Критический разбор свидетельств Константина Порфирородного о южных славянах», за которое он получил степень кандидата и золотую медаль. Начинаящий ученый стал готовиться к профессорскому званию по славистике при университете.

В 1880—1882 годах Т. Д. Флоринский читал лекции по славянской истории на Высших женских курсах в Петербурге. Магистерскую диссертацию «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века» он защитил 20 декабря 1881 года (по новому стилю 1 января 1882 года) в Петербурге. В этом же году переехал в Киев и начал работу в качестве доцента на кафедре славянской филологии в Университете святого Владимира (Киевский университет). А в 1888 году здесь ученый защитил докторскую диссертацию «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков (Хрисовулы.— Сербский законник.— Сборники византийских законов)», напечатанную в «Университетских известиях» и в виде отдельного издания. Это обеспечило Т. Д. Флоринскому право занимать должность ординарного профессора.

В дальнейшем преподавательская и научная деятельность Т. Д. Флоринского связана с университетом и другими учебными

и научными учреждениями и обществами Киева. Заслуги Т. Д. Флоринского перед славистикой получили высокую оценку в научном мире: ученый был избран членом-корреспондентом Сербской и Югославянской академий наук и искусств, Академии наук в Петербурге. В 1882—1883 годах он совершил научную командировку по славянским странам.

В своих работах по истории Т. Д. Флоринский тщательно учитывал своеобразие используемых им письменных памятников, проводил их тщательный источниковедческий и критический анализ, сопоставляя разные виды памятников (законодательные акты и грамоты). Отсюда его постоянный интерес к вопросам славянских языков. К этому его побуждали и официальные обязанности по кафедре, где он должен был читать лингвистические курсы.

Т. Д. Флоринский одним из первых в отечественном славяноведении приступил к созданию на русском языке учебной литературы по славянским языкам. В XIX веке для этих целей обычно использовались зарубежные издания. Его капитальные «Лекции по славянскому языкознанию» (ч. 1—2. Киев, 1895—1897) были первым трудом на русском языке, в котором обобщен большой объем научной литературы. Долгое время эта книга являлась основным пособием по сравнительной грамматике славянских языков в нашей стране.

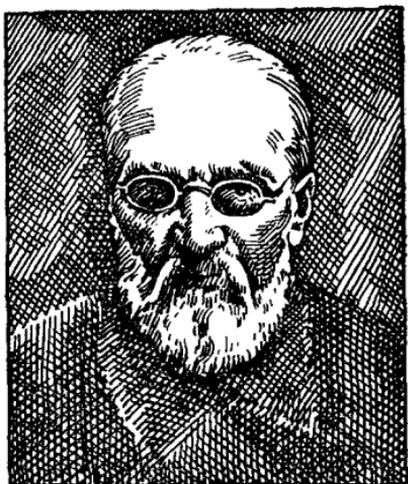
Анализируя отдельные памятники, Т. Д. Флоринский неоднократно обращался к древнейшим славянским азбукам — кириллице и глаголице, к проблемам их взаимных отношений. Большое внимание ученый обращал на труды современных ему исследователей. Он писал не только отдельные отзывы и рецензии о книгах, но и составлял критико-библиографические обзоры текущей славяноведческой литературы, которые и сейчас сохраняют значение путеводителя по изданиям тех лет.

Конечно, далеко не все труды Т. Д. Флоринского, написанные много десятилетий назад, смогли сохранить актуальное значение до наших дней. Особенно это касается научно-популярных и публицистических работ, которые иногда вызывали острую критику уже в его время. Но и они остаются своеобразными памятниками времени, показывая все недостатки и достоинства тогдашней славистики, ее общий научный уровень.

С лингвистическими трудами Т. Д. Флоринского был знаком В. И. Ленин, который интересовался славянскими языками (см. об этом: П. А. Дмитриев, В. М. Мокиенко. Классики марксизма-ленинизма и славянская филология. Л., 1982).

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Павел
Константинович
СИМОНИ
1859—1939

Павел Константинович Симо́ни родился 1 декабря 1859 года в Петербурге в семье сенатского чиновника, венгра по происхождению. В 1881 году он окончил гимназию при Историко-филологическом институте и поступил в Петербургский университет. Учителями его в университетские годы были такие выдающиеся ученые, как славист В. И. Ламанский, историк литературы А. Н. Веселовский, фольклорист О. Ф. Миллер, языковед И. В. Ягич. Уже в студенческие годы П. К. Симо́ни начал под руководством И. В. Ягича научную работу: составлял словарь к новгородским служебным мнениям, ценнейшему древнерусскому памятнику, издававшемуся в то время И. В. Ягичем, исследовал язык Саввиной книги — одной из своеобразных рукописей X—XI веков, а также древнейшего датированного сборника — Изборника 1073 г.

После окончания университета П. К. Симо́ни несколько лет проработал чиновником в различных учреждениях столицы (в департаменте таможенных сборов, в комитете иностранной цензуры), не прерывая, однако, связи с научной средой. В это время он особенно сблизился с академиком Л. Н. Майковым, вошел в круг его учеников и приобрел интерес к русской литературе и языку XV—XVIII веков, которыми более всего занимался этот ученый.

С 1888 года П. К. Симо́ни стал принимать участие в работе над первым словарем современного русского литературного языка, который готовила к изданию Академия наук. Здесь ему пришлось заниматься подбором иллюстративного материала из сочинений русских писателей XIX века, а затем разбирать и классифицировать материалы народных говоров, которые в ограниченном количестве использовались в словаре и присылались в Академию наук частными лицами — энтузиастами живой великорусской речи. Пер-

вый выпуск «Словаря русского языка», включавший слова *A — Влас*, подготовленный Е. В. Петуховым, Н. А. Смирновым, П. В. Шейном и П. К. Симиони под руководством академика Я. К. Грота, увидел свет в 1891 году.

В 1892 году П. К. Симиони перешел на службу в Академию наук в качестве делопроизводителя Отделения русского языка и словесности, что соответствует теперешней должности ученого секретаря, и оставался на этом посту бессменно вплоть до выхода на пенсию в 1926 году. Работа в Отделении свела его с крупнейшими представителями русской науки; она потребовала от него постоянного внимания, исполнительности и заботы о том, чтобы создать благоприятные условия труда и книгоиздательства для членов Академии, способствовать подбору и подготовке научной смены.

П. К. Симиони прекрасно справлялся с этими научно-организационными задачами, он заслужил уважение и благодарность не одного поколения филологов. Академия наук приобрела в его лице не только великолепного организатора, но и крупного исследователя, знатока палеографии, книговедения, библиографии, фольклора, истории литературы и языка, истории древнего искусства. Ученый с широким научным кругозором, П. К. Симиони занимался выявлением и изданием наиболее ранних источников по русскому языку, фольклору и литературе. Свои исключительно точные издания древних рукописей и документов он снабжал палеографическими описаниями, лингвистическими и историко-литературными комментариями, разъяснениями реалий и очень часто фотоснимками, позволяющими читателю воочию увидеть внешний облик того или иного документа.

П. К. Симиони не представил ни одного из многочисленных своих трудов или их совокупности в качестве диссертации для получения ученой степени, поскольку в то время источниковедение не рассматривалось как самостоятельная научная дисциплина. К тому же ученый менял свои интересы и одновременно занимался изысканиями по нескольким различным направлениям. Тем не менее в признание его научных заслуг в 1921 году Академия наук избрала П. К. Симиони членом-корреспондентом по Отделению литературы и языка. На склоне лет, находясь уже на пенсии, он читал разнообразные курсы по палеографии, книговедению и библиографии и оказал тем самым заметное влияние на подготовку научных кадров. П. К. Симиони был активным сотрудником многих ученых обществ, и в одном только Обществе любителей древней письменности сделал более ста докладов.

Свое первое источниковедческое издание П. К. Симиони выпустил в свет в 1890 году. Это была публикация одной из копий «Слова о полку Игореве», снятой с рукописи в конце XVIII века де

гибели ее в московском пожаре 1812 года. В первые годы работы в Академии наук он начал серию изданий под общим заглавием «Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий», в которую вошли произведения фольклора в самых старых записях. Работа над серией продолжалась тридцать лет. В числе выпусков были: песни, записанные в 1619—1620 годах для английского врача Ричарда Джемса и изданные им позже в Оксфорде; древнее Сказание о киевских богатырях в записях XVIII века; сказки о Петре Великом в записях 1745—1751 годов; собрание русских народных песен и романсов, составленное в XVIII веке одним из первых русских фольклористов и этнографов М. Д. Чулковым.

К числу самых интересных выпусков этой серии относится издание нескольких старинных сборников пословиц и поговорок. П. К. Симоны собрал сведения о 30 таких сборниках и в своей работе «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий» опубликовал несколько из них. Этот том открывается сборником, составленным в конце XVII века под названием «Пословицы всенародные по алфавиту». Безызвестный паремнолог той отдаленной эпохи проявил исключительную широту и свободу взглядов. Среди собранных в алфавитном порядке пословиц и поговорок, например, на букву А встречаются и афоризмы житейской мудрости (*Аршин на сукно, а кувшин на вино*), и сентенции русского школяра (*Азбуку учат, во всю избу кричат*), и добродушно-юмористические сентенции (*Аз пью квас, а кали емжу пиво, не пройду ево мимо*), и опыты новейшей истории (*Азов не о ств глазое, а Крым не крив*).

П. К. Симоны не удовлетворился тем материалом, который имел в руках и которого было достаточно для предполагавшегося издания объемом в пять томов, он хотел провести полное исследование и выявление всех русских пословиц, поговорок, загадок. С этой целью ученый разработал и опубликовал программу для сбора и изучения этих жемчужин народной речи, так что публикация наличного материала была отложена и уже не осуществилась.

В первое десятилетие XX века П. К. Симоны издал серию из трех томов, посвященных истории книжного дела на Руси: «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси» (с XI по XVIII столетие), «Мьстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях» и «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописца при книжном и иконном строении». В предисловии к последней книге автор писал: «Меня часто занимала мысль о той обыденной обстановке, в которой приходилось действовать старинному

писцу и строителю всякого книжного дела вообще, а также и художнику-иконописцу в частности. Я приглядывался к цвету чернил и киновари или бакана, золота, красок и проч., коими писаны и украшены старинные рукописи...»

Из этих слов, из стилизованных под старину названий его трудов видно, как глубоко проникал П. К. Симоны в навсегда, казалось бы, утерянный дух ушедшей культуры, как неторопливо, обстоятельно и со вкусом принимался он за свой труд исследователя, как любил он предмет своих занятий.

В этих трех томах содержатся исключительно интересные сведения о технических приемах, которые использовались в работе переплетчиками, писцами, художниками-иллюстраторами, иконописцами, из рукописей XV—XVII веков выбраны и опубликованы наставления по изготовлению книг и икон. Вот как, например, в рукописи XVI века рекомендуется готовить чернила: «Память, как чрвнило ставити. Орешки розмочити целые да искрошити, а против их взвесити клею вишневаго, а клей мочити 10 ден. А воды в него прибавлявати до срока да не весь положить. А хмельку мелко упарити да розсыпати как пошлой мед, а лити скорлупкою на всякой орешек по 10 или по 4 скорлупки».

В комментариях П. К. Симоны дает сообщения о происхождении тех или иных терминов «книжного строения», объясняет суцность технологических деталей процесса, плохо понятного современному читателю.

В XVIII веке книжное производство приобрело современные формы, но впервые в русской истории появились новые фигуры — издатель и книгопродавец. П. К. Симоны посвятил две обширные статьи некоторым из наиболее заметных деятелей в этой области — Н. И. Новикову, Я. А. Исакову, книгопродавцам Кольчугиным.

Несколько изданий осуществлено П. К. Симоны по русской диалектологии. Прежде всего это публикация двух небольших словарей XVIII века, содержащих диалектные слова, а также библиографического свода «Русский язык в его наречиях и говорах», где с раскрытием содержания описано около 300 книг и статей в этой области.

Во всей деятельности П. К. Симоны заметен преобладающий интерес к таким произведениям письменности, которые представляют собою ценность в разных отношениях, — памятники фольклора и языка (сборники пословиц, сказки о Петре I), памятники фольклора и истории фольклористики (песни, записанные для Р. Джемса, сборники М. Д. Чулкова), памятники диалектных данных и истории диалектологии (словарные записи XVIII в.) и т. п. За этим стоит интерес к истории, интерес к началу и происхождению той

культуры, в которой мы живем, интерес к тем культурным формам, которые мы никогда не сможем ощутить как живые.

Скоро исполнится сто лет со времени выхода первых работ П. К. Симони, а впереди у них еще долгая жизнь, потому что та точность и аккуратность, та исчерпывающая полнота и профессиональная осведомленность, наконец, тот вкус, с которыми эти работы выполнены, едва ли сделают необходимым новое обращение к материалу, исследованному П. К. Симони. Эти работы — достойные русской науки на века.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

Ленинград

СРЕДИ КНИГ

Ю. С. Воронов.
ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО
В. И. ЛЕНИНА

Читателям «Русской речи» хорошо знакомо имя Ю. С. Воронова, ученого, занимающегося исследованием языка и стиля В. И. Ленина-оратора. «Русская речь» много раз публиковала его заметки по этой теме.

Теперь мы хотим представить книгу Ю. С. Воронова «Ораторское искусство В. И. Ленина», вышедшую в 1983 году в издательстве Саратовского университета. Она адресована партийным, совет-

ским работникам, идеологическому активу и всем, кто интересуется живым ленинским словом. Эта работа написана на анализе большого материала различного диапазона: доклады, речи, выступления В. И. Ленина перед массами, грамзаписи речей, подготовительные материалы к ним. Широко использованы автором и публицистические работы, письма, философские произведения, в которых В. И. Ленин поднимает вопросы коммунистического воспитания, пропаганды и агитации.

Ю. С. Воронов прослеживает приемы построения Лениным своих речей, приводит ряд высказываний партийных и государственных работников того времени о яркости и самобытности ленинских выступлений: «П. С. Заславский, вспоминая о докладе В. И. Ленина на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (1918),

писал: „Слова неслись лавиной. Горячие, вдохновенные, они доходили до сердца, будили волю, рождали веру в свои силы, в победу“.

Автор книги большое внимание уделяет риторическим вопросам, повторам в работах В. И. Ленина, которые употреблялись в целях «повышения эмоциональных качеств речи, повышения ее выразительности, а стало быть, и действительности». Ю. С. Воронову удалось наглядно продемонстрировать, какое значение отводил В. И. Ленин зачинам и концовкам, характеру выступлений: «Особенности зачинов ленинских выступлений находили яркое отражение в языке, в специфических приемах построения речи. Здесь есть обороты, свойственные разговорной народной речи („пошли войной, пошли на власть“, „брал быка за рога“, „объяснимся начистоту“ и т. п.). Здесь встречаем и образные обличительные метафорические словосочетания („международные хищники-империалисты“, „стан капиталистов“). Находим и удачное применение афоризмов, чужой речи. Используется в зачинах вопросно-ответная форма изложения, повторы, лексические ряды („помещики и капиталисты не смутят, не запугают, не обманут“). Каждое окончание выступления отвечало конкретным обстоятельствам, аудитории и задачам текущего момента. Автор делит их на две группы: речи, произнесенные перед сравнительно небольшой аудиторией; вторая группа — окончания выступлений на массовых митингах, собраниях. «Они, как правило, глубоко эмоциональны и экспрессивны: волновали трудя-

щихся неотразимой силой правды, страстностью, глубочайшей верой в правое дело революции».

«Ясность, доступность личного выступления, обращенного к рабочим, крестьянам, были сознательной политической установкой В. И. Ленина», — отмечает Ю. С. Воронов. Передко в своих выступлениях В. И. Ленин употреблял народно-разговорную лексику, что делало их более эмоциональными и понятными широким массам трудящихся: «...в адрес Керенского использовались частенько такие приложения-определения, как дурачок, хвостун, болтун и т. п. „И чтобы дальше успешно идти вперед, нам необходимо сбросить с себя невежество и халатность, а сделать это гораздо труднее, нежели свергнуть идиота Романова или дурачка Керенского“».

В. И. Ленин как великий революционный трибун проявлял глубокий интерес к философии и истории ораторского искусства, его теории и практике. Перед читателями предстает выразительная картина изучения Лениным большого наследия русских и зарубежных мастеров ораторского искусства.

Большое количество примеров ораторского мастерства В. И. Ленина, представленное в монографии, выводы, сделанные ее автором, могут иметь практическое значение в развитии навыков политической пропаганды и агитации, в подготовке активных проводников в жизнь нашей коммунистической идеологии — журналистов, партийных работников, учителей-словесников.

Т. С. КОЛМАКОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

ТАДЖИКСКИЕ
ПИСАТЕЛИ
О
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Таджикский народ всегда проявлял большой интерес к русской культуре и русскому языку. Задолго до революции таджикские просветители во главе с Ахмадом Донишем (1827—1895) ратовали за изучение и преподавание русского языка наряду с родным. Ученик Дониша поэт Мухаммадшариф Гульшани первым из слушателей бухарских медресе изучил русский язык.

Другой таджикский поэт — демократ начала XX века Абдукодир Шакури призывал:

О, сын мой, дорогой, иди
в школу.

Учись науке, чтобы не было
тебе равных...

Познай науку — и достигнешь
исполнения желаний.

Еще знай, что родной язык
твой — фарси,

Освоишь его досконально —
станешь красноречив.

Выучи и русский язык —
станешь мастером перевода.

Подстрочный перевод

Эти строки свидетельствуют о том, что передовые люди конца XIX — начала XX века видели в русском языке мощное средство, способствующее дальнейшему развитию национальной культуры и, в частности, литературы.

Процесс развития национальных культур народов СССР свидетельствует,

что на их формирование и совершенствование русский язык и русская классическая и советская литература оказывают благотворное влияние. Основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни, мудро оценивая роль и значение русского языка, в свое время писал: «Русский язык и литература являются той сокровищницей, где собрана суть знаний всего человечества». Сам Айни с юношеских лет изучал русский язык. Взволнованный рассказ об этом составляет один из наиболее драматичных эпизодов второй части его «Воспоминаний». Айни «собирал» русские слова и пытался сложить из них бесхитростные двуязычные стихи, соединяя их попарно: *хлеб — нон, душа — чон, часы — соат* и т. д.

В большом литературном наследии Айни, созданном на стыке XIX—XX веков, им было использовано около 900 русских и других заимствований.

Айни всем сердцем принял русскую литературу и культуру. Большая дружба связывала его с Максимом Горьким, который очень внимательно следил за развитием таджикской советской литературы и помогал формированию и становлению в ней новых литературных жанров. Покоренный могучим горьковским талантом, выдающийся таджикский писатель признавал себя его учеником и считал развитие своего творческого опыта теснейшим образом связанным с учебой у Горького. «Я мало видел Горького, мало читал его, тем не менее очень многому научился у него, многое использовал в своей творческой деятельности. И до тех пор, пока я буду жив, буду учиться у Горького, буду изучать его».

Вслед за Айни о роли русского языка и русской литературы в идейном и художественном росте, углублении художественного мышления и совершенствовании писательского мастерства с благодарностью говорят все таджикские писатели. Ярким примером тому может служить высказывание поэта Пайрава Сулаймони, который с восхищением преклоняется перед вечно юной, волнующей поэзией А. С. Пушкина: «Творчество Пушкина — бурное, взволнованное море. Боюсь, что я не сумею почерпнуть что-то значительное из него своей маленькой кружкой осведомленности в русском языке». Так скромно оценил Пайрав свои познания. Но нам известен немаловажный факт из жизни молодого поэта, который свидетельствует о том, как упорно, порой с риском для жизни, стремился Пайрав овладеть русским языком. Тайком от родителей

пробирался он в новую школу в женском платье под паранджой. В эмирской Бухаре стремление изучить язык иноверцев, по мнению мулл, считалось великим грехом и жестоко каралось. Много лет спустя выдающийся поэт современности, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР М. Турсун-заде в своей поэме «От Гапгадо Кремля» вспоминал о том, как молодой Пайрав Сулаймони изучал русский язык,

Чтоб с Лениным, хотя б накоротке,
Поговорить на русском языке.

Много сил отдавал Пайрав переводу произведений русских писателей, в частности Серафимовича. В процессе работы он перенимал и творчески осмысливал их опыт, смело пропагандировал богатство русского слова.

Пайраву принадлежит право считаться первооткрывателем для таджикского читателя революционной поэзии Маяковского. Он приблизил к родному языку ритмы и образы трибуна революции, певца великого Ленина.

Лучшие таджикские писатели и поэты стали переводчиками замечательных произведений русских писателей. Это — не только школа. Это — жизнь, ибо каждая капля из родника русской литературы животворна. По образному выражению Мирзо Турсун-заде, «...как стадо истомленных жаждой оленей, встретив в пустыне прекрасный родник, жадно пьет из него чистую, благоухающую спасительную влагу, так и мы, встретив на своем пути неиссякаемый родник могучей и величественной русской литературы, жадно припали к нему».

Роль заимствований в таджикском языке подчеркнул народный поэт Таджикской ССР Мирсаид Миршакар: «Всякий уголок Советского Союза — Родина и для таджика. На фабриках и заводах, на великих стройках БАМа, КамаЗа дети таджиков рука об руку со своими братьями работают во славу нашей Отчизны. Подлинным ключом к сердцу друг друга является для них русский язык — язык нашего старшего брата, язык, на котором говорил великий Ленин. Русский язык сплотил народы нашей страны, укрепил их дружбу. И наш родной таджикский язык, с его тысячелетней историей, на котором великий Фирдоуси создал бессмертное «Шах-наме», сегодня казался бы обедненным без русско-интернациональных заимствований».

Русские слова и выражения приобрели свое гражданство и используются во всех жанрах таджикской советской литературы, в повседневной жизни. Включенная в ткань произведений и устной речи многообразная лексика русского языка выражает восторг и печаль, боль и радость, гнев и ненависть, любовь и признание, торжество разума и общечеловеческий гуманизм. В ней заложена правда истории и революционный характер народа, его пронизательный ум и талант.

Следует особо отметить значение русского языка как плодотворного фактора взаимодействия таджикской советской литературы с литературой всех братских народов СССР, прогрессивной мировой литературой. Велика его роль в распространении культурных ценностей нашего народа в мировом масштабе. Благодаря русскому языку таджикская литература стала широко известна не только всесоюзному читателю, но и всему прогрессивному человечеству. «Невозможно говорить о достижениях таджикской советской культуры в отрыве от всей многонациональной советской культуры — ведь и вся жизнь народная приобрела подлинно интернациональный смысл. Благодаря великому русскому языку наша тысячелетняя литература стала достоянием всех народов страны и вышла на мировую арену. В то же время таджикский читатель получил возможность познакомиться с величайшими достижениями советской и мировой культуры...», — пишет лауреат Государственных премий СССР и Таджикской ССР им. Рудаки Мумин Каноат.

Русский язык помог сделать доступным мировому читателю все то ценное, что есть в сокровищнице нашей многонациональной литературы — Айни и Ауэзова, Кербабоева и Яшена, Турсун-заде и Гамзатова, Абанидзе и Зульфию, Айтматова и Мирзо Ибрагимова, которых сегодня знают и читают в Париже и Дели, в Лондоне и Колумбо, Джакарте и Нью-Йорке, во всех странах Европы, Ближнего и Дальнего Востока. На 30 языков мира переведены повести и романы С. Айни, более 35 паций и народностей планеты читают на своем языке Лахути. Стихи М. Турсун-заде голубем мира облетели почти весь земной шар. Они переведены на 47 языков.

Мы живем по законам братства, в дружной семье народов. Мы говорим на русском языке, который стал родным и близким для всех советских людей.

Когда повержен был дворец эмира в Бухаре
И наступил заветным днем конец его поре,
Мы услышали вдруг впервой

в далеком кишлаке —

«Свобода»,

«равенство»

и «хлеб» на русском языке.

И перед взорами людей —

Моих односельчан

Открылся вдруг чудесный мир,

Как счастья океан.

И стало слово «человек»

Большим и гордым вдруг.

Так Горький некогда сказал,

Наш добрый брат и друг.

Турсун-заде. Законы братства

Лауреат Государственной премии Таджикской ССР им. Рудаки, обладатель Золотой медали им. А. Фадеева Фатех Ниязи верно сказал, что язык Ленина не только открыл перед нами двери мира и обогатил нашу культуру, но еще и нас открыл миру, прославляя нашу литературу на всю планету.

С. Д. ХОЛМАТОВА

Душанбе

СРЕДИ КНИГ

И. Ф. Протченко.

**РУССКИЙ ЯЗЫК:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ**

В серии «Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагоги-

ческих наук СССР» вышла новая книга ученого-исследователя русского языка академика АПН СССР И. Ф. Протченко «Русский язык: проблемы изучения и развития» (М., 1984).

Роль русского языка как средства межнационального общения, становление его в качестве одного из языков международного значения, актуальные проблемы развития и

изучения современного русского языка, изменения, происходящие в структуре русского языка советской эпохи, — вот основные вопросы, рассматриваемые автором в этой книге.

В последнее десятилетие лингвистическая наука обратилась к активному изучению проблемы русского языка как языка межнационального общения. Совершенно закономерно, что книга И. Ф. Протченко открывается разделом «Русский язык — язык дружбы, взаимопонимания и сотрудничества народов».

В нашей многонациональной стране все языки являются равноправными и используются во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем общим, единственным средством межнационального общения является русский язык; его выбор на эту роль был добровольным. В книге говорится об общественно-экономическом, культурно-историческом и политическом влиянии русского народа на судьбы, образ жизни, развитие других народов.

Возникает вопрос: не мешает ли распространение языка межнационального общения развитию языков других наций и народностей. И. Ф. Протченко отвечает на этот вопрос: нет, не мешает. В условиях двуязычия и усиленных контактов между народами нашей страны процесс взаимовлияния и взаимообогащения языков становится сознательно управляемым. На многочисленных интересных фактах, относящихся в основном к области лексики и словообразования, показаны многогранность и разноаспектность этого процесса.

В национальных языках благодаря заимствованиям из рус-

ского или через его посредство формируется единый фонд общественно-политической лексики, что способствует упорядочению и сближению терминологии языков народов СССР. Вот некоторые такие слова и словосочетания: *марксизм, ленинизм, социализм, коммунизм, большевик, совет, коллективизация, совхоз, колхоз, комсомол, ударник, пятилетка, товарищ, космонавт, спутник, тракторист, колхозник, коммунистический труд, социалистическое соревнование, блок коммунистов и беспартийных* и т. п.

Оказывая большое влияние на языки других народов, русский язык сам подвергается их воздействию. Так, например, в процессе интенсивных межязыковых связей из тюркских языков в русский вошли слова: *туман, буран, утюг, изюм, амбар, алыча, майдан*; из украинского: *девчата, хлопцы, тысячница, пятисотница* и т. д.

В книге сделана попытка определить факторы, которые оказывают влияние на степень воздействия отдельных языков друг на друга. Это — родство и общность языков, уровень развития лексических систем, выполнение языками определенных общественных функций и др. Особое внимание в книге уделяется значению средств массовой информации.

К числу важнейших социолингвистических проблем общества развитого социализма И. Ф. Протченко относит двуязычие, распространенное среди граждан нерусской национальности. Автор отмечает роль советской многонациональной школы в развитии национально-русского двуязычия.

Второй раздел книги — «Но-

вое в лексике и словообразовании русского языка после Октября» — открывается главой о новых словах. Постоянные наблюдения над неологизмами, их широкое изучение очень важны в решении крупномасштабной комплексной проблемы «Язык и общество», в выявлении тенденций развития лексики, в осуществлении политики культурно-речевого воспитания людей. Исследования новой лексики необходимы для теории и практики перевода, а также вообще в создании художественного текста. В центре внимания автора — тематический анализ общественно-политической лексики, которая складывалась в течение длительного исторического периода и в формировании которой отразились этапные события прошлого. Читатель познакомится с яркими этюдами о новых и старых словах, возвращающихся к жизни из пассивного языкового фонда.

Подробно останавливается И. Ф. Протченко на особенностях физкультурно-спортивной лексики. Термины этой сферы активно включаются в художественную и публицистическую речь, выполняя экспрессивно-стилистические функции. С интересом читаются страницы об отдельных спортивных терминах, об истории самих явлений и фактов, например о первой русской женщине — *воздухоплавательнице* г-же Ильинской, поднявшей на воздушном шаре в августе 1828 года.

В разделах «Субстантивация как один из продуктивных способов современного русско-

го словообразования» и «Родовая соотносительность в категории названий лиц» исследуются словообразовательные процессы в русском языке советской эпохи. Сопоставительному анализу подвергнуты такие ряды слов: *пожарный — пожарник, часовой — часовщик, здоровый — здоровяк* и др. Названия типа *монтажная, процедурная, котлетная, шашлычная, пирожковая* рассматриваются автором как образования, которые не прошли стадии употребления словосочетаний с именем существительным: *здоровый — здоровый человек*. Исследуя словообразовательные процессы, протекающие в наименованиях лиц, автор отмечает актуализацию их под влиянием социальных факторов.

Книгу заключают обстоятельные, написанные живо и увлекательно очерки о крупнейших русских ученых — филологах и методистах — М. В. Ломоносове, Ф. И. Буслаеве, В. И. Чернышеве, А. В. Шапиро и Ф. П. Филине.

Новая книга И. Ф. Протченко аргументированно освещает глубокие теоретические проблемы, насыщена разнообразным фактическим материалом, интересно подобраным и проанализированным. Ее характеризует ясность и доступность изложения. И хотя автор адресует свое исследование специалистам-филологам и преподавателям, можно надеяться, что книга будет с интересом воспринята и широким кругом читателей-неспециалистов, любящих родной язык.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ

Фонемофон. Среди названий приборов, связанных с воспроизведением или передачей звука (например, *телефон, видеофон, гидрофон, диктофон*), появилось новое наименование — *фонемофон*. Так называется механизм, который позволяет электронной машине «говорить» голосом человека.

«О приборе, давшем речь человеческую электронно-вычислительной машине, „Правда“ уже писала. Это был синтезатор речи — фонемофон, производящий человеческий голос. Оператор мог „научить“ машину произносить нужные слова, которых достаточно, чтобы ЭВМ имела возможность общаться с человеком. Задание ей давали с помощью клавишного устройства, в письменном виде, а ответ машина давала звучащим словом.

Это устройство намного упростило пользование ЭВМ. Информацию от нее можно было получить гораздо быст-

рее. Преимущество сразу же оценили многие хозяйственники, ученые» (Правда, 1984, 13 фев.).

Новое слово по своей морфологической характеристике — сложное имя существительное, образованное от известного интернационального компонента (греч. *phōnē* — звук) с соединительным гласным.

Пульсометр. Это новое обозначение относится к названиям измерительных приборов со второй частью *-метр* (*рентгенометр, таксометр, радиометр, виброметр*).

«На опытном заводе „Эталон“ разработан и готовится к серийному производству пульсометр. Оригинальный прибор — размером с записную книжку. Диапазон применения нового аппарата широк, но особый интерес он представляет для любителей бега. Контролировать с его помощью самочувствие довольно просто. Для этого достаточно нажать кнопку прибора, и через несколько секунд световое табло покажет частоту пульса во время забега» (Правда, 1984, 6 янв.).

Новое название представляет собой сложное имя существительное, составленное из корней, по своему происхождению являющихся интернациональными элементами (лат. *pulsus* — удар, толчок», греч. *metron* — мера).

Г. М.

С Л О В О
Т И Т Л О
С Р Е Д Н Е Г О
Р О Д А

ИТЛО — так называется надстрочный знак над сокращенно написанным словом, часто употреблявшимся в тексте, или над буквой, обозначающей число в средневековых рукописях и старопечатных книгах. Четкую грамматическую характеристику древнему термину дает самый распространенный наш «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: *титло*, — а, род. мн. — *титл*.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дана устаревшая заглавная форма — «титла» и только вслед за ней указана правильная «титло» (ср. р.) с пометой «чаще». И сделано это несмотря на то, что документировано слово только примерами в форме творительного падежа — «титлом», которая никак не может относиться к словам женского рода. А именно: «В древних славяно-русских рукописях слова, обозначающие священные предметы, обычно писались сокращенно под титлом...»

В «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением императорской Академии наук» (СПб., 1847), дана правильная

заглавная форма — *титло*, но в иллюстрирующем примере допущена неверная — *титла*: «Титло, а, ср. Знак над словами, в которых некоторые буквы выпущены для сокращения. Под титлом, или под титлою: зн[ачит] с выпуском некоторых букв; сокращенно. В церковных книгах многие слова пишутся под титлом, или под титлою».

Нетрудно заметить, что наряду с правильной начальной формой *титло* (ср. р.) составители словарей допускали и *титла* (жен. р.), но никак не *титл* (муж. р.).

В источнике XVI века, приведенном в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», интересующее нас слово употреблено в женском роде (если только цитируемая в нем рукопись не характеризуется отражением аканья, в этом случае конечное *а* могло быть написано вместо *о* и, следовательно, слово было бы среднего рода). Пример этот находим в статье *Взметъ* (выпуск 2, М., 1972, с. 154—155): «Взметъ, м. 1. *Надстрочный знак, под которым определенные слова писались сокращенно.* Сии зовутся: титла, взметъ, покрытие. (Написание о букве и ее письменах) Рассужд. церк.-слав. яз., 643, XVI в.» *Взмет* ставился всегда над выносной буквой, то есть буквой согласного (исключения, как буква *о*, единичны), а покрытие и титло — над словами, сокращаемыми без выноса буквы в верхнее межстрочное пространство. Обе формы — как покрытие, так и титло — применялись уже на рубеже XI—XII веков. Так, в «Изборнике Святослава 1073 года» оба писца употребляют покрытие (см. факсимильное издание этого памятника, М., «Книга», 1983), а писцы Мстислава евангелия, написанного на рубеже XI—XII веков, используют разные знаки: основной его писец Алекса ставит только покрытие, анонимный писец, написавший всего два чтения на субботу и воскресенье 17-й недели по Пятидесятнице (стб. 676 строка 17 — лист 68), — титло с перечеркиванием, причем левый конец титла поднят вверх, правый — опущен вниз (см. 67 — рис. 5 и 7 — в издании: Апракос Мстислава Великого. М., 1983).

В средневековых памятниках наблюдается написание слов возвышенной и нейтральной семантики как под титлом, покрытием или взметом, так и без них. Слова со сниженным значением следовало писать всегда полностью. Так, в книге «Алфавит» (XVII в.) сохранилось указание: «Царей и цариц православных, в благочестии просиявших, под взметом пиши..., царей же и цариц неблагочестивых... и ратовавших [*ратовать* — воевать против] святую христианскую нашу веру и царствия земная, складом пиши» (*складом* — то есть буквами, по слогам, полностью. — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III, стб. 1433).

Но вернемся к вопросу о написании самого слова *титло* и его форм в современной научной литературе.

Как известно, окончание *-овъ* во множественном числе присуще только существительным мужского рода. Первоначально оно было у слов типа *сынъ, медъ, домъ*, которые в глубокой древности восходили к основам на краткое *и-*. Таковых было не более десятка. Но позднее окончание *-ов* в русском языке проникло в обширный и весьма продуктивный тип склонения существительных мужского рода (ср.: *плод, стол, край...*), а в других славянских языках стало приметой одушевленных существительных мужского рода или иных ограниченных групп лексики, но всегда мужского рода. Поэтому явно неправильна употребляемая иногда форма этого термина во множественном числе — *титлов* вместо *титл* (род. пад.). Например: «Под палеографическими чертами «Слова» я понимаю различные приемы начертания слов (употребление титлов, выносных букв, различных написаний одной и той же буквы и т. д.)...» (ГОДРЛ, т. XXXI, с. 141, примеч. 18).

Имеющееся единичное исключение *облаков* не может служить аналогией, так как восходит к древнерусскому именительному *облак* — мужского рода!

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать сравнительную степень от прилагательного *мудреный*?»

Н. А. Татосова, Таруса

Мудрёнее и допустима устаревавшая форма *мудренее* (*утро вечера мудренее*).

«Слово *фольга* словари приводят с ударением на первом слове — *фóльга*. Однако так никто не произносит. Как же все-таки правильно говорить?»

Н. В. Воронина, Ялта

Слово *фольга* заимствовано русским языком из польского — *folga*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *folium* — лист. Долгое время это слово сохраняло ударение, свойственное польскому языку, то есть на втором от конца слове — *фóльга*. Новый Орфоэпический словарь русского языка узаконил произношение этого слова с ударением на последнем слове — *фольгá*, однако допускает и прежний вариант — *фóльга*.

24 апреля 1787 года директору экономии Тобольской казенной палаты А. А. Мыльникову поступила жалоба от крестьян. В начале документа они сообщают о разорении своих хозяйств, наступившем после трехлетнего недорода и наводнения 1784 года. Затем податели жалобы сообщают «з болшею огорчителностью и с неутешимым плачем» о том, что енисейские купцы и Спасский монастырь «усильно» заняли их крестьянские хлебопашенные и сенокосные земли. Обращаясь в Тобольскую казенную палату, крестьяне просили «во всем милостиво защитить и реченную хлебопахотную и сенокосную землю от владельцев отобрать и отдать нам крайне обиженным во удовольствие». А. А. Мыльников переслал жалобу в Енисейскую нижнюю упра-

«Дело по прозбе...» — ценный памятник древнерусской письменности, позволяющий современному исследователю услышать живую речь писавших эти документы в Енисейской провинциальной канцелярии: «сию закладную крепость писал крепостной канторы писец Алексеи Данилов сын Попов», «сяя закладная крепость в Енисейску у крепостных дел в книге записана...», «сию закладную писал в Енисейску крепостных дел писчик Григорей Богданов...»

На многих документах имеются «подписи-рукоприкладства» свидетелей — жителей Енисейска: «к сеи скаске енисейской мещанин Лаврентей Тауснев руку приложил», «вместо Петра Муромцова Мари Афонасевои дочери по их прошению енисейской жител Василии Наден руку приложил енисейской сотник», «Енисейской провинциальной канцелярии пищик Яков Дутов у сеи закладной крепости свидетелем был и руку приложил».

Все документы XVIII века написаны на бумаге русского производства, часть которой была доставлена в Енисейск из Тобольска с фабрики Василия Корнильева, часть — с Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева. Копии царских указов написаны на бумаге с водяным знаком, изображающим двуглавого орла и надписью «гербовая бумага». На таких копиях хорошо сохранились восьмигранные и круглые штампы с рисунком орла и датой. На печати

ву. В результате пятилетнего разбирательства сложилась интереснейшая подборка документов, получившая название «Дело по прозбе Верхопашенной и прочих деревень крестьян Козмы Лузгина с товарищи об отобрании от разных владельцев хлебопахотной и сенокосной земли принадлежащей их деревням» (В настоящее время хранится в государственном архиве Красноярского края, фонд 907, д. 39).

*

В ходе следствия было собрано множество поземельных актов, представляющих часть личных архивов 11 семей крестьян, разночинцев, мещан, купцов, служилых людей и духовенства. Собранные документы дают богатые сведения о поземельных отношениях во всех сословно-социальных группах сибирского на-

селения XVIII века, характеризуют делопроизводство одной из периферийных канцелярий Московского государства.

Этот уникальный исторический комплекс документов содержит интересный материал и для лингвистического исследования. Особенно важно то, что среди деловых бумаг оказалось 4 подлинных столбца XVII века. Это редкая удача, поскольку все материалы Енисейского острога XVII века хранятся, в основном, в Центральном государственном архиве древних актов в Москве и частично в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. От Енисейского же архива, неоднократно горевшего и затапливаемого водой во время наводнений, сохранился лишь один свиток.

представлен герб Сибирского царства: два соболя, между ними стрела, внизу — лук.

Все документы (кроме четырех) написаны характерной в XVIII веке скорописью, тексты расчленены на слова, хотя предлоги со словами все еще пишутся слитно. Названия и абзацы выделяются особыми приемами. В начале записи появляется прописная буква. В ряде случаев с прописной пишутся имена собственные, топонимы, титулы, но в целом употребление строчной и прописной букв безразлично. Наряду со словесным отмечается цифровое обозначение числа.

В некоторых текстах XVIII века обнаружены строчные знаки, выполняющие синтаксическую функцию: квадратные скобки, двоеточие в виде трех или двух точек с вертикальной линией справа (этот знак употребляется также для обозначения конца текста). Перенос представляет собой две параллельные горизонтальные черточки. Среди надстрочных знаков следует отметить «крышечку», которая ставится над сочетанием букв *IO*, употребленных в значении современной буквы *Ё*: *всю* (всё), *копюн* (копён).

Описываемые документы создавались непосредственно по ходу событий и потому довольно полно отражают особенности живого языка, которые отчетливо проступают сквозь традиционную орфо-

графию. Так, в текстах довольно полно отразился ряд фонетических явлений общерусского характера: это прежде всего различные виды уподобления и расподобления согласных, упрощение группы согласных и другие. Отражение явления ассимиляции (уподобления) выразилось в написании звонких согласных на месте глухих в положении перед последующим согласным звуком: *по прозбе, вгнат, згорела, в братию, одданъ* и др. Перед последующим глухим согласным звонкие не употребляются. В таких случаях писцы употребляют буквы для глухих согласных: *скаскою, по дорошке, потписки, ис платежа, Бороткина*. Глухость конечных согласных передана написаниями типа: *детъ, напереть, назаъ, на платешъ*.

Отразились в текстах и некоторые диалектные фонетические явления, наиболее важные для лингвистического исследования. Например, широко известна современным говорам Сибири утрата звука [j] в положении между гласными с последующим их стяжением. Данная диалектная черта встречается в одном из текстов «Дела»: *не ведат* (вм. *не ведает*). Широко представлена в текстах одна из характернейших северновеликорусских особенностей — изменение гласного [a] в [e] под ударением, в предударных и заударных слогах: *вятченин Еким, дворенин, дворенином, свещеник, двенацет, дватцет*.

Эта далеко не полная характеристика примеров убедительно показывает, что, несмотря на грамотность авторов документов, на устойчивость орфографической традиции, рукописи XVIII века в значительной степени отражают живое произношение.

*

Материалы следственного дела содержат не менее интересные сведения и о лексике второй половины XVIII века. Особенно богато представлена лексика канцелярская. Здесь можно выделить несколько тематических групп, например: названия разновидностей деловых бумаг (*инструкция, прошение, резолюция, репорт, указ*); названия должностей канцелярских служащих (*канцелярист, копист, надсмотрщик, повытчик, подканцелярист, переписчик, писец, писщик, регистратор, секретарь*) и др. Приведенные слова, за небольшим исключением (*указ, писец, писщик*), отмечаются только в деловой письменности XVIII века и являются характерным признаком делопроизводства Петровской эпохи.

Названия людей по социальной принадлежности, а также по роду деятельности не связанных с конторской службой, представлены в текстах незначительно. Это объясняется характером самого следствия, в котором принимало участие ограниченное число заин-

тересованных лиц: *крестьянин, служилый, посадский, разночинец, пушкар, записной отставной плотник, казначей.*

Привлекает внимание новая, в сравнении с XVII веком, система титулования воевод: *капитан и ковалеррирдец и енисейской провинции воевода Иван Хруцов.*

«Дело» является ярким образцом формирования канцелярского стиля. Каждая страница текста предельно насыщена словами с отвлеченным значением: *измеряние земли, розлитие воды (наводнение), приращение интереса, кошение сена, вписание покосу в оклад* и др. Часто употребляются сложные слова, первую часть которых составляет слово *выше*: *вышенписанный, вышепоказанный, вышереченный.*

Кроме канцелярской, в «Деле» широко представлена также лексика, связанная с описанием «чащоватых, логоватых и лесных мест», среди которой отмечаются и диалектные слова, например: *кулига, веретья.*

Группа лиц, связанных родственными отношениями, именуется в тексте «сродствениками» (только в таком написании), это: *брат, внук, дед, дочь, жонка, муж, отец.*

Представляется интересным употребление слова *публика* в необычном для современного читателя значении. Обратимся к контексту: «...по учиненном на то маяя 11 дня резолюции в городе Енисейском *публиковано* троекратно со обевлением тем не пожелает ли кто вышеописанные покосы взять во владение», «и по тоя *публике* явился ко взятию тех покосов в оброк енисейской купец Василией Шемякинской» (курсив наш.— Л. Г.). Как видим, слово *публика* обозначает здесь «оглашение, объявление». Современные толковые и исторические словари определяют это слово как группу лиц, находящуюся где-либо в качестве зрителей, слушателей, посетителей, а также в значении «люди, народ, общество». В значении «объявление», «доведение чего-либо до всеобщего сведения посредством печати» в настоящее время используется слово *публикация*. Отмечается оно и в «Деле», но значительно реже, чем слово *публика* в том же понимании: «ныне же по публикациям оныя покосы ты проситель Брюхов подпискою обязался взять».

«Дело по прозбе... Козмы Лузгина с товарищи...» отличается своеобразием орфографии и лексики, раскрывающими особенности формирования русского языка Петровской эпохи. Анализ подобных материалов позволяет современному исследователю узнать много интересного в области истории русского языка.

Л. М. ГОРОДИЛОВА

Хабаровск

«А СЕ ВОЛОСТИ ОТЪЕЗДНЫЕ...»

двух грамотах московских великих князей — второй духовной Дмитрия Донского, составленной между 13 апреля и 16 мая 1389 года, и договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским, заключенном в период между 6 и 26 января 1390 года, — встречаются весьма редкие термины: *отъездные волости* (места) и *отъездец*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского к слову «отъездный» дано пояснение — «отдаленный», а слово «отъездць» оставлено без комментария.

Определение «отъездный» встречается в следующих контекстах. Третьему сыну, Андрею, Дмитрий Донской завещал «Можаеск со всеми волостми... и с отъездными волостми»; далее такие волости перечислялись: «А се волости отъездные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репиньское, да Ивановское Васильевича в Гремичах» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950). В разделе завещания, посвященном сбору ордынской дани, Дмитрий предписывал Андрею давать «с отъездных мест семьдесят рублей без дву». В договоре 1390 года среди земельных владений Дмитрия Донского, унаследованных его сыновьями, упоминались в числе прочих «и отъездная места»,

а также указывались владения Владимира Серпуховского, среди которых были «и иная места, и (отъ)ездная места, что ти ся до-стало против Лопастны, Городецъ, Боровеск, Лужа...»

Из приведенных цитат видно, что они не раскрывают содержания слова «отъездные» и толкование И. И. Срезневского — произвольно. Субъективность его пояснения подчеркивается и тем обстоятельством, что в своем завещании Дмитрий Донской перечисляет ряд действительно *отдаленных* от Москвы волостей, в частности белозерских (Вольское, Шаготь), которые передает тому же Андрею, но при этом не называет их *отъездными*, как, например, более близкую к Москве Верею. Из приведенных документальных свидетельств следует только то, что *отъездные волости* равнозначны *отъездным местам*.

Чтобы понять значение этих терминов, необходимо проследить историю тех волостей, которые в конце 80-х годов XIV века назывались в Москве *отъездными*. К их числу грамоты 1389 и 1390 годов относят Верею, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберегу, Сушов, село Репинское, село Ивановское Васильевича (вероятнее всего, Ив. Вас. Вельяминова) в Гремичах, Городец, Боровск и Лужу. Из этих одиннадцати «мест» раньше других упоминаются в источниках Заберега и Гордошевичи. Заберега была куплена великим князем Симеоном Гордым у князя Семена Новосильского между 1340 и 1348 годами: в 1340 году после смерти Калиты Симеон стал великим князем Московским, а о покупке Забереги он упоминает в своем договоре с братьями, датированном 1348 годом. В это время в руках у Симеона Гордого оказались Гордошевичи, полученные им от его тетки Анны. Анна, возможно, была сестрой матери Симеона и принадлежала к роду Новосильских или Оболенско-Тарусских князей. Село Репинское впервые упоминается в духовных грамотах великого князя Ивана Ивановича Красного конца 50-х годов XIV века. Тогда оно называлось селом «на Ренне в Боровьске». В тех же завещаниях Ивана Красного фигурирует и Городец — Новый городок в устье реки Протвы, переданный маленькому Владимиру Серпуховскому взамен утраченной им Лопасни. Городец на Протве входил в «места Рязаньская на сеп стороне Оки», которые достались Ивану Красному в период между 1354 и 1358 годами: в 1354 году рязанцы захватили Лопасню, а в 1358 году Иван Красный воспрепятствовал проведению пограничной линии между Рязанским и Московским княжествами, что хотела осуществить Орда. Эти места в духовных Ивана Красного обозначены и как «места рязаньская отъменная». Таким образом, Городец, входивший в 1390 году в состав *отъездных мест* (волостей), примерно за треть века до этого относился к числу «отменных» мест. К таким *выменным* у Рязани местам по левому берегу реки Оки должны от-

носиться также Верея, Боровск и Лужа, впервые упомянутые в московско-рязанском договоре 1381 года. Они были получены в обмен на московские волости на окском правом берегу. О принадлежности волостей Рудь, Гремичи, Сушов данных нет. Но судя по их расположению (Рудь — между Вереей и Боровском, Гремичи — между Боровском и Гордошевичами, Сушов — рядом с Гордошевичами), до присоединения к Москве это также были рязанские волости. Село в Гремичах Вельяминов приобрел примерно в конце 60-х — начале 70-х годов XIV века. Но после того, как он изменил Дмитрию Московскому и бежал в начале 1375 года в Тверь, село было конфисковано и «отписано» на великого князя. Таким образом, комплекс волостей и сел, впервые получивших определение «отъездные» в духовной 1389 года Дмитрия Донского, складывался постепенно на протяжении 40—70-х годов XIV века и включал в себя прежние владения разных княжеств. Единственным общим признаком этих волостей и сел было то, что ранее они не принадлежали московскому княжескому дому. Эпитет *отъездные* объединил те земли, которые московские князья разными способами отторгли («отъехали») от других княжеств. Отсюда и значение слова *отъездный* — отторгнутый от другой территории.

Сказанное позволяет расшифровать и смысл термина «отъездць». Он употреблен в духовной 1389 года Дмитрия Донского единственный раз: «А се дмитровские волости: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездцем, Инобащ». Волость Лутосна была расположена к западу от города Дмитрова и являлась пограничной с тверскими (клинскими) землями. Можно было бы думать, что москвичи прихватили часть тверской территории, которая и была названа *отъездцем*. Однако никаких намеков на изменение московско-тверского рубежа в XIV веке нет. Зато обращает на себя внимание другой факт. В духовной грамоте 1433 года галицкого князя Юрия Дмитриевича среди дмитровских волостей названы «Лутосна, Куликово». Это единственное упоминание Куликова, которое к тому же было не волостью, а селом. Если выражения *Лутосна с отъездцем* и *Лутосна, Куликово* идентичны, то под словом *отъездец* следует разуть часть территории, подчиненной другой административно-территориальной единице, но не имевшей с ней общих границ, то есть анклав, поскольку село Куликово было расположено в правом берегу реки Яхромы и не граничило с Лутосенской волостью.

В. А. КУЧКИН

В истории русского бытового словаря обнаруживаются случаи, немало удивляющие современного человека. К числу курьезных относятся факты использования в былые времена в качестве наименований мужских нарядов таких слов, которые сейчас обозначают женскую одежду. Подобную семантическую эволюцию пережили, например, слова *сарафан* и *юбка*, впервые зафиксированные в памятниках письменности в значении «мужская легкая одежда».

В Никоновской летописи, относящейся к 20-м годам XVI века, читаем: «Русские воеводы начяша ходити и ездити в охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташе». В то время слово *сарафан* обозначало общесловную одежду и было известно на западе и в центре России. Уже в XVII веке *сарафан* как «тип мужской одежды» встречается крайне редко. Одновременно обнаруживается сословная ограниченность и самого платья: теперь это меховой кафтан в царском или архиерейском облачении. Последнее упоминание о мужских сарафанах относится к 1667 году. Высказанное недавно мнение о преимущественном распространении в XVII веке мужских, а не женских сарафанов (Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX вв. М., 1981) привлекает внимание своей необычностью, но не имеет фактической основы. Оно не подтверждается при сравнении числа

употреблений слова *сарафан* в каждом из двух отдельно взятых значений: «тип мужской одежды» и «тип женской одежды».

Сарафан — «тип женской одежды» впервые отмечается в духовной грамоте князя Оболенского 1565 года: «...да дочере ж моей княжне Огрофене моего платья в приданые... сарафанец на зелене земли, шелк двоеличен, а на нем двадцать три пугвицы». В XVII веке *сарафан* в значении «женская одежда» употребляется особенно широко, причем исключительно в деловых текстах, что является косвенным свидетельством его обычности в устной речи. Известно оно было на всей русской территории.

Данные письменных источников со всей очевидностью убеждают, что употребление слова *сарафан* в преднациональный период в качестве названия мужской одежды носило эпизодический характер и что разные типы женских сарафанов с родовым названием *сарафан* и с массой индивидуальных наименований — *костычь*, *костолан*, *шущпан*, *крашенинник*, *кумачник*, *дубленик*, *синяк*, *красик*, *верхница* и другие — были широко распространены на всей русской территории (о последующей истории слова *сарафан* см.: «Русская речь», 1983, № 1).

*

В заголовке статьи упомянуты таинственные «урядные молодцы в золотых юпках». *Урядные* значит «нарядные, празднично одетые». А каково значение слова *юпка*? Это, несомненно, название одежды, образовано от *юпа* по хорошо освоенной в славянских языках модели отыменного словообразования с суффиксом *-к-* со значением уменьшительности: *рука* — *ручка*, *юпа* — *юпка* и т. п. *Юпа* — название иноземной мужской легкой одежды, длиной до колен или выше, надевалась эта одежда на рубашку, то есть это было подобие русского зипуна, нижнего кафтана или польского жупана.

В конце XVI века появляется слово *юпка*, первоначально с обязательным определением *немецкая*. Уменьшительного оттенка в своем значении это новообразование не имело, что сыграло решающую роль в вытеснении им первичного слова *юпа*. В тихвинской таможенной книге 1688 года наблюдается форма *юбка*: «Явил Никита Герасимов... 5 шляп, 2 юбки, 2 шандала». Этот вариант появился, очевидно, под влиянием слов того же словообразовательного типа (*зарубка*, *трубка*), которые произносятся также со звуком *п*.

Фонетико-графический облик лексем *юпа*, *юпка*, их семантика в контекстуальное окружение подтверждают германскую этимологию: сравним польское *jurka* из средневерхненемецкого *jorre*, *jurpe* — «кафтан, куртка», из арабского *jubba* — «безрукавка» (Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.,— Л., 1949).

Приведем несколько примеров из письменных памятников XVI века, рисующих внешний вид этой одежды: «Он с Андрея снял юцу для соболей, чтоб соболям в грязи убытка не было»; «Цесарь лежит на постеле на кровати, а на нем юна сукна бурнотно, теплая да колпак»; «А на короле платно было немецкое: юна короткая бархат чорн»; «...княжих урядных молодцев в золотых ючках человек со сто встречали с восковыми свечами» — отрывок из статейного списка русского посольства во Флоренцию 1659 года, опубликованного в I части «Российской вивлиофики» в 1773 году.

В XVII веке слово сохраняло свой экзотический облик, обозначало одежду иноземцев, а также ритуальное платье участников религиозного представления, называемого «чином пещного действия» или «шествием на осляти». В то время оно не имело общерусского распространения: отмечено в актах Москвы, Великого Новгорода, Тихвина, Холмогор, Великого Устюга, Вологды. Кстати, на Европейском Севере России, где название употреблялось шире благодаря активной торговле с иностранцами, оно было перенесено на одежду северных жителей. Так, в бумагах Холмогорской таможенной избы 1682—1683 годов записано: «...пять юфтей ролдуг оленьих три юпы бельи хребтовые». Сравним: «Юна — летняя, неразрезная, длинная, надеваемая через голову одежда у лопарей» (Подвысоцкий А. Сл. обл. арханг. наречия. СПб., 1885).

В XVIII веке идет противоборство между первоначальным значением «исподний кафтан» и вторичным «женская набедренная одежда, юбка», ср.: *Unterrock, toga unterior* — исподний кафтан, юбка, нижняя одежда, полукафтанье (Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731); «А женскому полу... носить платье и шапки, и кунтыши, а исподния бостроги и юбки, и башмаки немецкие ж» (указ царя 1701 г. — Полное собрание законов Российской империи, т. 4. СПб., 1830). Таким образом, закреплению слова *юбка* и соответствующего женского платья способствовал упомянутый указ Петра I. В ряде русских говоров XIX века сохраняется старое слово *юна* — «безрукавка».

Вопрос о слове *юбка* нельзя считать решенным. Можно допустить и вторичное заимствование этой лексемы в XVIII веке. Дело в том, что *юбка* как «тип женской набедренной одежды» появляется не раньше конца XVII — начала XVIII века, для этого допустимы два пути: модификация южнорусской поневы и заимствование из Западной Европы. В первом случае новую одежду, отличающуюся от поневы (понева, как правило, не сшивалась полностью и имела определенный цвет или сочетание цветов), стали называть словом *юбка*, которое в значении «тип мужского кафтана» не выдерживало конкуренции с широко употребительными *кафтан, зипун, жупан*, а со второй половины XVII века — *курта*,

куртка. Так слово *юбка* утратило связь с первоначально обозначаемым предметом. В случае западноевропейского влияния название могло прийти вместе с заимствованной вещью.

Была выдвинута версия о появлении юбки в XVI—XVII веках на сравнительно ограниченной западнорусской территории (Смоленщина и прилегающие к ней районы) благодаря связи местного населения с белорусами и украинцами (Лебедева Н. И., Маслова Г. С.). Но, по данным письменных источников, в гардеробе русских в XVI веке не было одежды типа юбки, нет определенных сведений о ней и в XVII веке. Что касается западнорусской территории, то в смоленских актах слово *юбка* фиксируется лишь в XVIII веке.

Учитывая наличие в XIX—XX веках четырех несоседних зон распространения комплекса «рубаша и юбка» (запад, южнорусские области, юго-восток, северо-восток), трудно допустить возможность перенесения одежды из западных губерний в остальные три зоны за счет перемещения населения. Гораздо реальнее возможность появления юбки во всех этих зонах независимо друг от друга в результате непосредственных контактов с иностранцами. Здесь уместно вспомнить слова Д. К. Зеленина: «Распространение мод (добавим, особенно женских.— Г. С.) никогда не считалось с границами разных государств, народов и племен, резко и быстро перешагивая эти границы. Большую роль тут играла международная торговля, так как новые вещи привозились главным образом иностранцами купцами» (Общие элементы в древних финских и русских костюмах).

История названий в свою очередь тесно связана с историей предметов.

Г. В. СУДАКОВ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о происхождении названия поделочного камня *чароит*».

Е. В. Шелудякова, Москва

Чароит — один из популярнейших поделочных камней. Он открыт совсем недавно: в начале 70-х годов нашего столетия. Камень назван по реке Чаре, на западе Алдана, где были найдены его месторождения.

Русский Север. Поморье... Отсюда, из века в век, из поколения в поколение, выходцы из Холмогор и Великого Устюга, Сумского посада и Онеги вели свои лодьи и шняки в Беломорское Горло, чтобы выйти затем на простор «Студенца», Ледовитого океана. «Много чудных рассказов и преданий о невероятных опасностях, безвестном самоотвержении, великих и безвестных подвигах, много случаев чудного спасения и страшной гибели ходит в этом краю, передается от деда к внуку, и эти рассказы, чаще трагические, чем отрадные, питают и поддерживают врожденную отважность поморцев», — писал в романе «Три страны света» Н. А. Некрасов.

Сначала — древние летописи, «скаска» служивых и промышленных людей, а позднее записки русских и иностранных путешественников, дипломатическая переписка, документы губернских и воеводских канцелярий и таможенные книги послужили первоисточниками, из которых историческая география и история мореплавания черпали представления о маршрутах плаваний северных мореходов, морской культуре и географическом кругозоре жителей Поморья.

Издавна поморским кормщикам были знакомы пути на запад — в *Дацкую сторону* — из устья Двины к Нордкапу и далее — вдоль берегов Скандинавского полуострова. Их обратный путь носил в рукописях того времени название — *в Русь*.

Уже источники XV—XVI столетий не только упоминают маршруты плаваний из Поморья, но и содержат описания наиболее важных и примечательных географических объектов на этих путях.

В 1496 году в Европу направилось русское посольство во главе с дьяком Григорием Истомой [Шаскольский И. П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие

Григория Истома). — В кн.: «Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках». М.—Л., 1965]. Дошедшее до наших дней описание плавания послов дает один из первых примеров знакомства русских путешественников того времени с географией побережья Мурмана. Выйдя из Горла Белого моря, кормщики повели лодьи с посольством к мысу Святой Нос. Святой нос — это «огромная скала, выдающаяся в море надобие носа»; под ней видна водоворотная пещера, «которая каждые шесть часов поглощает море и попеременно с большим шумом возвращает эту пучину, извергая ее обратно» — читаем мы в описании путешествия. Далее упоминается скала Семь, то есть Семь островов, прибрежный архипелаг, лежащий напротив устья реки Харловки, где во время шторма старший из кормщиков принес жертву, чтобы усмирить стихию.

Тем же путем в конце XV — начале XVI века ходили из Белого моря в Данию Василий и Дмитрий Герасимовы. Путь их каравана лежал на Запад, вдоль северного берега Кольского полуострова, через Мотовской Залив, туда, где от Мурманского берега выступают далеко на север полуострова Средний и Рыбачий. Стремясь избежать плавания вокруг них, кормчие направили лодьи в залив между полуостровами, в показанную на современных картах бухту Озерко. По узкому перешейку, соединяющему оба полуострова, путешественники волоком «с великим трудом на плечах перетаскивали свои суда и груз через перешеек шириною в полмили» и оказались в другом морском заливе — Большой Волоковой губе. По-видимому, этим волоком поморы пользовались часто. Далее посольство направилось в норвежскую крепость Вардегуз (Вардэ), а затем в Берген.

С начала XVII столетия стал известен и путь из Двинской земли к берегам Сибири. «Промышленный человек» Левка Шубин описал ход из Холмогор в Мангазею, куда он с «торговыми людьми» впервые отправился в 1601 году. «И шли от Колмогор Двиною вниз до урочища, до Березовского устья день, а от Березовского устья большим морем — окияном подле берег и через губу особным ветром с западу на восток по левой стороне берегу, влево в море, а вправо земля». В обход Канина дошли до устья Печоры и, перезимовав у Пустозерска, двинулись дальше. «А вышел на устье Печоры реки и пошли в Монгазею большим же морем окияном на урочище на Югорский Шар, и бежали парусом до Угорского Шару два дня и две ночи, а шли напрямую большим морем, переимаясь через губы морские, а на губах местами глубоко, а в иных местах мелко в сажень, а инде и меньши, а в иных местах и суды ставают» (то есть садятся на мель).

Когда в 1940 году у побережья Таймыра, на острове Фаддея и на берегу залива Симса были найдены остатки зимовавшей здесь

не позднее первой четверти XVII столетия русской торгово-промышленой экспедиции, в числе других находок были изучены ножи, на рукояти одного из которых сохранилась владельческая надпись: «Акакий Мурманец». Имя владельца второго ножа разобрать не удалось, но слово *мурманец* было и на нем. Таким образом, уже в то далекое время выходцы с Мурмана обогнули морским путем северную оконечность Азии — мыс Челюскин.

С давних пор в условиях высокой (сравнительно с другими губерниями) грамотности населения, в Поморье стали создаваться собственные краеведческие и историко-географические сочинения. Известно, например, что в 1568 году, когда голландец Симон ван Саллинген оказался в Кандалакше, он встретил там Федора Жеденева, слывшего «за русского философа, так как он написал историю Карелии и Лапландии...»

Глубокий интерес к поморской культуре, к географии и истории Поморья проявился во второй половине XVIII столетия. В это время в среде наиболее просвещенных граждан столицы Русского Севера — Архангельска возникло «Общество для исторических исследований». Виднейшим деятелем этого общества был В. В. Крестинин, впоследствии достаточно известный русский историк. В числе наиболее значительных сочинений Крестинина — «Географические известия о Новой Земле полуночного края» (1778 год). Этот труд написан, в большей части на основании рассказов мезенских кормщиков Ивана Шухובה, Алексея Откупщикова и Федота Рахманина, не раз отправлявшихся на промысел морского зверя на Новую Землю. О последнем из кормщиков автор «Географических известий» сообщал, что тот «отличается еще от прочих кормщиков знанием своим читать и писать; он любопытен и имеет неограниченную склонность к мореплаванию и охоту к обысканию неизвестных земель».

Объем географических сведений, сообщенных мезенцами, оказался так велик, что позволил Крестинину выделить в своем сочинении такие разделы, как «Местоположение, пространство и разделение Новой Земли», «Губы, проливы, реки и озера», «Горы и мысы», «Поверхность», «Воздушные перемены», «Расстояния», «Малые острова, прилегающие к Новой Земле» и т. д. По существу, рубрикация книги Крестинина очень близка к лоцманскому описанию. Книгу можно считать первой печатной лоцией Новой Земли.

О существовании в Поморье народных рукописных наставлений по мореходству стало известно в середине прошлого столетия. О них упомянул занимавшийся съемками побережий Баренцева и Белого морей русский военный гидрограф М. Ф. Рейнеке. Во время своих плаваний он пользовался помощью поморских кормщиков. По его словам, «наизусть помнят они румб и расстояния между приметны-

ми местами. Многие имеют рукописные лоции и карты, самими ими или опытнейшими кормщиками составленные из памяти».

Начало знакомства с текстами, созданных некогда в Поморье руководств по мореплаванию,— 1866 год. Тогда в Кеми и Сороке (ныне город Беломорск) почти одновременно были обнаружены, а затем опубликованы в журнале «Морской сборник» сразу две рукописи такого рода: «Расписание мореходства или лоция беломорских поморцев» и «Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей по Мурманскому берегу и данному владению в подробном описании становищ и расстояний». Спустя десять лет на страницах журнала «Яхта» (1876, №№ 10—14) была напечатана и «Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом по Терскому Берегу и Российской Лапландии». В 1909 году в «Записках по гидрографии» была опубликована «Мореходная книга, или лоция беломорских поморов», составленная в Сумском посаде. Вошедший в нее текст был переписан в 1878 году «со старинной очень ветхой тетради, писанной славянскими буквами неизвестно кем и когда». На титульном листе рукописи была сделана дарственная надпись А. М. Падорину, будущему капитану парохода «Мурман», выполнявшего регулярные рейсы от Архангельска до Варда: «Хотя эта тетрадь и не по ученому писана, но плавать по ней можно и она тебе пригодится».

Существенно отметить, что рукописи всех этих опубликованных и уже вошедших в научный оборот поморских лоций не дошли до нас. А как важно было бы иметь оригиналы этих документов истории русского мореплавания в наших древлехранилищах и архивах, чтобы иметь возможность еще и еще раз обратиться к подлинным, а не переписанным страницам текстов!

В чем же дело? Почему лишь в самых редких случаях ветхие тетрадки «росписаний мореходства», как была названа безымянным автором одна из лоций, становились достоянием исследователей? По-видимому, определенную роль в этом сыграли пережитки церковного раскола, в ходе которого в XVIII столетии продолжало формироваться население Русского Поморья. Скрываясь от гонений официальной церкви, многие раскольники находили убежище в лесных глухоманях Поморья, на пустынных тогда побережьях Белого и Баренцева морей, на затерянных в океане островах. Там, в глухих скитах и мало доступных становищах «в тайности», наряду с религиозной староверческой литературой, хранили они и лоции и морские чертежи.

«Море — наше поле» — говорит старая поморская пословица. Ведя тяжелую борьбу за существование и боясь конкуренции, поморы передавали накопленные знания о море только родственни-

кам. Нередко тщательно охраняемые книги и рукописи гибли, но не попадали в руки чужаков. Такова судьба и «Книги мореходной по морским берегам до Норвегии», хранившейся некогда вместе с рукописными и старопечатными книгами в селе Сорока в доме А. Щепетовой. Владелица получила рукопись от деда мужа. Она позволила известному краеведу Ксении Петровне Гемп лишь познакомиться с текстом «Книги», освещавшей морские пути от Тромсё до Мезени, но решительно отказалась дать скопировать текст. Воспроизведенными оказались только заголовок рукописи и краткий текст молитвы на ее титульном листе. А в 1959 году дом Щепетовой сгорел. Погибли в огне все сохранявшиеся ею в течение жизни рукописные и старопечатные книги, а вместе с ними и «Книга мореходная».

О других случаях находок поморских лоций мы знаем из литературы. Но не только подлинники остались в руках владельцев, но и копии, хранившиеся в частных собраниях ученых, не были опубликованы. Так, в 1930 году на Зимнем берегу Белого моря, в селе Койда, географ В. П. Кальянов обнаружил список лоции, который был сделан в XVIII столетии с более раннего, созданного, очевидно, в XVII веке. Рукопись содержала указания о плавании вдоль берегов Белого моря на запад — к Вардэ и на восток — к Новой Земле, а также сведения о течениях, льдах, якорных стоянках и местах, где можно отстояться во время непогоды. К сожалению, сведения о месте хранения этого списка, одного из самых старых, в настоящее время потеряны.

В 1939 году в одном из норвежских географических журналов была опубликована еще одна лоция, полученная профессором Олафом Броком от помора, переселившегося в Норвегию. Последний в 1904 году, еще будучи в России, собственноручно переписал ее текст с древнерусского на современный язык. Однако в публикации Брока опущено описание хода у русских берегов и приведены лишь сведения об условиях плавания вдоль побережья Северной Норвегии.

В 1952 году в упоминавшемся уже селе Койда копию поморской лоции удалось приобрести К. С. Бадигину. В заглавии рукописи значилось: «Сия тетрадь Архангельской округи Мудьюжской волости крестьянина Григория Гаврилова сына Стрелкова, в ней явлены Мурманские становища поморское хождение и сказание о царе и философе о двенадцати снах».

Своеручно и сам подписуюсь

сего 1799 года писано июля, а переплетена 6 ноября по 23 в одну мне было 39 лет Овдеву ж было 9». Со второй страницы рукописи шла деловая часть — «Ходы», затем — «Знание местам и становищам», делившееся, в свою очередь, на объемистые части «знаний»:

«Соловецкое знание», «Святоносское знание» и т. п. Текст этой лодки также не появился в печати, а о местонахождении оригинала сведений нет.

Находку каждой новой рукописи, проливающей свет на историю плавания древних мореходов, в наше время без преувеличения можно назвать подлинной сенсацией, привлекающей общее внимание и к самому документу, и к тому, в чьи руки попал неизвестный до того источник. К сожалению, погоня за такой сенсацией порой толкает предприимчивых искателей легкой славы на фальсификацию реликвий нашей морской истории. Не так давно, в начале 60-х годов, в литературе появились сообщения о существовании неизвестного ранее «замечательного письменного памятника» под названием «Си книги оуоставець акиана моря русьского и воде и ветром. Хожение Иванново Одельковича сына наугородца». Из текста этого «источника» следовало, что еще в первой половине XV века некий Иван Новгородец с целью торговли совершал плавания на обширном пространстве от Ботнического залива Балтийского моря до Печоры, Югорского Шара и Новой Земли, да еще путями, известными его прадедам. Без необходимой критической оценки это сообщение было встречено некоторыми географами, которые стали относить начало поморского полярного мореплавания к XIII веку.

Но где же сами записки Ивана Новгородца? Как будто бы книга его «хождения» была подарена его дочерью Овдоксией Соловецкому монастырю в 60-х годах XV столетия. В наше время место нахождения подлинника неизвестно. Часть рукописи «тщательно, с сохранением каждой отдельной буквы» была скопирована на кальку еще в 1915—1917 годах в Анзерском скиту Соловецкого монастыря литератором Б. В. Шергиным.

И только внимательный текстологический анализ «памятника» позволил крупнейшим специалистам в области истории поморского мореплавания В. В. Мавродину и М. И. Белову прийти к однозначному заключению, что автором «памятника» является... сам Б. В. Шергин. Заключение историков было опубликовано в печати. Разразился скандал.

Стоит ли привлекать внимание читателей к этой постепенно забывающейся истории? Представляется, что сделать это сегодня и своевременно и полезно. Русский Север, Поморье все больше и больше покоряют умы и сердца людей. Понять Поморье, осмыслить Поморье, познать его — значит лучше познать Родину.

Тысячи людей сегодня «заболевают Севером», отправляясь в лесные чащи или к потемневшим от времени деревянным строениям древних поселений, к каменным стенам монастырей. Каждый из них открывает Север для себя, иной хочет поделиться своим от-

крытием и берется за перо. Написанное о Севере охотно печатают. Напечатанное о Севере охотно покупают и читают. И зачастую новоявленные «знатоки» Севера, нередко далекие от подлинного знания источников и знания его истории в целом, создают дилетантские пересказы подлинного, глубокого, выношенного.

Давно знакомые специалистам материалы выдаются чуть ли не за открытия, а переписки давно известного подаются под рубрикой откровений и находок...

Теперь о нескольких подлинниках документов истории поморского мореплавания, находящихся в государственных хранилищах нашей страны. В их числе — «Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищом» (языку этого памятника посвящена статья О. Д. Кузнецовой «Изу рукописной лоции О. А. Двинина — Русская речь, 1983, № 5»). В беломорском селе Кузомень, что на юге Кольского полуострова, этот неизвестный исследователям вариант лоции был обнаружен К. П. Гемп в доме помора О. А. Двинина. Список достался владельцу от его деда — уроженца Сумского посада. В 1934 году О. А. Двинин передал драгоценную тетрадь в Архангельский областной краеведческий музей и, спустя более двадцати лет после первой встречи с рукописью, Ксения Петровна получила возможность более детально изучить ее. С перерывами эта работа продолжалась в течение 40 лет. И лишь в 1980 году текст лоции, снабженный комментариями исследовательницы, увидел свет в издательстве «Наука»: К. П. Гемп. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Тогда, в ходе подготовки лоции к печати, мне и посчастливилось взять в руки драгоценную рукопись: 24 потерянных по краям листа плотной, без водяных знаков бумаги, исписанных полууставом. Тетрадь была в гладком переплете из темно-коричневой кожи.

— Когда я впервые видела лоцию у Двинина, она имела еще заглавный лист, на котором было ее название, рисунок креста и короткая молитва,— вспоминала Ксения Петровна.

«Книга мореходная» содержит описание основных маршрутов, «ходов», по которым осуществлялись плавания из Сумского посада. Они следующие: «Ход из Сумы в Архангельск», «Ход из Архангельска до Нордвегии», «Терский берег», «Ход по Норвежскому берегу», «Обратно из Норвегии», «Из Архангельска в Поморье», «Ход от Орлова в Онегу» и «Из Архангельска в Мезень». И далее — «Подробны описания курсов»: характеристики заливов, бухт, якорных стоянок, условий подхода к становищам. При этом наиболее посещаемым гаваням, соответственно, были даны и более полные и детальные описания. Это, главным образом, относилось к Мурманскому бере-

гу: к Семиостровскому рейду, Кольской губе, Кильдинскому проливу, Лумбовскому заливу.

Длительное время лоция Двинина была единственным оригинальным текстом лоцмейстерского искусства мореплавателей Поморья. Только в 1965 году живущая в селе Кушерка Ф. И. Кузнецова передала в дар Государственному Русскому музею лоцию, озаглавленную «Мореходная книга для ходу по Белому морю и Норвежскому берегу». Объем ее — 60 листов. Эта лоция содержит и некоторые сведения о природе побережий, деятельности населения, описания становищ. К основному тексту, написанному полууставом, сделаны более поздние добавления, последнее из которых датировано 2 декабря 1914 года.

Иногда такие адресованные будущим плователям «написанные вернейшим порядком» заметки перерастали в более пространные описания, рассказывающие не только об условиях того или иного конкретного плавания, «хода», но и о пережитом в пути. Такова, например, находящаяся в древлехранилище Пушкинского дома «Книга щетная морская и ходовой журнал крестьянина... Вадаева». Автор «книги» совершил плавание из Кеми через Горло Белого моря и далее — в Северную Норвегию. Уже близ восточной оконечности Кольского полуострова, напротив устья речки Качковки судно попало в шторм. «...И встретил ветер весьма велик, у людей мачты ломало, у нас большой парус разодрало, однако бог пособил дойти (то есть дойти,— В. К.) обратно в Три острова». Не меньшие опасности поджидали кемлян и у норвежских берегов, на пути из Вардэ к Рейнским островам. Здесь «...ветер велик, нечаянно пахнул в паруса с гор высоких, и лодейным бортом через планцырь (то есть планшир — брус вдоль верхней кромки борта,— В. К.) воды почерпнуло, и люки сняло, и треть в лоды воды попало, и в нужды в великой находились, однако бог спас...»

Посещая из года в год гавани Северной Норвегии, поморские кормщики становились исследователями мало изученной части побережья Северной Европы. Многие географические объекты — прибрежные поселения, фиорды, мысы — получили в это время русские названия. Иногда они были созвучны с норвежскими наименованиями этих пунктов. Городок Вадсё именовался в лоциях *Васин*, Вардэ — *Варгаев*, Киберг — *Бирка*. Но встречаются в лоциях и названия, совершенно отличные от норвежских. Так, Салтефиорд значится как *Широкая губа*, Кьельнесс как *Хлебный* и т. д.

Мореходный опыт поморов оставил глубокий след в истории отечественных открытий на Севере страны.

Б. И. КОШЕЧКИН

Рисунок В. Комарова

СЛОВО ВОЛК В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И В „СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Общеславянское слово *волк* (*вълкъ*) было в древнерусском языке общеупотребительно. Широкое географическое распространение и хищнические повадки волка сделали его с глубокой древности одним из заметных образов в фольклоре и литературе европейских и азиатских народов.

Рассмотрим употребление этого слова на фоне замечательного древнерусского памятника «Слово о полку Игореве».

В этом произведении *волк* встречается девять раз, в двух грамматических формах: в форме множ. ч. именит. пад. *вълци* и в форме един. ч. твор. пад. *волком* (*вълкомъ*, *вълкомъ*). Оно употребляется только в прямом значении «дикий зверь, волк», но с разными эмоционально-смысловыми нагрузками. В «Слове» довольно ясно прослеживаются три основные линии, хотя они не изолированы и могут переплетаться между собой.

Отрицательная линия. Она исходит из негативных качеств волка: «Игорь къ Дону вои ведеть! Уже бо беды его пасеть птицъ по дубию, вълци грозу въсрожать по яругамъ...» (волки являются

здесь предвестниками поражения Игорева войска); «Гзакъ бежитъ серымъ вълкомъ, Кончакъ ему следъ править къ Дону Великому» — с волком сравнивается половецкий хан Гзак — враг Игоря.

Отрицательная эмоционально-образная линия в древнерусской религиозной и светской литературе очень широка. В религиозной *волок* назывался дьявол, язычник, еретик: «Злыми вълкъ — дьяволь» (Поучение Серапиона Владимирского); «Святѣи же Еразмъ тихо отвеща ему [цесарю — язычнику]: вълче и хыщъниче» (Мучение святого Еразма); «Сии Арии [основатель одной из ересей]... — вълкъ овчею покровень кожею» (Слова Кирилла Туровского). В светских произведениях с волками сравниваются враги Руси. Например, половцы: «...и ехачом сквозе полкы половецьские... И облизахутъ на нас акы волци стояще...» (Поучение Владимира Мономаха); татары: «серие волци... воють... То ти были не серие волци, придоша поганые татарове, хотяъ проити воюючи, взяти всю землю русскую» (Задонщина); «И отскочи Мамаи серымъ волком от своея дружины и притече к Кафы граду» (там же); «Приде Едигеи [правитель Золотой Орды] к Москве со всею силою татарскою... и разсыпашася по всеи земли, акы злии волцы...» (Вологодско-Пермская летопись, под 1408 г.). Описания злобы и беспощадности волка приводятся в литературных произведениях и для создания образа грозного господина, князя по отношению к своим подданным: «Но не възри на мя, господине, акы вълкъ на ягня...» (Слово Даниила Заточника) [Ср. современное выражение *смотрит (глядит) волком*, то есть «очень злобно»].

Негативное восприятие волка было свойственно не только всем славянам, но и многим другим народам. Поэтому сравнение с волком встречается и в переводных произведениях Древней Руси. Например: «И убивше 7000 земець [т. е. крестьян, сельских жителей, — В. В.], възвратишася, яко волци выюще радощами [от радости, радостно], зане мужство свое показаша окаянии» (Повесть о полонении Иерусалима Иосифа Флавия).

В фольклоре эта линия тоже сильна, но более проста. Для народа волк прежде всего опасен как хищник, уничтожающий домашний скот и наносящий ущерб хозяйству, способный напасть на человека, особенно в сельской местности в зимнее время. Это хитрый, умный, сильный и беспощадный противник, особенно опасный тогда, когда волки нападают стаей. Страх перед волками прослеживается в первую очередь в народных заговорах и заклинаниях. Например: «Обдержи [бог] свою милосердою десницею от всякого лютаго... зверя... от волка и от медведя» (Сборник заговоров XVII в.). Ср. также: «Единешенька сама бы приотправилась, На свою да на родиму я сторонушку, Во темных лесах звирев [так!] я не боялась бы, В темной роще волков серых не страшилась бы»

(Барсов Е. В. Причитания Северного края). В сказках волк представляется в большинстве случаев злым зверем и даже людоедом, которого, однако, по законам народного эпоса, побеждают силы добра.

Одной из характерных черт волка является кровожадность, алчность. Если волк нападает на стадо овец, то он может зарезать их множество, хотя для насыщения ему достаточно и одной овцы. Это нашло отражение в летописном сказании под 945 годом. В нем рассказывается о князе Игоре Рюриковиче, который, собрав дань с древлян и не удовлетворившись ею, опять возвратился к ним за новой данью: «Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить [повадится] волкъ в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его [Игоря Рюриковича], то вся ны [нас] погубить» (Повесть временных лет).

*

Другая эмоционально-образная линия волка в древнерусской литературе и в устном народном творчестве — *положительная* — идет, по-видимому, из глубокой древности. Археологи связывают ее с приручением волка в конце палеолита, с появлением собаки. К положительным качествам волка, издавна подмеченным народами, относится быстрота передвижения. Немецкий зоолог прошлого века А. Э. Брэм в своем капитальном труде «Жизнь животных» сообщает, что за одну ночь волк может пробежать до 70 км пути. Причем, как правило, он бежит не по прямой, а *рыскает*, то есть обегает довольно большие пространства. В «Слове о полку Игореве» положительная линия волка вырисовывается не менее четко, чем отрицательная. Это прежде всего сравнение с волком поэта-певца XI века Бояна: «Боянъ бо вещии, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеся мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». В этом сравнении «растекания» творческой фантазии Бояна имеется в виду не только быстрота бега волка, но и пространственная широта его передвижений по земле (по полям), на что указывает глагол *растекашеся* (то есть разбегаться в разных направлениях; ср. *рыскать*).

Другие сравнения с волком в «Слове» связаны со смелостью, решительностью действий этого зверя. С волками сравниваются храбрые воины буй тура Всеволода, брата князя Игоря, активного участника похода на половцев: «А мои ти Куряни сведоми къмети... сами скачють, акы серьи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе». В этом сравнении подчеркивается стремление к победе над половцами. Ср. в «Александрии», переводном памятнике

времени «Слова», то есть XII века, победители названы *волками*: «Знаете убо вы, яко перси овцы нарекутся, а македоняне волци, пред единымъ же волкомъ много овецъ бегаетъ». Побег Игоря и Овлура (Влура) из половецкого плена тоже выражен в образном сравнении с волком: «А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ трѣстию, и белымъ гоголемъ на воду; въврѣжесе на брѣзь комонь пскочи съ него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полети соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня». Из этих сравнений видно, насколько хорошо автор «Слова о полку Игореве» знал природу, в частности, повадки волка. Волк — хитрый, смелый, но и осторожный зверь. Летом и в начале осени волки держатся в чаще вблизи воды. Поэтому, когда князь Игорь во время бегства охотился «соколом», чтобы добыть пищу, Овлур «волком» охранял его в чаще пойменного леса или в густых прибрежных зарослях (в древнерусском языке слово *лугъ* обозначало также и «лес»).

*

Однако положительная эмоционально-образная линия волка, ярко представленная в «Слове», довольно редко встречается в древнерусской литературе и фольклоре. Например, в житиях святых иногда дикие звери сами приходят к святым подвижникам (блаженным) под их благословение, чтобы исполниться божьей благодати. Так, например, в «Житии преподобного отца нашего Федора...» рассказывается, что к дверям пещеры, где жил, совершая свой мученический подвиг (самоистязание), блаженный Федор, пришел волк: «Волкъ ж пакы пришед пред пещерныа двери...». Слуга, увидев волка, испугался. Но блаженный успокоил слугу и велел вынести волку еду. И действительно, волк ведет себя мирно: он съедает брошенные ему яблоко и хлеб и уходит. Здесь укрощение волка происходит под воздействием святого. Этот мотив использовался церковниками в религиозных целях. Вообще же в древнерусской литературе положительное восприятие волка подавляется отрицательным.

В фольклоре положительный образ волка заменяется собакой. Даже в тех сравнительно немногих русских народных сказках, где волк показан с хорошей стороны, он все же остается волком. Например, в известной сказке «Иван-царевич и серый волк» волк начинает служить Ивану-царевичу только после того, как убил его коня, то есть из чувства своей вины перед ним. В конце сказки

волк растерзал братьев Ивана-царевича за то, что они его убили. Очевидно, слово *волк* заключало в себе прежде всего отрицательную эмоциональную нагрузку.

Интересно заметить, что мотивы, связанные с добрым волком, все же отразились в литературе и искусстве XIX века. Вспомним, например, А. С. Пушкина: «...В темнице там царевна тужит, А бурый волк ей верно служит...» (Руслан и Людмила), или картину В. М. Васнецова «Иван Царевич на Сером Волке», написанную в 1889 году по мотивам названной сказки. Может быть, положительная характеристика волка и у А. С. Пушкина, и у В. М. Васнецова зародилась не только под влиянием народных сказок, но и «Слова о полку Игореве». Ведь недаром немного дальше в той же поэме «Руслан и Людмила» читаем: «...Но вдруг раздался глас приятный И звонких гуслей беглый звук; Все смолкли, слушают Баяна...». В. М. Васнецов же еще в 1880 году создал картину на тему «Слова» — «После побоища Игоря Святославича с половцами».

*

И наконец, в «Слове о полку Игореве» отмечается еще третья образная линия слова *волк* — линия оборотничества, связанная с язычеством. Веру в оборотничество ученые связывают с древнейшими верованиями в то, что человек не умирает совсем, а после смерти начинает новую жизнь, перевоплощаясь в зверя или птицу. Археологические данные подтверждают существование этих верований скорченной позой человеческих скелетов во многих древнейших языческих захоронениях. Умершему человеку придавалось положение, в котором он находился в утробе матери, чтобы подготовить его, облегчить ему переход к новой жизни. На надгробиях изображались разные звери и птицы.

Русский историк XVIII века В. Н. Татищев в «Разговоре о пользе наук и училищ» указывает: «Пифагор... учит, что души умерших людей переходят в зверей,.. подобных жизни одного человека, яко людей злостных в волка, лукавых в лисицу, робкого в зайца». Древнегреческий историк Геродот (V в. до н. э.) в своей «Истории» сообщает о праславянском племени, жившем в верховьях современного Днепра и Припяти: «у невов обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик».

Колдуном, умеющим превращаться в волка, является и князь Всеслав в «Слове о полку Игореве»: «На седьмомъ веце Трояни врьже Всеславъ жребии о девицу себе любу. Тъи клюками под-

прѣся о кони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града, обесися сине мъгле, утръже вазни с три кусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизе споны стелютъ головами, молотятъ чени харалужными, на тоце животь кладуть, веють душу отъ тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеслав князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотъске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыеве звонъ слыша. Аще и вещь душа въ дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещь Боянъ и пръвое припевку, смысленны, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божиа не минути!“»

Волшебство Всеслава отмечается летописными фактами его биографии. Всеслав родился от волхования. От рождения у него было «язвено на главе», и поэтому он был «немилостив на кровопролитие». Жизнь Всеслава была очень бурной. Он был действительно скор на кровопролитие, захватывал города (Псков, Новгород и т. д.), сидел в «порубе» (тюрьме), 7 месяцев княжил в Кыеве, использовал в своих интересах восстания смердов, примкнул к языческой реакции, не раз спасался бегством (из Кыева, из Белгорода, после поражения в битве на Немиге и т. д.). Современники Всеслава и позже автор «Слова о полку Игореве» не сомневались в том, что Всеслав был оборотнем, умевшим превращаться в волка. Во время его правления в 1092 году в Полоцке было чудо: «бываше в ноци тутънь [топот], стаяше по улици, яко человеци рищюще беси» (Повесть временных лет).

Автор «Слова» верно передает основные вехи биографии князя Всеслава, и при этом рисует образ Всеслава-оборотня, волка. Во-первых, Всеслав действует хитростью («клюками подирься...»), волк — хитрый зверь, своей хитростью он превосходит даже лису. Во-вторых, с помощью однократных глаголов движения в этом фрагменте достигнута максимальная динамика, подчеркивающая стремительную смену событий и действий и вместе с тем быстроту и пространственную широту передвижений Всеслава-волка (см., на пример, глаголы: *скочи, рыскаше, дорискаше, прерыскаше*; в устном народном творчестве волки называются *рыскучими*). Далее Всеслав действует ночью: «Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града, обесися сине мъгле...»; или на утренней заре: «а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ [до пенья петухов] Тмутороканя; великому Хръсови [богъ Солнца] влъкомъ путь прерыскаше». Волки чаще уходят на добычу

в ночь и возвращаются на утренней заре. Далее: слова «Тому въ Полотьске... а онъ въ Кыеве звонъ слыша» указывают не только на быстроту бега Всеслава, но и на его тонкий слух, который он, как волк, обязан был иметь (ведь волки не только чутко слышат все окружающее, но и «переговариваются» воем со своими сородичами на больших расстояниях). И наконец, автор заключает, что хотя и был Всеслав колдун-оборотень, однако часто терпел неудачи.

Таким образом, весь этот рассказ о князе-оборотне Всеславе построен на отличном знании природы волков. Эмоций своих по отношению к Всеславу автор «Слова» прямо не выражает. Однако в народе колдуны-волкодлаки слыли злыми существами, способными загрызть жертву [южнославянские поверья, например, прямо связывают волкодлаков с упырями (вампирами)]. И все-таки в конце фрагмента автор «Слова» выражает сожаление, что, несмотря на волшебство, князь Всеслав своими действиями (мятущийся, неприкаянный князь-волк) причинял зло и себе и другим и поэтому, по словам автора «Слова», не ушел от положенной кары.

*

Отголоски преданий о Всеславе донес до нас фольклор. Например, в былине о Волхе Всеславьевиче читаем: «Дружина спит, так Вольх не спит: Он обернется серым волком, Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью, А бьет он звери сохатыя, А и волку, медведю спуску нет...» (Сборник Кирши Данилова). Эмоциональная нагрузка здесь уже иная. Герой былины оборачивается волком, чтобы охотиться, кормить свою дружину, то есть для доброго дела.

В связи с этим не мешает вспомнить образ оборотничества из одной повести XVII века, написанной по фольклорным мотивам: «Молодець пошелъ в поле серым волкомъ, а Горе за нимъ з борзыми выжлецы [выжлец — гончий пес]» (Повесть о Горе-Злочастии). Здесь герой вынужден превратиться в быстрого волка, чтобы убежать от преследований Гора-Злочастия. Вообще в фольклоре линия оборотничества шире: человек не только сам превращается в волка, но случается наоборот — злые силы превращают человека в волка. Так, например, в былинах Добрыню волшебница превращает в волка. В прошлом столетии в Самарском крае была записана сказка «Оборотень»: «Зятя теца больно не любила: приехал тот с женой к ним на праз/д/ник, она его волком и оборотила. Оборотила волком и пустила в чисто поле» (Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края). Суеверие в существование оборотней, то есть людей, обращенных в волков, сохранялось в России еще в XIX веке. Оно поддерживалось тем, что волк своими умными и хитрыми действиями порой напоминает человека.

В приведенном выше фрагменте о Всеславе из «Слова о полку Игореве» употребляется также эвфемистическое (то есть смягченное) название волка — *лютый зверь*: Всеслав «скачи отъ нихъ [киевлян] лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града...». Возможно, автор «Слова» этим выражением стремился еще более подчеркнуть быстроту бега князя Всеслава (в ряде русских народных говоров слово *лютый* до сих пор означает «скорый, быстрый»; *люто* — «быстро»). Впрочем, некоторые комментаторы «Слова о полку Игореве» склонны видеть здесь не «волка», а «рысь» или «барса». Выражение *лютый зверь* имело в древнерусском языке не одно значение. Во-первых, оно употреблялось в общем смысле «свирепый и хищный дикий зверь», во-вторых, что особенно интересно, в качестве эвфемистического фразеологизма оно могло обозначать не только волка, но и льва, рысь, барса, крокодила, медведя... Переводные памятники, описывающие Грецию, страны Ближнего и Среднего Востока, естественно, *лютым зверем* называют прежде всего льва — царя зверей.

Слово *волк* употреблялось в древней Руси еще в переносном смысле — «злой человек». Это значение вытекало из естественных (физиологических) особенностей волка. В бытовой речи название злого человека *волк* становилось прозвищем: «И язъ, государь, промысла с твоимъ приставомъ Волкомъ» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, 1512 г.).

Рассматриваемое слово имело еще одно значение. В разговорном языке *волком* называли не живого волка, а его шкуру или тулуп волчий: «И взялъ потаемене коробку, въ которой было... лисицъ три, волкъ одинъ» (Посольство 1570 г.— Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством).

В. Л. БИНОГРАДОВА

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает название жемчуга *бароке*?»

Н. Н. Улыбышева, Челябинск

Жемчуг бароке — это жемчужина неправильной формы. Произошло это название от французского слова *baroque* — неправильный, причудливый. Такой жемчуг имеет и другие названия: *жемчуг барокко* и *парагона*.

«Питая грусть в душе своей...»

Весь смысл вынесенного в заглавие статьи выражения можно передать одним словом — *грусть*. Однако К. Ф. Рылееву, автору исторической поэмы «Наливайко», понадобился именно этот оборот речи, выражающий душевное состояние его героя. Да и мы иногда прибегаем к словосочетаниям с глаголом *питать*, говорим *питать любовь, надежду* и т. д.

Такие книжные обороты появились в русском языке не ранее XVIII века. Глагол *питать* выступал в них в значении «поддерживать, укреплять то или иное чувство». В языке произведений художественной литературы того времени он нередко сочетался с существительными и предлогами, которые выступали как обстоятельства места. Для «молодости» этого оборота типичным было указание на то, где, в каком месте находилось испытываемое (*питаемое*) чувство. Например: «Роза *питала в томной груди* своей приятное любви пламя» (Львов. Роза и Любим).

Близки к примерам такого рода и обороты, составленные из *питать* и слов-обстоятельств, которые указывают на образ действия. Они тоже подчеркивают самостоятельность этого глагола, его полноточность. Например: «...И гнева молнию *в молчании питал*» (Княжнин. Вадим Новгородский); «...И жалостно взглянув на отдаленно зданье, Где *суетно питал* он страстно ожиданье...» (Сумароков. Синав и Трувор) и т. д. Сравните еще конструкции с дополнениями и определениями, тоже подчеркивающими его смысловую самостоятельность: «Любви к отечеству мне *ничем здесь питать!*» (Херасков. Россияда); «Лишенный всей надежды, вместо того, чтобы искать рассеяния, он любил *питать* свою *грусть*...» (Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор, 1804 г.).

На основе подобных оборотов речи с течением времени сложились современные выражения типа *питать надежду*. Это было связано в первую очередь с утратой тех слов-спутников, которые как-то характеризовали глагол *питать* (с точки зрения места, признака действия и т. д.). Связь с дополнением (существительными, обо-

значающими чувство, душевное состояние) у глагола *питать* стала единственной. Сказалось и «обесцветивание» указанного выше переносного значения в глаголе *питать*. Он «втянулся» в смысловую орбиту слов, выступающих в роли дополнений. Теперь уже значение глагола стало определяться значениями управляемых им существительных. В результате этого *питать* превращается в один из глаголов чувства. Иными словами: *питать* «укреплять, поддерживать» изменяется в *питать* «чувствовать, испытывать». В этом существенная разница между архаичными конструкциями типа *питать любовь в душе* и современными *питать любовь* и т. д. В первых глагол *питать* — полнозначный и самостоятельный, во вторых — он лишь средство выражения действия: не «укреплять» или «поддерживать», а «переживать, испытывать» чувство, обозначенное существительным, которое перестает осознаваться как прямое дополнение. Два члена предложения — сказуемое и некогда самостоятельное дополнение — преобразуются в одно сказуемое, выраженное словосочетанием.

Обе конструкции — полная и сокращенная — в русском языке еще долго употреблялись как равноправные. Нередко их находим в произведениях одного и того же автора. Например, Е. Баратынский писал не только *питать у сердца надежду* [«...Когда бы втайне не питала Еще у сердца моего Одной надежды!» (Цыганка)], но и *питать надежду* [«Не питая никакой надежды, Дубровин решился однако ж испытать все способы к спасению» (Перстень)].

При помощи глаголов *питати* и *кормити* (первый из них — книжный, а второй был широко распространен в народной речи) в языке памятников древнерусской и старорусской письменности нередко выражалось значение «укреплять себя, свою душу высокими и полезными качествами, надеждой и т. д.» Уже в «Изборнике» Святослава 1076 года мы читаем: «кърмяся надеждами». В одном из азбучников (сборнике слов и нравочений, расположенных в азбучном порядке) XVII века можно найти словосочетания *пища словесная* и *пища духовная*. Имеются и другие свидетельства, что в русском языке еще до XVIII века (когда впервые отмечаются обороты типа *питать надежду*) глаголы *питать* и *кормить* участвовали в образовании различных описательных выражений, характеризующих душевное состояние человека. Древнерусский оборот *кормитися (питатися) надеждою (надеждами)* был синонимичным по отношению к другим оборотам с тем же существительным, но другими глаголами — *надежю имати (имети)* и *надежу держати*. От этих оборотов *кормитися (питатися) надеждою* отличался, видимо, только тем, что был более свойствен книжной речи.

До сих пор неясно, как появились в русском языке XVIII века словосочетания с опорным словом *питать*. Л. А. Булаховский рас-

сма­тривал обо­ро­ты ти­па *пи­тать на­де­жду* как за­им­ст­во­ва­ние из фран­цуз­ско­го язы­ка — гал­ли­цизм (Вве­де­ние в язы­ко­зна­ние. Ч. 2. М., 1953). Они дей­ст­ви­тель­но рас­про­ст­ра­не­ны во фран­цуз­ском язы­ке, где гла­гол *nourrir* «кормить, пи­тать» вхо­дит в со­став обо­ро­тов ти­па *nourrir l'espoir* «пи­тать на­де­жду» и т. д. Та­кие сло­во­со­че­та­ния бы­ли из­вест­ны еще ла­тин­ско­му язы­ку, на­при­мер, *pasco spes inanes* «пи­таю тще­тные на­де­жды» (*pasco* — «кормлю, пи­таю»). Из­вест­ны они и во мно­гих славянских язы­ках, где гла­го­лы с пер­вич­ным зна­че­нием «кормить, пи­тать», как и в рус­ском, не­ред­ко упо­тре­бля­лись в про­шлом со «сви­той» по­яс­ни­тель­ных слов. Срав­ните болгарские *храня чувство* «пи­таю чув­ство» (*храня* — «кормить, пи­тать», *храна* — «пи­ща»), *храня надежда* «пи­таю на­де­жду», *храня омраза* «пи­таю не­на­висть» и др. В че­шском язы­ке в роли опорного слова в по­доб­ных сло­во­со­че­та­ниях упо­тре­бля­ется гла­гол *živiti* «кормить, пи­тать»: *živiti naději* «пи­тать на­де­жду», *živiti žar v duši* «пи­тать жар /пыл/ в ду­ше» (с об­сто­ятельством места) и др. В польском язы­ке в этих кон­ст­рук­циях упо­тре­бля­ются гла­го­лы *karmić* и *żywić*: *żywić nadzieją* «по­да­вать на­де­жду» (здесь творительный падеж до­пол­не­ния имеет ана­ло­гию в устаревшем рус­ском выра­же­нии *пи­тать на­де­ждой* ко­го-ли­бо); *żywić obawę, nienawiść, nieufność* «пи­тать боя­знь, не­на­висть, не­до­ве­рие» и т. д. Из восточнославянских язы­ков толь­ко рус­ский ис­поль­зо­вал для по­стро­е­ния ин­те­ресу­ю­щих нас сло­во­со­че­та­ний гла­гол с ис­кон­ным зна­че­нием «кормить». В украинском, на­при­мер, в по­доб­ных обо­ро­тах речи уча­ствует гла­гол *плекати* (ср.: *плекати надію, ненависть* и т. д.), ко­то­рый вне сло­во­со­че­та­ния имеет зна­че­ние «ра­сти­ть, ле­ле­ять» (ср. рус­ское *ле­ле­ять на­де­жду*).

Про­цесс на­ко­пле­ния и рас­про­ст­ра­не­ния в рус­ском язы­ке сло­во­со­че­та­ний со сло­вом *пи­тать*, зна­че­ние ко­то­рого уточ­ня­лось раз­лич­ными на­имено­ва­ния­ми чувств, лишь час­тично, на наш взгляд, мож­но свя­зы­вать с каль­ки­ро­ван­нем со­от­вет­ст­вую­щих обо­ро­тов из фран­цуз­ско­го язы­ка. Та­кая связь мо­гла иметь ме­сто лишь на начальном этапе вхо­жде­ния дан­ной кон­ст­рук­ции в рус­ский язык и ко­сну­лась огра­ни­чен­ного круга сло­во­со­че­та­ний. Как уже было ска­зано, для обо­зна­че­ния раз­лич­ных ду­шев­ных со­сто­я­ний рус­ский язык и ранее ис­поль­зо­вал кон­ст­рук­ции с гла­го­лами *пи­тать* и *кормить* в со­че­та­нии с от­влеченными су­ществительными *душа, на­де­жда* и т. д. Это, ви­димо, об­лег­чило осво­е­ние фран­цуз­ских обо­ро­тов, ко­то­рые, в свою оче­редь, мо­гли сти­му­ли­ро­вать об­ра­зо­ва­ние — уже на рус­ской поч­ве — це­лого ря­да новых сло­во­со­че­та­ний.

Кни­ж­ный гла­гол *пи­тать* за дол­гий пе­ри­од сво­его смы­сло­вого раз­ви­тия в цер­ков­но­славянском и дре­внерусском ли­те­ратурном язы­ке при­об­рел мно­го от­влеченных зна­че­ний и смы­сло­вых от­тен­ков, в то время как хо­ро­шо зна­комый рус­скому язы­ку и ис­кон­ный

В нем глагол *кормить* обладал более конкретным значением «давать пищу» и мало подходил для калькирования глагола во французских оборотах. Данное обстоятельство, видимо, и определило выбор для этой цели глагола *питать*, а не *кормить*.

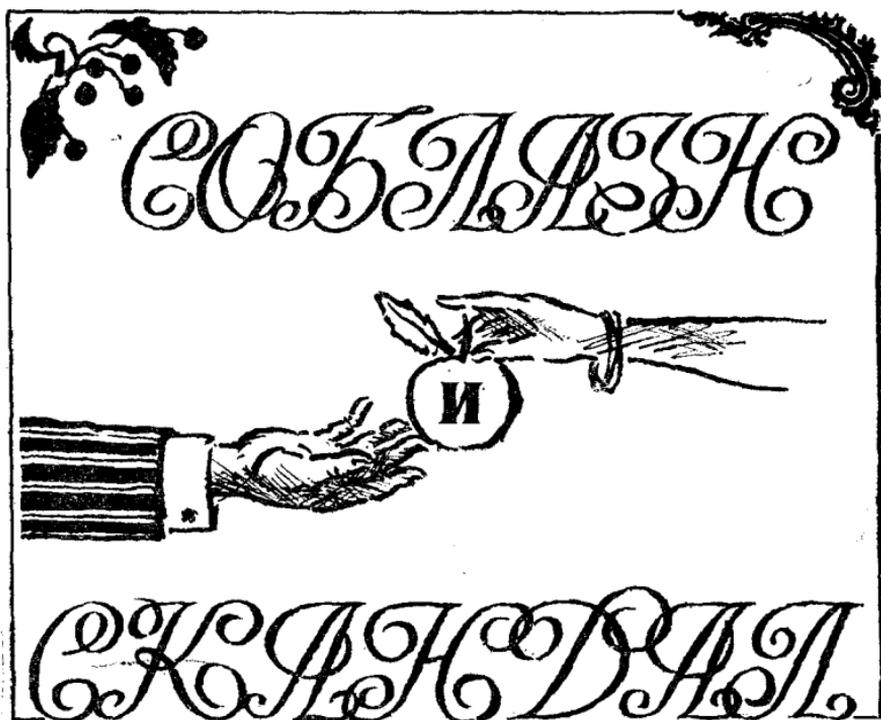
В современном русском литературном языке глагол *питать* в рамках интересующего нас словосочетания способен вступать в смысловые отношения со значительным, хотя еще точно не установленным количеством имен — названий чувств и душевного состояния. В словаре В. М. Дерибаса «Устойчивые глагольно — именные словосочетания русского языка» (М., 1976) приводятся 22 таких слова, однако их гораздо больше. Чаще всего глагол *питать* выступает в сопровождении слов и словосочетаний: *надежду, иллюзии, доверие, недоверие, расположение, слабость, симпатию, антипатию, признательность, ненависть, уважение, восторг (восторги), неприязнь, благодарность, жалость, нежность, недоброжелательность, зависть, вражду, доброе чувство (добрые чувства), иллюзорные надежды* и др. Параллельно со словосочетаниями, приведенными выше, в русском литературном языке употребляется и другой вариант оборота со словом *чувство*: *питать чувство любви, чувство признательности, чувство расположения* и т. д.

Таковы основные вехи развития значения «чувствовать, испытывать» в глаголе *питать*, явившемся составной частью бытующих в современном литературном языке оборотов, которые используются нами как синонимы к отдельным словам: *питать надежду — надеяться, питать любовь — любить, питать доверие — доверять, питать уважение — уважать* и т. д. Однако подобные пары не всегда возможны. Одиночных соотносительных глаголов нет, например, у словосочетаний *питать иллюзии, питать неприязнь, питать нежность, питать расположение* и др.

Рассмотренные словосочетания расширяют синонимические возможности русского языка в области выражения чувств и душевного состояния. Очень важно уметь правильно пользоваться ими в своей речи. Не прибегать, например, к возвышенному *питать любовь* или *питать чувство любви*, когда лучше сказать просто *любить*; отказаться (если нет иронии) от изысканно-манерных *питать благосклонность* или *признательность*; ни в коем случае не связывать с глаголом *питать* слова, которые с ним не сочетаются (*горе, меланхолия, грусть* и др.), или сочетались, но связь эта давно уже утрачена, например, *своеволие, мужество, страдание, встречающиеся* в языке русской литературы первой половины прошлого века.

Л. П. БОРИСОВА

Донецк

А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 27 сентября 1832 года: «...в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн...» В тексте письма, содержащего скрытый намек на сложные отношения поэта с московской профессурой, *соблазн* обозначает «возмущение». Необычное употребление слова, широко известного как синоним слова *искушение*. Может быть, такое употребление слова *соблазн* было присуще только А. С. Пушкину?

*

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к академическим словарям конца XVIII — начала XIX века и специальным исследованиям по лексике русского языка. «Соблазн,— указывается в Словарях Академии Российской 1789—1794 и 1806—1822 годов,— 1) все то, что подает человеку случай или повод впасть в порок или грех; 2) знаменует все то, обо что на пути претыкаются путники». Итак, значение «возмущение» у слова *соблазн* не отмечается.

Но не будем спешить с выводами. В наиболее полном труде о лексике русского языка XIX века, книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы

XIX века» (М.—Л., 1965), есть замечание о том, что «защитники чистоты русского языка» в штыки приняли слово *скандал*, заимствованное из французского языка в значении «возмущение», противопоставляя ему исконное *соблазн*. Очевидно, что ни о каком противопоставлении не могло бы быть и речи, если бы употребленные слова *соблазн* в значении «возмущение», не отмеченном словарями, не было обычным и известным достаточно долго.

Выясняя, как и когда появилось значение «возмущение» у слова *соблазн*, мы обратились к материалам картотеки Древнерусского словаря. Внимание привлекли два примера из разных списков переведенной с древнегреческого языка Псалтири XII века с толкованиями: «...при стези *соблазны* положиша ми...»; «...при стези *скандал* положиша ми...» (на пути создали мне препятствия). Оказывается, слово *соблазн* было связано со словом *скандал* еще в церковнославянском и древнерусском языках: при переводе Псалтири они используются как полные синонимы. Но в каком значении?

В древнегреческом оригинале Псалтири словам *соблазн* и *скандал* соответствует *skandalon*. Это слово, древнееврейское по происхождению, обозначает ловушку, состоящую из сети, наброшенной на деревянный брусок («Этимологический словарь греческого языка» Х. Фриска.— «Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1970»). Однако в тексте Псалтири, где речь идет о врагах людей, мешающих им идти по правильному жизненному пути («стезе»), *skandalon* употреблено в значении «препятствие». Почему появилось это значение? Вероятно, потому, что сама ловушка с искушающей зверя приманкой,— своего рода препятствие.

Второе, переносное значение слова *skandalon* — «искушение» — развилось на основе оттенка, который есть в конкретно-предметном значении «ловушка»: приманка, находящаяся в ловушке, соблазняет, искушает зверя. И это значение древнегреческого слова в переводных церковнославянских и древнерусских текстах XI—XIV веков передавалось словами *соблазн* и *скандал*. Ср.: «Таковых сердце скандала не терпит» («Таких искушений сердце не вынесет». — Псалтирь XII в. с толкованиями); «...стезю *соблазна* положиша ми...» («...заставили меня встать на путь искушения» — Пандекты Никона Черногорца, XIV в.). Однако к XV веку, судя по материалам картотеки Древнерусского словаря, слово *соблазн* вытеснило из употребления слово *скандал* как в значении «искушение», так и в значении «препятствие». Почему это произошло?

Язык борется с избыточностью, стараясь избавиться от тождественных по значению и стилистической окраске синонимов. Если один из синонимов — исконное слово, а другой — заимствованное, то в большинстве случаев выбор делается в пользу исконного

слова. Именно по этой причине в значениях «искушение» и «препятствие» в русском языке XV—XVII веков закрепился славянизм *соблазн*.

Интересно, что в дальнейшем все те значения, которые могли бы развиваться в русском языке у слова *скандал*, появились у вытеснившего его исконного слова *соблазн*. Ход развития его значений был таким же, как у латинского *scandalum*, французского *scandale*, немецкого *Skandal*, английского *scandal* (из греч. *skandalon*): от значения «искушение» к значениям «неприличный поступок», «ссора» и «возмущение». Так, из «Доклада в Сенате I» (1711 г.) узнаем о том, что пополнение числа попов и дьяконов их сыновьями ведет к избытку священного чина и потому «велие бывает несогласие, вражда и *соблазн* (ссора) между священным чином»; «...унять неподобныя... пьянства, драки и *соблазны* (неприличные поступки) есть ли то случится на караблях...»,— предписывается в «Уставе о войсках морских Людовика XIV» (1715 г.). «Конечно таковому выражению,— читаем в «Материалах комиссии по составлению проекта Нового Уложения» (1767 г.),— свойственно было произвесть смех, *соблазн* (возмущение) и негодование, что и совершилось, но маршал остановил чтение на 9 странице, зане (так как) в собрании надлежащее благочиние могло бы совсем быть нарушено».

*

Возникает вопрос: какова связь между значениями «неприличный поступок», «ссора», «возмущение» и значением «искушение»? Вероятно, это связь причинно-следственная, ведь искушение — «преднамеренный обман с целью, чтобы кто-либо совершил неприличный поступок, вызывающий возмущение, ссору».

Славянизм *соблазн* передавал большинство значений древнегреческого *skandalon* и латинского *scandalum* и, казалось бы, должен был навсегда вытеснить из русского языка слово *скандал*. Почему же в начале XIX века в русском языке вновь появилось слово *скандал*, на этот раз заимствованное из французского языка в значениях «неприличный поступок, вызывающий нежелательную огласку» и «возмущение»? Дело в том, что в языке существует тенденция к устранению многозначности исконного слова, необходимость разграничить его значения, прикрепив их к разным словам. Вследствие такой необходимости и было заимствовано вторично слово *скандал*, синонимичное исконному *соблазн* в значениях «возмущение» и «неприличный поступок». Перераспределение же значений произошло не сразу. В значении «возмущение» слово *скандал* почти полвека конкурировало со словом *соблазн*, причем до 40-х годов XIX столетия в этом значении чаще употреблялось последнее.

Например, в одном из писем Н. Полевого читаем: «Несчастливая ссора Тасса с одним из придворных, по имени Маддало, произвела было общий *соблазн*» (то есть «возмущение»).

Лишь ко второй половине XIX века значение «возмущение», как и значение «неприличный поступок, вызывающий нежелательную огласку», окончательно закрепилось за словом *скандал*, поскольку от него были образованы производные: прилагательные *скандалный*, *скандалезный*, глаголы *скандализовать*, *скандализовать*, *скандалить*, существительные *скандалец*, *скандалик*, *скандалище*, *скандалист*. В разговорной речи у слова *скандал* появилось значение «ссора», как бы уточнявшее характер неприличного поступка, ср.: «Ну что толку, если вы Завалишина изругаете? Вы его, он вас — и выйдет *шкандал*» (Куприн. Корь).

Развитие семантики слова *скандал* и появление у него собственного словообразовательного гнезда свидетельствовали об окончательном закреплении этого слова в русском языке.

Славянизм *соблазн*, у которого не было производных, связанных со значениями «неприличный поступок», «ссора» и «возмущение», передал эти значения своему иноязычному прототипу. Устарев в значении «препятствие», он сохранил значение «искушение», в котором был более употребителен.

*

Так Словари Академии Российской довольно точно предсказали судьбу слова *соблазн*, не включив в его толкование значений, в которых это слово совпадало со словом *скандал*.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает выражение *не мытьем, так катаньем*?»

С. П. Кутасов, Уфа

Фразеологизм *не мытьем, так катаньем* означает: добиваться чего-либо, досаждать кому-либо, донимать кого-либо не одним, так другим способом, любыми средствами.

Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова (1967) толкует выражение *разводить бодягу* как «заниматься пустяками; балагурить, шутить». Однако в московском просторечии в последние 20—30 лет этот фразеологизм приобрел значение «канителиться, занудничать, вести длинные докучливые разговоры или переписку». Это изменение значения нашло частичное отражение в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1972), где у слова *бодяга* наряду с традиционным значением «пустые шутки, болтовня» отмечается также значение «канитель».

*

Что же такое *бодяга*? Этимологические словари А. Преображенского, М. Фасмера и Н. М. Шанского не рассматривают этого слова, но мы находим его в Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева (вып. 2, 1975), где оно объясняется как суффиксальное производное от глагола *bosti (современное диалектное *бости* «бодать; колоть»), однако семантическая мотивировка слова *бодяга* не уточняется.

Бодяга — это пресноводная губка, *spongia fluvialis*. Впервые интересующее нас слово зафиксировано в Словаре Нордстета (1780 г.). Бодяга использовалась в народной косметике как притирание: «Наша *бодяга*,.. которую крестьянки собирают в реках, су-

шат и толкут, производит румянец в натираемых частях не краскою, а раздражением кожи острыми микроскопическими шипиками...» (журнал «Друг здравия», 1842 г.). В этом фрагменте указывается основное свойство бодяги — она колет, *бодет* кожу. Таким образом, *бодяга* буквально значит «колючка».

*

Бодягой как притиранием, вызывающим румянец, пользовались не только деревенские кокетки, но и актеры. Это было дешевое (хотя и вредное для кожи при длительном употреблении) косметическое средство. Актеры предпочитали другие гримировальные вещества, но они не всегда были им по карману. Поэтому естественно пренебрежительное отношение к бодяге и развитие у слова значения «вздор, пустяки, чепуха». Пока бодяга как косметическое средство была в ходу, фразеологизм *разводить бодягу* был мотивированным. Затем бодягу перестали употреблять. Слово *бодяга* стало биологическим термином, а вне терминологической лексики сохранилось лишь в составе фразеологизма (первоначально распространенного в речи актеров и уже из нее проникшего в общерусский язык).

Когда семантико-словообразовательные связи существительного *бодяга* с глаголом *бости* были разорваны, *бодяга* подверглось общей участи деэтимологизировавшихся лексических единиц. Начал меняться фонетический облик слова, у него возникли новые семантические ассоциации. Под влиянием аканья появилось написание *бадяга* (мы находим его уже в Словаре Нордстета 1780 г., как основное оно приводится в словарях Даля и Ушакова). Так как бодяга — водяное растение, появляется форма *водяга* (приводится в Словаре В. И. Даля как синоним к *бодяга*). Слово *бодяга*, когда-то широко известное, в какой-то момент становится редким и периферийным словом литературного языка, но затем снова приобретает права гражданства — как составная часть фразеологизма.

Н. С. АРАПОВА

Рисунок В. Толстоногова

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3; 1982, №№ 1—2, 4, 5; 1983, №№ 2, 5; 1984, № 1, 6

Штырев, Штырин, Штыркин, Штырков, Штыров. Каждая из этих фамилий редка. Все они связаны со словом *штыр* — «болт, стержень», «веретено». Вместе с тем каждая из них имеет свою непосредственную основу, производную от слова *штыр*. Из них возникли прозвища с вероятным значением «крутящийся, верченый». От прозвищ — отчества, которые и стали позже фамилиями.

Шуплецов. Фамилия записана в Богородском и Супецком районах Кировской области. В основе — *шуплец* из *шупел* — «колдун, знахарь».

Шухалов. Фамилия засвидетельствована в селениях Слободского сельского совета Даниловского района Ярославской области переписью 1979 года, связана со старинным русским глаголом *шухать*. В северных говорах (см. словарь В. И. Даля) *шухать* означает «шугать, пугать, нудить, стращать».

Шавелев. В с. Боголюбове (запад Тамбовской области) в 1913 году полсотни крестьян носили эту фамилию. В основе ее — слово *шавель*.

Щанников. Отчество от именования по профессии: в старину *щанник* — мастер, изготовлявший *дщань* (крупная бочка для приготовления соеда и т. д.); впоследствии слово упростилось в *чан*, а фамилия сохранила прежнюю форму. Встречается и с одним *н* — *Щаников*.

Щапов. Отчество от нецерковного имени Щап; помещик Григорий Щап в Луцке (1649 г.). Нарцательное *щап* — «франт, щёголь» было широко распространено на севере и востоке страны. Однако не исключено иное происхождение: в словаре В. И. Даля приведено выражение «попасть в щап», то есть в беду.

Щебелев. Фамилия связана с глаголом *щеблить* — «щепать», переносно — «тараторить, болтать».

Щебенихин. Отчество от прозвища Щебениха. В документе 1500 года отмечен посадский Онанка Щебениха в г. Ладога. Возможна смысловая связь с глаголом *щебенить, щеблить* — «болтать». Прозвище означало болтающего без умолку.

Щеглов. Отчество от непер-

ковного имени Щегол. Имена из названий птиц были нередки у русских до XVII века включительно, позже — прозвища (по какому-либо качеству, например щегол цестр, наряден на вид). Возможно, имело значение и звуковое сходство со словом *щёголь*.

Щедрин. Возможные источники фамилии: *щедра* — рябь на лице, следы оспы и *щедрый*.

Щедухин, Щедушков. Отчества от прозвищ Щедуха, Щедушка, основа которых — *тщедушие*, хилость, слабость, худоба.

Щекотуров. Отчество от прозвища *щекотур* — по В. И. Дально, — «опрятный». Фамилия зафиксирована в селениях Весковского сельсовета Переславского района Ярославской области (1979 г.). Та же фамилия засвидетельствована в с. Аристовка Чаадаевской волости Пензенской губернии земской переписью 1917 года. Возникновение фамилии в деревнях также подкрепляет происхождение отчества из прозвища, а не из именованья отца по профессии штукатур, так как эта профессия у русских была преимущественно «городской». В. И. Даль отмечал, что первичная и характерная форма для слова именованья *щекатуришь*, а не *штукатуришь*.

Щелконогов. Отчество от прозвища *щелконогий* — «щелкающей ногами», с возможным значением «туляка, бездельник». В писцовой книге по городу Кашире (XVIII в.) записан помещик Найден Дмитриев Щелконогов.

Щелкунов. Отчество от прозвища Щелкун. Нарцательное *щелкун*, вышедшее из употребления, означало — «наглый забияка, драчун» или «пустослов».

Щепетильников. Отчество от именованья по занятию: *щепетильник* (в устаревшем значении) — человек, имевший щепетильную (т. е. галантерейную, парфюмерную) лавку; торговавший предметами галантереи и парфюмерии. *Щепетильный* — так называли в старину и модно одетого человека или придричиво-педаanticного, мелочного, но эти значения слова были известны только в высоко культурных, образованных кругах русского общества.

Щепликов. Отчество от прозвища Щеплик из прилагательного *щепливый* — «нарядный, тщательно одетый».

Щербakov. Основа фамилии — нарцательное *щербак* — «ущербный», с лицом, изрытым следами оспы, или без зуба и т. п. Но в словаре В. И. Далья приведены, кроме того, и другие значения слова: *щербак* — «стяжатель, хануга»; «однокопный извозчик» (костромское). Фамилия существует и в форме *Щербак*.

Щербатов. Отчество от именованья *щербатый*, то есть с каким-либо физическим недостатком (см. *Щербakov*). В XVI веке Щербатый — составная часть имен многих князей (Андрей Щербатый, Федор Щербатый, Василиса Щербатая и другие). Характерно, что фамилия чаще встречается к западу от Москвы или севернее ее.

Щербинин. Фамилия часта в Черемисиновском районе на юго-востоке Курской области. Значение основы то же, что в у фамилии Щербakov.

Щетинин. Отчество от нецерковного мужского имени, не редкого в XV—XVII веках в словаре древнерусских личных имен Н. М. Туникова приведены записи: *холоп Ивашк*

Щегина (1495 г.), князь *Иван Щегина* (1581 г.) и другие.

Щеулин. Фамилия записана в Липецке. Возможна связь с диалектным глаголом *щаулить*, который В. И. Даль записал как раз на этой и смежных территориях — в Рязанской, Тамбовской и других губерниях, — со значениями

«зубоскалить», «бездельничать».

Щигровский. Первоначальное значение — прибывший из города Щигры (в Курской области).

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

У КОРНЕЙ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА ЕСЕНИНЫХ

Хорошо известно, как любил С. А. Есенин создавать легенды. В его поэзии, прозе, письмах становилось легендарным самое обыденное, бытовое. Во всем открывались поэту и глубокий смысл, и «тайнопись вещей».

Легендой он окружил даже собственную фамилию: *Есенин* — *весенний* — *осенний* — *ясень*, — любил подбирать он созвучия. А как же было на самом деле? Откуда пошла фамилия поэта?

Как правило, русские фамилии на *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-ын* (Иванов, Федин, Туркин, Волков) образованы от имен или прозвищ людей. Следовательно, и в этом случае производящую основу фамилии *Есенин* надо искать среди имен.

В Государственном архиве Рязанской области автору этих строк удалось обнаружить список землевладельцев села Федякино Рязанского уезда (1901). Это село расположено по соседству с Константиновым — родиной поэта, и его однофамильцев там немало. Здесь впервые встретились «Лаврентий Есенева Есенин» и «Филипп Есенева Есенин». Значит, отца этих людей звали *Есенева* или *Есением*.

Во времена крепостничества, а как остаточное явление и значительно позже, крестьянские имена имели уничижительную форму: *Петька*, *Никитка* и т. д. То же, вероятно, было и здесь: *Есенька*. Во всяком случае, самые ранние фиксации фамилии выглядят следующим образом: «Г-на Олсуфьева временно-обязанный крестьянин Андрей Назаров Есенькин» (1864 г., степень родства с поэтом не ясна) и «Никита Осипов Есенькин» (1865 г., дед С. А. Есенина).

Крестьянские фамилии были в то время в Константинове явлением новым. До 1864 года они вообще не указывались, например: «Рожден — 15, крещен — 17 сентября 1843 г. ...Никита. Родители: Господ Олсуфьевых крестьянин Иосиф Климов и законная его жена Варвара Стефанова» (запись о рождении деда поэта — Н. О. Есенина). Даже в 1874 году священник занес в книгу: «Осьмой Парковой Артиллерийской бригады рядовой Григорий Осипов сын Оси-

нов, а по родовой фамилии *Есенин*» (курсив здесь и далее наш). Запись интересна еще и тем, что мы находим истоки разночтения фамилии. Написания *Есенин* — *Ясенин* с *и* под ударением, вероятно, объясняются очень закрытым характером ударного *э* (орфографически *е*) в положении между двумя мягкими согласными: этот гласный занимает промежуточное положение между *э* (*е*) и *и*, приближаясь к последнему. При отсутствии специального знака для этого звука, он мог передаваться на письме буквой *и*. На формирование фамилии оказал влияние и местный диалект. Под его воздействием начальное *е* изменилось в *я* (-а после *ј*): *Ясенин*, — так подписывали документы сельский староста Я. О. Есенин и волостной старшина Г. О. Есенин, а их родной брат Никита Осипович нередко оставался верен старому написанию — *Есенин*.

Сложилась необычная ситуация: один человек имел три совершенно равноправных формы фамилии — *Есенин*, *Есенин* и *Ясенин*, которые употреблялись в официальных документах. Приведем примеры. При покупке и продаже земли Г. О. Есениным были составлены две купчие, в тексте одной из них он назван «Григорий Осипов Ясенин», в тексте другой читаем: «Тысяча восемьсот девяносто восьмого года, месяца июня шестого дня я, нижеподписавшийся Рязанского уезда Кузьминской волости села Константинова отставной унтер-офицер Григорий Иосифович Есенин, запродаю нашего села священнику Иоанну Яковлевичу Смирнову принадлежащий мне участок усадебной земли».

В письме Г. А. Панфилову (своему однокласснику) от августа 1912 года С. А. Есенин указал адрес так:

«Москв(а). Щипок. Магаз(ин) Крылова. Ал(ександру) Никит(и-чу) Ясен(ину) и для меня.

Любящ(ий) т(ебя) Ес(енин) С(ергей)» (Оригинал — ГБЛ, цитируется по ксерокопии ЛММЕ, Вф — 381).

В донесении осведомителя Федорова Московскому Охранному отделению от 4 декабря 1913 года поэт назван: «Сергей Александрович Есенин, 19 л(ет)» (Оригинал — ЦГАОР, цитируется по фотографии ЛММЕ, Вф — 1998/2).

Такие разночтения фиксируются документами вплоть до двадцатых годов нашего века. Пожалуй, лишь тогда, когда внук Никиты Осиповича стал всемирно известным поэтом, вариант *Есенин* вытеснил оба других и стал восприниматься как единственно правильный. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что внук Григория Осиповича — Иван Николаевич и сын Якова Осиповича — Петр вернулись к исконному написанию своей фамилии — *Есенин*.

С. М. ПРОХОРОВ
Коломна

В. Д. Бондалетов.

РУССКАЯ
ОНОМАСТИКА

Греческое по происхождению слово *ономастика* в настоящее время имеет два значения: первое — наука о собственных именах (в греч. — «искусство давать имена»), второе — совокупность самих собственных имен, принадлежащих людям (*Михаил Александрович Шолохов*), городам (*Киев*), рекам (*Днепр*), созвездиям (*Большая Медведица*) и т. п.

Чем отличаются имена собственные, например *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, от нарицательных слов *вера*, *надежда*, *любовь*? Много ли собственных имен в языке? Есть ли четкая граница между ономастической и остальной лексикой языка? Одинаковы ли группы имен собственных в разных языках — русском, английском, индийском..?

На эти и многие другие вопросы можно найти ответы в книге В. Д. Бондалетова «Русская ономастика», выпущенной издательством «Просвещение» в 1983 году. Это первый систематический труд по данной проблеме, адресованный студентам-филологам. Однако и сам объект науки — собственные имена, и доходчивая форма изложения делают книгу интересной и доступной самому широкому кругу читателей.

Первые две главы — «Вопросы теории ономастики» и «Методы ономастических исследований» — посвящены теоретическим вопросам, еще не-

достаточно разработанным в советской и мировой науке. Так, одни ученые признают у собственных имен наличие значения, другие — нет. Автор настаивает на признании семантики у имени собственного, показывает ее специфику. В книге прослежена подвижность границы между нарицательной и ономастической лексикой, отмечается несовпадение объема и содержания собственных имен у разных народов, а также в разные исторические периоды жизни одного и того же народа.

Основную часть книги составляют главы «Русская антропонимика», «Русская топонимика», а также «Общая и русская космонимика». В первой из них излагается история изучения русских имен, отчеств, фамилий, псевдонимов. Истоки русской ономастики автор проследживает с XIII века до наших дней. Дается характеристика словарей личных имен Н. М. Тушикова, Н. А. Петровского, анализируются работы А. М. Селпшева, В. И. Чернышева, В. А. Никонова, А. В. Суперанской и др.

Особенно подробно рассмотрены основные этапы и процессы в истории русской антропонимики (об именах человека). В качестве самостоятельного выделен советский период (с 1917 г. по настоящее время), когда наблюдалось создание новых имен (*Владлен*, *Свобода*, *Искра*, *Эра*), заимствование из западноевропейских языков (*Альберт*, *Роберт*, *Эдуард*, *Жанна*, *Эльмира*), использование русских и славянских имен, не предусмотренных церковными календарями.

Много внимания уделено современному русскому именнику, влиянию «моды» на имена.

Так, имя *Александр* входит в группу имен «устойчивой популярности». Среди женских имен в XX веке выделяются следующие группы: 1) имена, употребительность которых росла на протяжении всего времени: *Ирина, Людмила*, или же в последние 20—30 лет: *Лариса, Любовь, Марина, Светлана*; 2) имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20—30 лет) стала еще большей: *Елена, Наталия, Ольга, Татьяна*; 3) имена, популярные в 30—40-е годы: *Зоя, Маргарита, Раиса, Тамара*; 4) имена затухающей популярности: *Елизавета, Клавдия, Софья, Варвара, Евдокия, Пелагея, Прасковья, Серафима*.

Глава «Русская топонимика» начинается с уточнения: термин «русская топонимия» используется для обозначения совокупности географических названий, употребляемых русскими людьми, хотя по происхождению топонимы могут быть и русскими: *Десна, Непрядва, Сухона, Белгород, Брянск, Владимир, Орел*, и нерусскими: *Дон, Обь, Нева, Волга, Чита*.

Анализом происхождения топонимов России занимались не одно поколение этимологов. Впервые история географических названий нашей страны, а также зарубежных стран дана В. А. Никоновым в «Кратком топонимическом словаре» (М., 1966). Однако до настоящего времени не имеют убедительных этимологий *Волга,*

Двина, Кострома, Москва-река, Ока, Урал и др.

Немало интересного содержится в главе, посвященной рассмотрению космонимов — названий созвездий, звезд, планет, астероидов. Наряду с общеизвестными, литературными словами типа *Арион, Плектра, Венера* и т. п. в книге приведены многочисленные народные космонимы: 50 обозначений Большой Медведицы, более 70 — Млечного пути, около 50 — Полярной звезды, свыше 50 — Венеры и т. д. Так, *Млечный путь* в говорах русского языка называют: *Дорога, Улица, Птичий путь, Чумацкий шлях, Дорога на Киев, Небесная река, Пояс, Коромысло, Радуга* и др.

В книге В. Д. Бондалетова приводятся сведения о достижениях советской космонавтики, в частности об изучении обратной стороны Луны, что нашло отражение в названиях: *Море Москвы, кратеры К. Э. Циолковского, Леонова, Николаева, Терешковой, Титова* и др. Учитель найдет много ценного в главе «Ономастика в школе», в частности по организации идейно-воспитательной работы, формированию чувств советского патриотизма.

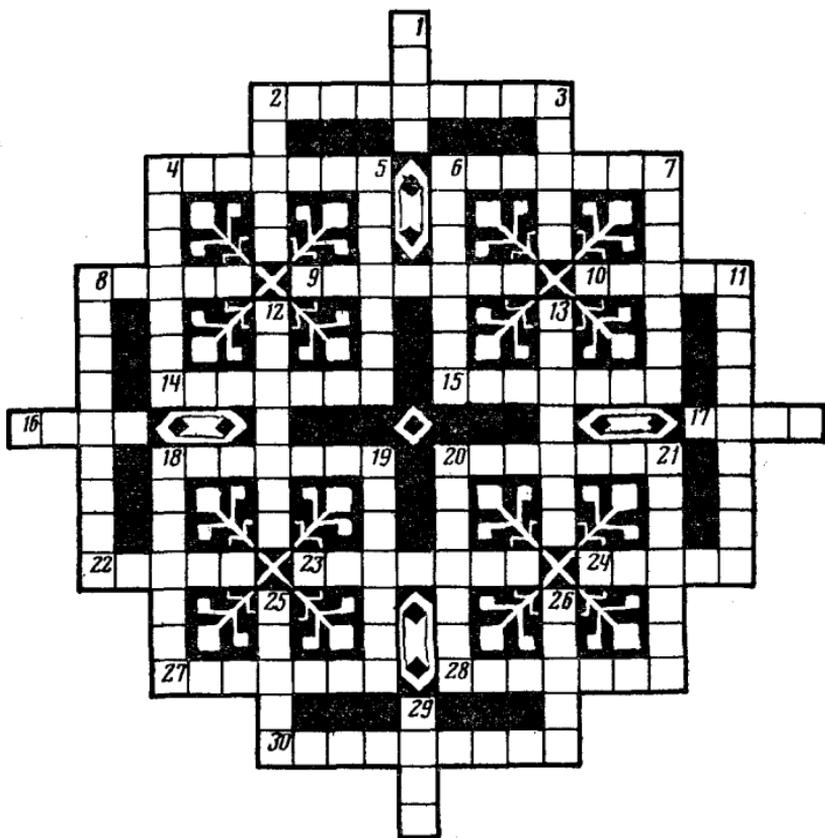
Книга В. Д. Бондалетова — значительный вклад в развитие ономастической науки. В том, что она привлечет внимание любознательного читателя, нет никакого сомнения.

Г. А. СИЛАЕВА
Цена

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Имя жены князя Игоря, воспетого в «Слове о полку Игореве». 4. Ук-

раинский и русский филолог-славист. 6. Действующее лицо пьесы И. С. Тургенева «Месяц

в деревне». 8. Молдавский советский писатель, драматург. 9. Советский писатель, автор повести «Дорогие мои мальчишки». 10. Литературный и политический журнал, издававшийся Ф. М. Достоевским. 14. Советский писатель, автор романа «Пушкин в изгнании». 15. Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 16. Город, в котором находится литературно-мемориальный музей А. П. Чехова. 17. Сказка Г. Х. Андерсена. 18. Неизменяемая часть речи. 20. Советский драматург. 22. Имя героини пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 23. Стихотворение В. Маяковского. 24. Советский писатель. 27. Название имения Лаврецкого в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 28. Повесть К. Симонова. 30. Русский еженедельный сатирический журнал 1908—1914 гг.

По вертикали: 1. Стихотворение С. Есенина. 2. Рассказ

А. П. Чехова. 3. Солнце у древних славян-язычников. 4. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дым». 5. Русский князь, прозванный Осмомыслом, участник похода князя Игоря. 6. Пьеса Н. В. Гоголя. 7. Один из близких друзей А. С. Пушкина. 8. Знак препинания. 11. Один из царей в «Илиаде» Гомера. 12. Русский издатель, книготорговец и библиограф, книжный магазин которого был своеобразным салоном, где встречались многие писатели. 13. Отпадение одного или нескольких звуков в конце слова. 18. Рассказ И. А. Бунина. 19. Русская игра. 20. Материал, на котором писали древние египтяне и другие народы. 21. Персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. 25. Действующее лицо пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта». 26. Рассказ М. Горького из сборника «По Руси». 29. Остров, на котором легендарный герой древнегреческой мифологии Тесей убил Минотавра.

ФОРУМ ЛИНГВИСТОВ

С 21 по 26 мая 1984 года в Москве в Институте русского языка АН СССР проходил Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. В симпозиуме принимали участие как советские ученые — из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева, Вильнюса, Свердловска и др., так и зарубежные — из Болгарии, ГДР, Польши, Чехословакии, Швеции, Норвегии. Было заслушано 102 доклада, по которым развернулась оживленная дискуссия: свыше ста выступлений на пленарных и секционных заседаниях.

В секции этимологии обсуждались вопросы методик этимологических исследований, семантической реконструкции и анализа тематических групп лексики. Большой интерес вызвал доклад советского лингвиста В. И. Абаева, посвященный проблеме улучшения этимологических словарей. Всеобщее внимание привлек к себе доклад члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева, касающийся принципов семантической реконструкции. По различным аспектам семантической теории и практики выступали как советские, так и зарубежные ученые.

Несколько докладов было посвящено изучению отдельных тематических групп лексики, диалектной лексике и ее значению для этимологических исследований; уделено внимание формальной стороне этимологии.

О работе над «Этимологическим словарем русского языка» и принципах его построения подробно рассказал академик АН СССР Н. М. Шанский. О дополнениях к первым выпускам «Этимологического словаря славянских языков», сообщила В. А. Меркулова. Доклад о реконструкции праславянской лексики словенского языка сделала Л. В. Куркина.²

В секции исторической лексикологии было заслушано 34 доклада по разным проблемам этого раздела языкознания.

Основным направлением в работе секции было обсуждение проблемы создания исторической лексикологии русского языка. В связи с этим отмечена важность вопроса об источниках, на основании которых будет изучаться словарный состав русского языка, особенно для древнерусского периода и XVI—XVII веков. В центре внимания участников симпозиума были аспекты

демократизации русского языка в преднациональный период, его характер и особенности в разных регионах государства, возможности восстановления лексического ландшафта Московской Руси, реконструкции русского лексического фонда на основе имевшихся собственных.

Было обращено внимание и на выявление лексической семантики, отношений многозначности слова и синонимии, на выделение семантических компонентов в слове. С большим интересом обсуждались отдельные лексико-тематические группы слов в русском языке XI—XVII веков: названия оружия, тканей и другие. Тематика докладов включала в себя исследование и других славянских языков, в первую очередь — восточнославянских.

Известно, что русский язык XI—XVII веков представлен как оригинальными памятниками письменности, так и переводными, созданными тоже русскими авторами. О том, как переводили эти памятники, по каким принципам, какие школы перевода существовали в то время на Руси, было заслушано и обсуждено несколько сообщений. Известна ситуация, когда один и тот же памятник, как правило, канонический, переводился в разное время и разными людьми, и в этих переводах обнаруживаются варианты, которые надна лексикологическая наука объ-

яснила еще не до конца. Для решения этих вопросов необходимо текстологическое исследование памятников.

Симпозиум показал, что по-прежнему актуальной остается задача создания исторических словарей разных типов и разного временного охвата.

Руководители ряда крупных словарных предприятий страны проинформировали собравшихся о состоянии и перспективах работы над многотомными историческими словарями: «Словарем русского языка XI—XVII вв.» (Г. А. Богатова), «Словарем русского языка XVIII в.» (Ю. С. Сорокин и Л. Л. Кутина), «Историческим словарем белорусского языка» (А. И. Журавский), «Древнерусским словарем XI—XIV вв.» (А. И. Горшков), «Историческим словарем грузинского языка» (Т. К. Цкитишвили), «Словарем украинского языка XVI — первой половины XVII вв.» (Д. Г. Гриняшин), «Словарем старославянского языка XI—XIII вв.» (В. Л. Карпова).

С замыслом создания новых исторических словарей — Словаря русского литературного языка первой половины XIX века и Исторического словаря русской фразеологии — познакомили участников симпозиума Ю. С. Сорокин и А. И. Молотков (Ленинград).

Участники симпозиума с удовлетворением отметили, что за последние годы появились

новые региональные словари, а также уникальные картотеки диалектной лексики, которые служат серьезной базой для разработки словарей разных типов, в частности идеографических и мотивационных. Наличие региональных картотек позволяет проводить диалектный аспект исследования такого ценнейшего древнерусского памятника письменности, как «Слово о полку Игореве», что, возможно, позволит прояснить оставшиеся в нем «темные» места. В работе над историческими словарями русского языка важная роль отводилась региональной письменности.

Много внимания уделялось одной из важнейших проблем исторической лексикографии — определению круга источников и принципам отбора лексического материала, а также проблемам его лексикографического описания.

На разнообразном материале памятников письменности XI—XVIII веков было показано принципиальное решение некоторых проблем, связанных

с тождеством слова в исторических словарях. Заинтересованно обсуждались вопросы интерпретации в них иноязычных заимствований.

Методологическому подходу к изучению и описанию древних слов, их стилистической характеристике в исторических и диалектных словарях, системному изучению взаимосвязей грамматических категорий с лексической семантикой, важной роли иллюстративного материала и структуре словарной статьи — к этим и другим важным проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии было привлечено пристальное внимание крупнейших ученых, усилиями которых многие из этих проблем удалось решить.

Участники Международного симпозиума единодушно отмечали его высокий научный уровень и полезный вклад в дело развития науки о языке.

*В. А. МЕРКУЛОВА,
И. П. ПЕТЛЕВА,
О. И. СМЕРНОВА,
Г. П. СМОЛИЦКАЯ*

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать форму родительного падежа от существительного *пьяльцы*?»

А. С. Морковкина, Коломна

Имя существительное *пьяльцы* имеет две формы родительного падежа: *пьяльцев* и *пьялец*.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Многочисленные письма, поступающие в нашу редакцию, свидетельствуют о большом интересе в нашем обществе к русскому языку, его истории, проблемам культуры устной и письменной речи. Обзор писем читателей за 1984 год хочется начать с откликов на наши публикации.

В этом году в «Русской речи» появилась новая рубрика «Правильно ли мы говорим?» Читатели сразу же откликнулись на волнующую тему об элементарных ошибках, укоренившихся в нашей речи, с которыми необходимо бороться. Писем пришло много и разговор на эту тему будет продолжен.

Мы продолжаем публикацию статей о культуре поведения и неотделимом от нее речевом этикете. Этот вопрос интересен для многих. Читатели Р. И. Седова, М. И. Агашина, О. И. Рюмина и другие с сожалением рассказали о возмутительных случаях, когда в общественных местах можно услышать нецензурные слова. Поэтому они считают очень актуальной статью Л. А. Шкатовой (№ 4), которая на страницах нашего журнала затрагивает вопросы общения пассажиров в дороге. Читатели Б. В. Сохнов (Брянск), семья Кругликовых (Орел), М. И. Исаева (Москва), Е. И. Борисов (Люберцы) хотели бы, чтобы

побольше материалов о речевом этикете печаталось не только на страницах «Русской речи», но и в других периодических изданиях, прежде всего предназначенных для молодежи.

Желая пополнить свои знания в области русского языка, совершенствовать свою речь, многие читатели обращаются к нам с просьбой порекомендовать соответствующую литературу. Назовем некоторые книги: З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов. Мир родной речи (М., 1972); З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин. Беседы о русском слове (М., 1976 и 2 изд. 1978); Л. И. Скворцов. Правильно ли мы говорим по-русски? (М., 1983 изд. 2-е); сборник статей Б. Н. Головина и Л. И. Скворцова «О культуре речи» (М., 1981). В них содержатся указания и на другие работы подобного жанра, на словари современно-го русского языка.

Большую помощь всем, кто старается овладеть неисчерпаемыми богатствами русского языка, могут оказать постоянные радиопередачи «В мире слов», цикл научно-образовательных передач о русском языке, телевизионная передача той же направленности «Русская речь», ставший традиционным постоянный раздел «Как правильно?» в научно-популярном журнале «Наука и жизнь» и др.

М. И. Соломатин (Рига) и т. Моисеева (Пермь) приветствуют публикацию статей об ораторском искусстве пропагандистов ленинской школы, подчеркивая, что материалы о видных деятелях Коммунистической партии и Советского государства интересны и полезны, необходимы в пропагандистской работе. Они несомненно заинтересуют и студентов, и школьников, и всех, кто любит нашу историю.

Г. Н. Трофимов (Петрозаводск) пишет: «Читаю ваш журнал с большим интересом. Во многих статьях содержится материал о таких великих писателях, как Пушкин, Гоголь, Крылов и др. Такие статьи можно использовать для подготовки к экзаменам по литературе в 10-х классах». А тов. Куравлев (Одесса) просит назвать книги, в которых есть высказывания о языке русских и советских писателей.

Высказывания о языке, о культуре русской речи можно найти в разных сборниках, например: Русские писатели о языке; Об ораторском искусстве; в сборниках крылатых выражений, пословиц и поговорок. О чистоте речи

ярко говорится в книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь».

Некоторых читателей заинтересовала «сказочная» тематика наших публикаций.

Б. М. Черных (Сочи), отметил статью Е. Н. Иваницкой «Там ступа с Бабою-Ягой...» (№ 2), которую читали в кругу их семьи, а потом долго спорили: «злая» Баба-Яга или «добрая»? «Такие публикации интересны как взрослым, так и детям»,— заканчивает он свое письмо.

Читатель М. Н. Волин (Краснодар) считает, что материалы типа «Красна изба пирогами» Г. В. Судакова (№ 3) не только интересны в познавательном смысле, но и необходимы, так как традиционные русские названия *леваш, сочень, курник, капустаник, ягодник* и многие другие настолько забыты, что объяснить их смысл многие не могут. «Хочется, чтобы в вашем журнале было побольше таких интересных статей об истории русской одежды, кушаний, утвари, денег, обстановки»,— присоединяется к нему тов. Баринов из Грозного.

Б. Ф. Полковников (Москва) отмечает разницей в написании слова *синезеленый* (слитно или через дефис): «В № 1 — 1981 года опубликована статья В. П. Даниленко и Л. И. Скворцова «Терминология и норма», в которой совершенно верно указывалось, что в ботаническом термине «синезеленые водоросли» прилагательное, вопреки общелитературным правилам, имеет слитное написание. Похоже, что так считают только вы, я и энциклопедия. Все остальные, даже популярные журналы, пишут это слово через дефис. Этот разницей объясняется, скорее всего, формальной корректорской правкой и отсутствием нужных словарей, но все-таки стоит упорядочить написание в этом словосочетании».

А. К. Ибрагимов (Горький) в своем письме высказывается по поводу заметки «Какого рода выхухоль?» (№ 6 — 1983). Он считает, что род этого слова у него никогда не вызывал сомнений. А вот слово *георгин* в современной разговорной речи часто употребляется в мужском роде, хотя словари указывают на его женский род (у ботаников). «Возможно, это происходит потому, что данное слово чаще в разговорной речи употребляется во множественном числе (*купил георгины, сорвал георгины*), из которого само напрашивается единственное число в мужском, а не женском роде»,— заключает читатель.

Наша справка: в «Словаре русского языка» АН СССР в 4-томах дано: *георгин*, м. р. и *георгина*, ж. р.; Множ. число, род. пад. *георгинов* (м. р.) и *георгин* (ж. р.).

Преподаватель пединститута В. Власюк (Кировоград) прислал интересные наблюдения над языком периодической печати, где намечается тенденция замены существительных женского рода мужскими в названиях по роду занимаемой должности, профессии. Например, о ком идет речь: о мужчине или женщине в следующих примерах? «М. Ашотия — *телеграфист* 37-го отделения г. Тбилиси» (Известия, 1982, 20 апр.); «В. Нейдо, *официант* детского кафе «Вигри» (Известия, 1982, 27 апр.). Эти примеры являются подтекстовками к фотографиям, на которых изображены женщины. Следовательно, напрашиваются слова: *телеграфистка*, *официантка*. Разве в русском языке отсутствуют соотносительные формы женского рода, которые были бы уместнее и в следующих примерах: «А. Алексанцева, *тракторист* совхоза» (Известия, 1982, 3 окт.); «*Заведующий* сектором учета Алла Снегирева» (Рабочая газета, 1983, 26 янв.); «*Будущий бортпроводник* Юлиана Таранова» (Огонек, 1984, № 5). Автор письма считает, что колебания, наблюдаемые в употреблении того или иного варианта, — процесс объективный, но журналистам не следует торопиться «лишать» женщин названий женского рода, особенно тогда, когда не приводятся полностью имена, а фамилии ничего не говорят о поле лица. Редакция обращалась к этой проблеме неоднократно, например в № 5 — 1978 года в рубрике «Отвечает «Служба языка» в статье С. И. Виноградова. Но тема, как видно, заслуживает внимания и ее следует продолжить.

Интересное письмо пришло в редакцию от рабочего-электрика, ныне пенсионера, из Чебоксар. Автор письма, к сожалению, не указавший своей фамилии, пишет: «В далекие годы у знакомых был словарь, в который мы, ученики, любили заглядывать. Назывался он «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», автор Чудинов. Словарь был довольно толстый. В памяти сохранился даже портрет автора. Несомненно, Чудинов был большим ученым своего времени. Хотелось бы, чтобы вы рассказали о нем».

*

Действительно, Александр Николаевич Чудинов был очень образованным, талантливым педагогом и писателем. Родился он в 1843 году. Окончил историко-филологиче-

ский факультет Киевского университета. Работал редактором «Орловского Справочного Листа», преобразовав его в «Орловский Вестник». С 1891 года под его редакцией вышло 54 выпуска «Классной Библиотеки», заключающей в себе образцы русской и классической иностранной литературы. Чудинов занимался переводами классических произведений на русский язык. Им были написаны труды на разные темы: «Очерки истории языкознания» (1869); «Тургенев и значение его литературной деятельности» (1875); «Справочный словарь русского литературного языка» (1901); «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1902).

*

На некоторые вопросы наших читателей отвечают ученые-языковеды.

ПО НОВОЙ

Читатель Ф. А. Комаров (Татищево) пишет: «В последнее время в разговорной речи вместо наречия *снова* прижилось словосочетание *по новой*. Правомерно ли употребление этого словосочетания? Ему отвечает доктор филологических наук Л. И. СКВОРЦОВ.

Выражение *по новой*, восходящее к арготической речи, давно потеряло всякую связь со своим источником и употребляется в современной речи в обобщенном значении «снова, еще раз, заново» — с несомненным оттенком стилистической сниженности.

По имеющимся материалам, выражение *по новой* встречается в художественной литературе (в репликах персонажей) с начала 60-х годов, а в живой разговорной речи — гораздо раньше. В пределах арготической речи модель *по* + прилагательное на *-ой* очень продуктивна (ср. *по тихой*, т. е. «тихо»; *по крупной* — «крупно», *по быстрой* — «быстро» и т. п.).

Происхождение конструкции *по новой* не может служить препятствием ее употреблению в общей речи, однако при этом следует учитывать стилистически сниженный ее оттенок.

Читателей М. А. Хореву, Р. А. Соркину, Е. И. Елисееву, А. Г. Богданова и других интересует «Страница новых слов».

На вопросы наших читателей о новых словах отвечает старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР Г. И. МИСЬКЕВИЧ.

МИКРОМОТОЦИКЛ

И. А. Мокрышева (Ростов) приводит цитату из «Пионерской правды» (1983, 10 июня): «Микромотоциклы, на которых они сидят, построены в полном соответствии с их личной фантазией, с фантазией и техническими идеями всех ребят...». «Можно ли считать слово *микромотоцикл* новым?» — спрашивает она.

В присланной Вами в редакцию журнала «Русская речь» заметке из «Пионерской правды» слово *микромотоцикл* не может быть квалифицировано как новое слово русского языка, поскольку в языковом употреблении не наблюдается тенденция к закреплению и утверждению его в качестве постоянного названия определенной реалии, то есть какого-то определенного предмета.

Слово *микромотоцикл* как образование продуктивной модели свободно возникает, когда оно оказывается нужным в каком-то контексте, но в языковой традиции как устойчивое название определенного предмета оно не закрепляется (ср. *микроавтобус*, *микромалькулятор*).

ЛИМОНАРИЙ

Читательница Т. Ефимова спрашивает: «Правомерно ли употребление в современном русском языке слов типа *лимонарий*, *манدارинарий* и т. п.?»

Слово *лимонарий* образовано посредством суффикса *-арий* по продуктивной словообразовательной модели. Существительные данного способа словообразования обозначают помещение или территории, предназначенные для разведения, выращивания или изучения тех предметов, которые названы производящим словом. Вот примеры аналогичных существительных, которые свободно употребляются в современной речи: *розарий*, *планетарий*, *дельфинарий*, *террарий* и др.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно произносить названия некоторых новых районов Москвы: *Бибирево*, *Хорошево-Мневники*, *Коньково-Деревлево*?»

З. А. Устинов, Москва

Бибирево, *Хорошёво-Мнёвники*, *Коньково-Деревлёво*.

Вставать, выходить, сходить. *Встать* — вставать — становиться на ноги; *выходить* — идти откуда-либо, покидать помещение, место, пределы чего-либо; *сходить* — идя, спускаться вниз. Следовательно: *встать* — вставать (утром), в метро — *выходить* (на следующей остановке *выходите?*); *сходить* — по лестнице, со ступеней и т. п.

В кровати — в постели. *Кровать* — предмет домашней обстановки, на которую кладут постель; *лежать, спать* и т. п. *на кровати*, (реже) *в кровати*; *лечь, броситься* и т. п. *на кровать*, (реже) *в кровать*; *постель* — кровать или другое место с постланными спальными принадлежностями. Здесь следует: *тепло в постели* (не *в кровати*).

Вода спала до прежнего уровня, но Она (я, ты) спала (крепко, сладко, спокойно).

Раздеть — раздевать (без дополнения), снимать (с кого-либо одежду); *раздеться, раздеваться* — снимать одежду с себя, самому; *надеть* — на кого-либо и на себя шубу; *одеть* — кого? — семью, детей. Здесь: *надеть, надевать шубу, шапку*; *раздеть Олю* — снять шубу с Оли; *Оля раздевается* — снимает шубу сама.

Меховой — меховая (от *мех*).

Берет — только с мягкими согласными *б* и *т* (произношение *Бэрэт* — ошибочно).

Варежки — теплые, вязанные из шерсти или шитые рукавицы; *рукавицы* — изделие из кожи, ткани, шерсти на кисть руки с отделением только для большого пальца; *рукавички* — уменьшительной-ласкательная форма от *рукавицы*. Следовательно, для тепла возможно и *варежки*, и *рукавицы* — *рукавички*. Но для выполнения каких-либо работ (для защиты рук) только — *рукавицы*.

Красивый — красивее.

Извините, спасибо, пожалуйста — это хорошие добрые слова, взаимный знак внимания. От них теплеет на сердце. Но часто ли мы их произносим? Не забываем ли о существовании слов уважения, внимания, благодарности?

Как вы, дорогой читатель, относитесь к этим словам? Что вы о них знаете? Какую роль они играют в нашем языке? В нашей жизни? В воспитании детей, добрых чувств, собственного достоинства, уважения к другим у наших детей?

Напишите об этом. Ждем Ваших писем.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1984 году

IX Международный съезд славистов	1
Коротов В. М. Торжество ленинских принципов	5
Кохтев Н. Н. Н. К. Крупская — пропагандист и оратор	1
Протченко И. Ф. Учитель учителей	1
ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА	
Денисов П. Н. О типе Словаря языка В. И. Ленина	2
Иванова Т. Ф. Слово «дисциплина» у В. И. Ленина	2
Лилеева Е. Л. Словарь языка В. И. Ленина и академические словари	2
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Баландина Н. В. Демоническая ли новелла? (О поэтике рассказа В. Г. Распутина «Продается медвежья шкура»)	4
Белая Е. В. Прозаические миниатюры А. С. Пушкина	3
Брагина А. А. Краски-слова в рассказах А. П. Чехова	4
Брагина А. А. Осенняя пора... (Повторимые слова — неповторимое творчество)	5
Брагина А. А. Поэтический символ русской земли	4
Буров А. А. «Души изменчивой приметы...» (Фразовые наименования в прозе И. А. Бунина)	2
Гладышева Л. А. Птица — тройка	2
Гладышева Л. А. Сатирические формулы Ю. Тынянова	6
Голуб И. Б. «На мысли, дышащие силой, как жемчуг нисходят слова...»	5
Живая нить (Советские писатели и поэты о М. Ю. Лермонтове)	5
Зайцева И. А. Интонация в прозе М. Ю. Лермонтова	5
Иванова В. А., Купина Н. А. Авторские ремарки в произведениях Ч. Айтматова	1
Иванчук И. А. Живая речь в письмах А. С. Пушкина	3
Карпенко Ю. А. Ономастические загадки В. П. Катаева	4
Качаева Л. А. Может ли голубое быть зеленым и розовым?	6

Кожин А. А. А. С. Пушкин о творчестве И. А. Крылова . . .	3
Кожин А. Н. Поэтический потенциал непоэтического слова в советской поэзии	6
Кожина Н. А. Нечто большее, чем название	6
Лабунько О. И. Ленинская тема в романе «Как закалялась ★ сталь»	5
Лаврова Э. А. Имя — образ (Антропонимы в романе Н. Шун- дика «Белый шаман»)	3
★ Матвеев Б. И. Живое и меткое слово Н. В. Гоголя	2
Михайловская Н. Г. «Мы любим жизнь и любим землю эту...» . . .	5
Михайловская Н. Г. О военной сатире С. Я. Маршак	3
Панченко О. Н. «На заре туманной юности...» (Сплав поэти- ческих традиций в творчестве Кольцова)	5
Панченко О. Н. «Невероятная близость переживаний» (О те- матических переключках в лирике Блока и Анненского)	2
Плотникова В. А. «Вот как надобно писать!» (О рассказах А. О. Ишимовой)	3
Преображенский С. Ю. Литературная норма и стиль писа- теля (о романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок»)	1
Преображенский С. Ю. Ю. Тынянов — филолог и художник слова	6
Проскурина В. Ю. А. И. Тургенев и А. С. Пушкин (О языке и стиле «Хроники русского»)	3
Рехо Ким. Гоголь в Японии	2
Сараскина Л. И. В музеях Ф. М. Достоевского	3
Сурат И. З. Словесный мир сказки	4
★ Федосюк М. Ю. «А жизнь, товарищи,.. была совсем хоро- шая!»	1
Филатов В. А. Фонетическая выразительность стихотворной речи	3
★ Фонштейн В. М. Стихотворение «Первый снег» П. А. Вязем- ского	2
Чайковский Р. Р. «Будьте высокими!» (О стихотворении Б. Окуджавы «До свидания, мальчики»)	3
Шмелев А. Д. Изображение действительности в ранней прозе В. А. Жуковского	2
ПРОПАГАНДИСТЫ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ	
Кохтев Н. Н. Валериан Владимирович Куйбышев	4
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА	
Ушинский К. Д. Зима	1
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
★ Василенко Л. И. Модальные слова в диалоге	6
Волкова Н. А. Из истории произношения согласных	3
Глинкина Л. А. Речевой этикет: «ты» и «вы»	2
Горелов И. Н. Речь и этикет: книга учит искусству общения	5
Граудина Л. К. Из истории русского красноречия: риторика И. С. Рижского	5
★ Граудина Л. К. Риторика российских академиков (Из исто- рии русского красноречия)	3
Дерябина А. С. Перевóднѣй и переводнѣй	6
Коготкова Т. С. Всегда ли нужны приставочные образования?	2
Колесов В. В. Заметки на полях нового словаря	4

Конonenko В. И. С большой буквы	2
Кузнецова Л. Н. О произношении отчеств	5
Лазуткина Е. М. Отвечает Служба языка: контроль [чего, за чем, над чем-либо]	4
Лазуткина Е. М. Что можно обозначить глагольным словом?	1
Лебедева Л. А. Новая жизнь старых слов (нива, жатва, страда)	3
Мехович Т. А. Как говорят дети	6
Степанов А. В. Д. И. Менделеев и культура научного стиля	4
Ходакова Е. П. «Вагон и маленькая тележка» (Количественные обозначения в русском языке)	1
Шкатова Л. А. Речевой этикет: если вы пассажир	4

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. Правило, которого нет в «Правилах...»	1
---	---

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Бутрим В. Е. Узкости, яркости, неоднородности (Формы числа в терминах)	1
СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	1—6
ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ?	1, 3, 6

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Житенева Л. И. «Газетность» — примета стиля	2
Житенева Л. И. Ориентиры газетного номера	3
Житенева Л. И. Фразеологизмы — средство газетной выразительности	5
Хазов П. В. Газетная хроника: тема и построение текста	5

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Алексеев А. А. Павел Константинович Симоны	6
Булахов М. Г. Александр Григорьевич Преображенский	4
Добродомов И. Г. Сергей Константинович Булич	5
Добродомов И. Г. Тимофей Дмитриевич Флоринский	6
Евдокимов П. М. «Деятельная любовь» (Воспоминания об А. А. Шахматове)	3
Земская Е. А. Михаил Васильевич Светлаев	1
Кедайтене Е. И. Михаил Александрович Максимович	5
Макаров В. И. Алексей Александрович Шахматов	3
Смолицкая Г. П. Степан Григорьевич Бархударов	2
Фурашов В. И. Анатолий Михайлович Нордаевский	4

СРЕДИ КНИГ

В. Ф. Барашков. Знакомые с детства названия	2
В. Д. Бондалегов. Русская опомастика	6
Ю. С. Воронов. Ораторское искусство В. И. Ленина	6
В. Е. Гольдин. Речь и этикет	6
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. По городам и весям «Золотого кольца»	5
М. В. Горбаневский. В мире имен и названий	2
А. И. Горшков. Теоретические основы истории русского литературного языка	3

Л. К. Граудина. Беседы о русской грамматике	2
Е. А. Зачевский, Е. Г. Ковалевская. Общее и национальное в лексике языков народов СССР	4
В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка . . .	4
В. В. Одинцов, В. В. Виноградов	4
В. В. Одинцов, Г. П. Смолицкая, Е. И. Голанова, И. А. Васи- левская. Школьный словарь иностранных слов	2
Основы культуры речи. Хрестоматия	5
И. Ф. Протченко. Русский язык: проблемы изучения и раз- вития	6
Серия «Культура русской речи»	4
О. Б. Сироткина. Русская разговорная речь	5
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	
Иванова Н. Д. Поэтика сравнений в казахской литературе . . .	4
Исаев М. И. Букет поэзии прекрасный	4
Касымова С. Д. О культуре и нормах устной речи	1
Лаззи Х. А. <i>Атмосфера, климат, погода</i> на газетной полосе . . .	5
Санги В. М. «Пусть живут, как два брата, наши два языка» . . .	2
Холматова С. Д. Таджикские писатели о русском языке	6
Цакунов О. А. Свет нашей дружбы	3
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
Богданов А. П., Пентковский А. М. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного	5
Бульчев А. А. Наследники Ивана Федорова	4
Васильева Н. В. Наречие	5
Вишневская Г. П. Скоморошья небылицы в языке сатиры XVII века	5
Гетманец М. Ф. Каяла — скалистая река	4
Городилова Л. М. «Дело по прозбе Козмы Лузгина с това- рищи»	6
Жуковская Л. П. Слово <i>титло</i> — среднего рода	6
Конявская Е. Л. Книжная культура Твери XIV—XVI веков	5
Кощечкин Б. И. «Мореходные книги» русских поморов	6
Кучкин В. А. «А се волости отъездные...»	6
Миротворцев В. Н. Еще раз о так называемой Влесовой книге	5
Немировский Е. Л. Азбучного дела подъячий (О Василии Бурцове-Протопопове)	4
Немировский Е. Л. Анисим Михайлов Радিশевский	1
Симонов Р. А. Книги Ивана Грозного	3
Судаков Г. В. В чем носили деньги древние русичи?	2
Судаков Г. В. Красна изба пирогами	3
Судаков Г. В. «Урядные молодцы в золотых юпках»	6
Тищенко В. И. Певец храбрых русичей	4
Токмачева И. Б. Словарный состав поручных записей	1
Турилов А. А., Чернецов А. В. Адресовано «книжчию» Ивана Грозного	3
Чернецов А. В. Загадка посоха Геронтия	2
ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Кутина Л. Л., Файнштейн М. Ш. Александр Семенович Шиш- ков	4

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Здесь все наносится на карту	3
Журавлев А. Ф. Областные прозвища	5
Журавлев А. Ф. Этнография в прозвищах	3
Кузнецова О. Д. Утренняя рань	4

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Вакуров В. Н. Скатертью дорога	2
Иваницкая Е. Н. «Там ступа с Бабою-Ягой...»	2
Кузьмин А. И. Русский солдат в воде не тонет и в огне не горит	4
Мокиенко В. М. От печки до лавочки	3
Мокиенко В. М. Тише воды, ниже травы	1
Неженец Н. И. Гармония народной песни	1
Хроленко А. И. Оценочность фольклорного слова	4

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. Господин Великий Новгород	2—3
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Арапова Н. С. Разводить бодягу	6
Борисов В. М. Нефирь из дудина племени	1
Борисова Л. П. «Питая грусть в душе своей...»	6
Вакуров В. Н. Мерка дело красит	4, 5
Виноградова В. Л. Слово <i>волк</i> в древнерусском языке и в «Слове о полку Игореве»	6
Державина Е. И. «Срубина градъ новъ...»	2
Коряковцева Е. И. Дрейфуя, не дрейфить	2
Коряковцева Е. И. Соблази и скандал	6
Луценко Н. А. О глаголе <i>знать</i> и частице <i>знай</i>	1
Миротворцев В. Н. Камень за пазухой	4
Миротворцев В. Н. Шемяка. Шемякин суд	1
Мокиенко В. М. Начеку и насмарку	4
Мурьянов М. Ф. Спешите делать добро!	5
Одинцов Г. Ф. Засапожник, меч, шерешир... в «Слове о полку Игореве»	2
Подюков И. А. Плести лапти и лыка не вязать	5
Польнская М. Н. «Торговади соболями, чернобурыми лисами...»	2
Рождественская Н. В. Олимпийский	2
Русинов Н. Д. Грехов ручей	1
Савенкова Л. Б. Забубенная голова	3
Симонова О. Е. Волчья сыть, сыта и досыта	2
Степанян А. Г. Правда и истина	2
Титаренко Н. А. Какого цвета яхонт?	2
Фадеев В. И. Этимологические дублиеты: гиацинт — яхонт	3
Филатов В. А. Какого цвета волк?	5
Ходакова Е. П. Доморощенный	3
Цоффка В. В. Ирис в Словаре Даля	3
Чекалов К. А. Селадон	5
Шустов А. Н. Автобус и его родственники	1

ОНОМАСТИКА

Суперанская А. В. Беляш, Волчонок, Мочало... (древнерусские имена)	1
Медведев М. С. Из северных фамилий	5
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1, 6
Прѣхоров С. М. У корней родословного древа Есепиных	6

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Вась, Тань, Надь (Сокращенные формы личных имен)	3
Вояж	3
Год — годный — угодить	4
Завтра — назавтра	5
Знак ударения в тексте	5
Интервью и беседа	1
Обзор писем читателей	6
О туке (туках) и его производных	1
Почему пот — цыганский?	3
Предвидеть	3
Профессия — специальность	4
Радиотелеграфный сигнал бедствия «SOS»	5
Русские калачи	1
Свойственный кому или для кого?	1
Читать и прочитывать	4
Что такое московское произношение?	1

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Мелкие леденцовые конфеты называют *монпансье* и *ландрин*. Расскажите, почему они так называются.

А. И. Казакова, Баку

Монпансье — слово французского происхождения — *mont-pensier*, от имени французских герцогов Монпансье. Технология изготовления этих мелких фруктовых душистых леденцов пришла в России из Франции вместе с наименованием. В Москве прошлого века такие конфеты изготавливались по-особому кустарем Федором Ландриным. Со временем Ландрин открыл фабрику. Конфеты пользовались спросом и стали называться *ландрин*. Благодаря тому, что ударение в этом слове падало на последний слог, название конфет воспринималось как французское. Сам же Федор Ландрин был родом из новгородской губернии и фамилию получил по наименованию речки Ландры, на которой стояла его деревня.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С каким ударением надо произносить названия московских улиц типа *Автозаводская*, *Новослободская*?»

Н. Г. Носков, Крюково

В прилагательных, образованных от слов *завод* и *слобода*, ударение ставится на последнем слоге: *заводско́й*, *слободско́й*. В названиях улиц, второй частью которых является прилагательное *заводской* или *слободской*, ударение передвигается ближе к началу слова: *Э́лектрозаво́дская* улица, *Э́лектрозаво́дский* переулок, *Автозаво́дская* улица, *Ка́менно-слободско́й* переулок, *Новослободско́й* улица.

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 2. Ефросинья. 4. Потемня. 6. Ракитин. 8. Друце. 9. Кассиль. 10. «Эпоха». 14. Новиков. 15. Рогожин. 16. Ялта. 17. «Тень». 18. Предлог. 20. Погодин. 22. Елена. 23. «Тропики». 24. Федин. 27. «Лаврики». 28. «Суворов». 30. «Сатирикон».

По вертикали: 1. «Русь». 2. «Егерь». 3. Ярило. 4. Потугин. 5. Ярослав. 6. «Ревизор». 7. Нащокин. 8. Двосточие. 11. Агамемнон. 12. Смирдин. 13. Апокона. 18. «Перевал». 19. Горючки. 20. Папирус. 21. Ноздрев. 25. Парис. 26. «Клоун». 29. Крит.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, И. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), **Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Н. А. РЕВЕНСКАЯ** (ответственный секретарь), **Л. И. СКВОРЦОВ** (зам. главного редактора), **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ**

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 13.08.84	Подписано к печати 10.10.84	T-13369
Формат бумаги 83×108 ^{1/32}	Печать высокая.	Усл. печ. л. 6,72
Усл. кр.-отт. 505,9 тыс. Уч.-изд. л. 7,8	Бум. л. 2	Тираж 73000 экз.
	Зак. 452	

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/12. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10